

**КАК
ВМЕСТЕ
СРАЖАЛИСЬ**

КАК ВМЕСТЕ СРАЖАЛИСЬ

Нижне-Волжское
книжное
издательство
Волгоград
1979

К16 Как вместе сражались: Сборник.— Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1979.— 176 с.

Это сборник очерков, авторы которых — члены военно-научного общества при волгоградском Доме офицеров Советской Армии, непосредственные участники боев за Сталинград. Они пишут о жарких сражениях, о массовом героизме воинов различных родов и видов войск: пехотинцев, танкистов, артиллеристов, саперов, летчиков, военных моряков, а также железнодорожников, защищавших волжскую твердыню

К $\frac{11202-029}{М 151(03)-79}$ 3—79

9с272
ББК—63.3(2)722.12

© Нижне-Волжское книжное издательство, 1979

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Эта книга — коллективный труд членов военно-научного общества при волгоградском Доме офицеров. Все авторы — участники Сталинградской битвы. За героизм и мужество, проявленные в боях, они удостоены высоких правительственных наград.

Уйдя после многолетней службы в Советской Армии на заслуженный отдых, ветераны ведут большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Поскольку авторы представляют различные боевые специальности, сборник получился разносторонним. А из-за того, что сражались они на различных участках охватившей огромные пространства битвы и в разное время, думается, освещение этого грандиозного события в книге получилось достаточно широким. На наш взгляд, определенным достоинством сборника является и то, что наряду с известными фактами и событиями, авторы описывают и ранее не упоминавшиеся в документальной литературе.

Впрочем, окончательное суждение по книге за вами, дорогие читатели.

На земле

А. М. Овчаров,
Герой Советского Союза,
генерал-майор танковых войск в отставке*

ТАНКИСТЫ

Три танка Т-34, свернув с дороги, спустились в овраг. Под тeneвым скатом заглушили моторы. Распахнулись люки; танкисты, наломав веток, замаскировали машины. Старший лейтенант Хазов взобрался на край оврага, посмотрел вниз — замаскировались надежно. Заодно оглядел выгоревшую от жары степь и белое небо над ней. С запада наплывало пыльное облако, далеко в стороне ныли авиационные моторы, из-за горизонта доносилось глухое погромыхивание боя. Хазов объявил:

— Перекусим, братцы! — Потом не спеша разъяснил: — Хотим мы или не хотим, а по всему видать, за Дон попятиться придется...

Дело в том, что 23-й танковый корпус понес в боях большие потери, и ему следовало пополниться. Корпус отводят в Сталинград. Танки даст тракторный завод. А пока остатки боевых машин сведены в отдельную группу. Ею руководит заместитель командира корпуса полковник Красноголовый. Группа должна прикрыть переправу через Дон, а Хазов с тремя танками направляется в засаду.

— Наша задача, — закончил Хазов, — учинить немцам панику еще до того, как они вырвутся к Дону.

* Овчаров А. М. в дни Сталинградской битвы — майор, начальник разведотдела 23-го танкового корпуса, затем начальник штаба 6-й танковой бригады.

Один из танкистов заметил:

— А ловко вы нас в овраг провели. Местами спуск крутоват был.

Хазов улыбнулся:

— Я же перед войной служил на Дальнем Востоке. А там, братцы, сплошной танкодром повышенной трудности: тайга, сопки, болота.

Танкисты слушали командира и смотрели на него так, что чувствовалось — очень верят в него. Не раз случается слышать такие определения о ком-то: «он рожден летчиком», «он рожден моряком». О Владимире Петровиче Хазове можно бы сказать: «Он рожден танкистом». Невелик ростом — для тесной коробки танка это удобно. Крепок и цепок — качество для человека, орудующего рычагами, механизмами наводки внутри неистово болтающейся и трясущейся машины, далеко не маловажное. Это внешние данные. А свои боевые, командирские качества Хазов уже не раз проявил в деле...

— Идут! — предупредил наблюдатель.

Танкисты попрыгали в машины. Затаились. Из-за бугра, что желтел за устьем оврага, выкатилось облако пыли. В нем Хазов едва высмотрел три танка с крестами на серо-сизой броне. «Боевое охранение, — определил он. — Пусть катятся». Спустя некоторое время, в новом облаке пыли показались еще танки. Один, два, три... семь. Основная колонна. Как ни велико было предбоевое нервное напряжение, Хазов с удовлетворением заметил: «Хорошо, что мотопехоты с ними нет и автоматчиков на броне не везут!» Тут же скомандовал по радио:

— За мной! Делай, как я!

Три Т-34, стряхнув с себя ветки, выбрались из оврага и направились след в след за колонной немцев.

В книгах часто пишут, имея в виду немецкий танк: «Стальная громада надвигалась...» Это так, если танк показан с точки зрения вжавшегося в землю пехотинца. Но образ «стальной громады» будет не к месту, когда мы сопоставим угловатую коробку немецкого танка с мощными и в то же время маневренными Т-34 или КВ. Вот и сейчас три Т-34, словно бы связанные одним буксировочным тросом, легко, свободно настигали фашистскую семерку. Силуэт замыкающего колонну танка Хазов увидел сквозь пыль с дистанции пятьдесят мет-

ров. Спокойно взял в прицел его моторную часть и выстрелил. Развороченный мотор не только полыхнул огнем, он, видимо, мгновенно заклинившись, порвал все приводы, и танк, разом превратившись в бесполезную и опасно горящую колымагу, остановился. Из распахнувшихся люков полезли оглушенные и, наверное, ничего не понимающие танкисты. Хазову не было необходимости тратить на них боезапас пулемета. Этим занялись два других экипажа. Обойдя горящий танк, старший лейтенант занял его место в колонне. Прицел закачался на моторной части второго от хвоста колонны фашистского танка...

Командир немецкой танковой колонны, как и положено уверенному в себе и подчиненных военачальнику, стоял, по пояс высунувшись из люка. Он смотрел вперед, туда, куда ушло боевое охранение, где скоро, по расчетам командира, должен заблестеть Дон, где, возможно, предстоит бой. Он, командир, видимо, мог бы время от времени запрашивать свои экипажи по радио или хотя бы оглянуться на порядок колонны. Но не сделал этого. И оглянулся лишь тогда, когда сквозь рев мотора услышал резкий и поначалу непонятного происхождения выхлоп. И увидел: из облака пыли, в том месте, где должен был двигаться очередной за ним танк, вспучивается лохматый огненно-дымный столб; на нем дико кувыркается угловатая коробка башни с пушкой и крестами. Этот зловещий взрыв стремительно обходит приземистый, с обтекаемой литой башней и с красной звездой на броне танк.

Командир колонны успел нырнуть в башню, захлопнуть люк и дать приказ на резкий маневр. И, наверное, успел предупредить об опасности боевое охранение. Он начал разворачивать башню для упреждающего выстрела. Но сделать его не успел. Как раз в этот момент в прицеле Хазова оказалась боковая броня...

Хазов доложил по радио полковнику Красноголовому о выполнении боевого задания и повел танки к переправе...

Это лишь один эпизод с маленькой группой танкистов. Из таких эпизодов и сложился немеркнущий подвиг советского народа в Великой Отечественной войне.

В те жаркие дни лета 1942 года мы хотя и отступали под натиском превосходящих сил гитлеровцев, но не

позволили им провести ни одной значительной операции по окружению наших войск. С упорными боями наши соединения, части ускользали от врага, пусть с потерями, но сохраняя основные силы. Так наш 23-й танковый корпус дал фашистам крепкий бой, вызволил из окружения группу войск полковника Журавлева.

Наши удары оттянули намеченную противником дату выхода к Сталинграду на две недели, заставили снять с кавказского направления 4-ю танковую армию и перенацелить ее в помощь Паулюсу.

Однако отступать до бесконечности было нельзя. Никак нельзя было позволить немцам рассечь Волгу, допустить их к нефти. Тогда в войсках зачитали приказ Верховного Главнокомандующего, в котором со всей откровенностью показывалась опасность сложившейся обстановки. Убедительно объяснялось, почему настала пора прекратить отступление и объявлялись строгие меры для тех, кто этот приказ не поймет. Но приказ был нами понят и слова из него «Ни шагу назад!» сделались для нас главными.

...В то время мне выпала судьба быть сперва начальником разведотдела штаба 23-го танкового корпуса, а затем — начальником штаба 6-й танковой бригады. Прежде чем поделиться собственными впечатлениями от событий тех месяцев, закончу свой короткий рассказ о нашем славном танкисте Владимире Хазове. За доблесть в боях ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Но не дошла Золотая Звезда до героя...

13 сентября Хазов вел бой в районе Мамаева кургана. Танк был подбит, Владимир тяжело ранен в голову. У него хватило сил выбраться из машины. Товарищи подхватили своего командира и, положив на моторную часть другого танка, повезли в медсанбат. У Хазова было здоровое сердце, крепкие нервы, и все надеялись — выдюжит он. Но фашистский самолет обстрелял танк. Не стало нашего Володи Хазова. Но он остался в нашей памяти и в наших делах. Имя Хазова можно увидеть на мраморной плите Аллеи Героев на Мамаевом кургане.

* * *

22 августа начальник штаба корпуса полковник Волконский направил меня за Дубовку. С делом я управился быстро и уже на следующее утро, 23 августа, на

броневом автомобиле возвращался в Сталинград. Подъезжая к городу, увидел мчащиеся навстречу автомашины, повозки и бегущих людей. У всех — взволнованные лица. Вышел из машины, спросил:

— Что за паника?

— Немцы, танки!

Какие немцы? Какие танки? Я — начальник разведотдела. У меня карты с нанесенной линией фронта. Немцы на Дону, а не у Волги! Но на всякий случай, съехав с дороги, направил бронемашину к Сталинграду оврагами. Снова вышел и услышал частую орудийную стрельбу, поднес к глазам бинокль...

Зенитные пушки, опустив стволы, били прямой наводкой по танкам с крестами на броне. С десятков их уже горело. Часть орудий стреляла осколочными снарядами по бегущим за танками зеленым фигуркам. А несколько зениток, задрав стволы, палило в небо. Два «юнкерса», оставляя черные шлейфы дыма, врезались в землю. Снова всмотрелся в зенитчиков. Батюшки! У пушек хлопотали девочки. Станины, содрогаясь от частых выстрелов, выколачивали из земли пыль. Она смешивалась с пороховым дымом. Там — я знал это — тугие выхлопы залпов больно били по барабанным перепонкам, пыль, копоть разъедали глаза, забивали дыхание. И мужчинам в таком аду было бы не сладко!

Позже, в книге «50 лет Вооруженных Сил», я прочитал о том, что 85-миллиметровые орудия 1077-го зенитно-артиллерийского полка полковника В. Е. Германа за два дня боев уничтожили 83 фашистских танка, 13 автомашин с пехотой, истребили около трех батальонов автоматчиков и сбили 14 вражеских самолетов.

А тогда, убедившись, что путь на город мне отрезан, вернулся за Дубовку, переправился на пароме через Волгу и направился левобережьем к Сталинграду. Город был в огне. Нефтесиндикат разбомбили, и горящая нефть устремилась в Волгу. Мне удалось переправиться на правый берег в районе завода «Красный Октябрь». К вечеру я прибыл в штаб. Для нас начались кошмарные дни и бессонные ночи Сталинграда.

Вместе со 2-м корпусом, по приказу командующего фронтом генерал-полковника Еременко, мы попытались отсечь прорвавшихся к Волге в районе Рынка немцев и соединиться с бригадой, что была за Дубовкой

и теперь атаковала противника с севера. Но сил у нас на это не хватило.

Потом мы держали оборону по линии северная окраина поселка Красный Октябрь — Авиагородок — Мамаев курган. Мы хорошо укрыли танки, превратив их в доты, очень надежные... днем. А ночью сказалась нехватка людей для прикрытия танков. Немцы подкрадывались к ним, забрасывали гранатами. Сил не доставало и для того, чтобы сделать оборону эшелонированной в глубину. Даже офицерам штаба корпуса приходилось среди ночи хвататься за оружие, прыгать в окопы.

А все вокруг было окутано едким дымом, пылью, кирпичным и каменным крошечком. По земле пробегала дрожь от взрывов и пушечных выстрелов. И так дни, ночи, недели... Но мы видели и другое: если в большой излучине Дона немцы в иные дни продвигались на десятки километров, если им удался бросок от Дона к Сталинграду, то здесь их продвижение упало с километров на сотни, на десятки метров, потом на считанные метры. Потери врагов возрастали. Но и мы, конечно, не были заговорены от смерти. В танковой бригаде подполковника Хопко погиб начальник штаба. Исполнять эту должность послали меня.

Нас оттеснили от Авиагородка, и 17 сентября, вместе со стрелками подоспевшей из-за Волги дивизии полковника Родимцева, мы провели жестокий бой за железнодорожное полотно у станции Сталинград-I.

Потом бригаду отвели во второй эшелон. Подсчитали свои силы: один танк с заклиненной башней и сорок шесть бойцов, оставшихся от взвода связи, саперного и хозяйственного. Тем не менее боевую задачу нам дали: защищать баррикаду на улице Ленина, там, где теперь здание облздравотдела. Баррикада представляла собой завал из железных бочек, ворот, обломков стен, глыб бетона: в разбитом бомбежками городе «стройматериала» для подобных сооружений хватало. Я оглянулся на восток: Волга совсем близко. И хоть онемело все тело от усталости, хоть мозг оцепенел от бессонницы, вопреки всему, что происходило вокруг, подумал отчетливо и уверенно: «А все-таки мы выстоим! Обязательно выстоим!»

Каждый защитник Сталинграда, независимо от того, где он родился, рос, знал твердо: здесь он дерется и за

свой дом. Но я, украинец, пришедший к Волге от берегов Дуная, не думал тогда, что сражаюсь за свой дом в смысле самом прямом. Жил я долго в том же квартале, где когда-то стояла наша баррикада.

После того, как вражеская авиация разбомбила тракторный завод, наш корпус не получил ни одного танка. Все внимание мы направили на ремонт подбитых машин, благо, сохранились заводские склады. Танки стягивали к разбитым цехам, неисправные агрегаты — мотор, коробку передач или что-то другое — вынимали, ставили взамен исправные и выполняли принятый нами лозунг: «Подбитый сегодня танк — завтра должен быть в строю!» Наши ремонтники трудились рука об руку с рабочими тракторного завода. Иные машины попадали на ремонтную базу по три и даже четыре раза.

Если гитлеровцы довольно долго пытались вклиняться в город большими танковыми колоннами, то мы быстро поняли — массированные удары хороши в полях. В кирпично-каменных ущельях улиц большим армадам не развернуться. Вот и стали посылать танки по два, по три для поддержки войск на самые сложные участки, главным образом, на перекрестки улиц. Полускрытые за нагромождениями камня, танки становились своеобразными дотами. В таком качестве использовались и подбитые машины. Их затаскивали в развалины домов, зарывали за ночь по башню в землю. Противник бежит в атаку на безмолвное здание. Он готов сразить из автоматов засевших там наших бойцов, забросать их гранатами. И вдруг из черного провала ослепительно вспыхивает выхлоп танковой пушки и режет свинцовая струя кинжального огня из пулемета. Хорошо замаскированные танки в условиях городского боя могли отбивать атаки многократно превосходящих сил противника.

Так случилось 14 и 15 сентября на участке 6-й гвардейской и 189-й наших танковых бригад. В бригадах было около 30 танков и два неполных полка противотанковой артиллерии. Противник же бросил в бой около 400 танков. Из них больше сотни превратились в факелы. Противник попятился и наконец-то отказался от массированных танковых ударов.

27 сентября в поддержку атакующим пехотным батальонам гитлеровцы бросили всего 16 танков. Перед атакой авиация противника пробомбила наш передний

край. Но укрытым руинами танкам грозили лишь прямые попадания бомб, а такое случается не часто. Тем не менее, немцы увидели: все наши танки дружно горят. Ободренные этим, враги ринулись в атаку. Но что это?! Из-под густых клубов дыма хлестнул огонь частых выстрелов. Во вражеские танки, в упор, прошивая их броню, ударили болванки. Атакующих стрелков косили ожившие пулеметы. Оставив на поле боя 11 машин, немцы откатились. Они не знали, что наши танкисты применили тогда военную хитрость. Едва закипела вокруг них от взрывов авиабомб земля, как на каждом танке зажгли дымовую шашку. Немецкие летчики с удовлетворением доложили по радио, что объекты горят. И наземные войска противника уверенно пошли в атаку...

Фашистов остановили на всем нашем участке, и уже другая задача обрисовалась перед нами со всей отчетливостью: срезать высунувшийся с запада фашистский клин. Стало понятно: теперь-то вновь понадобятся крупные танковые соединения, которым придется действовать на оперативных просторах предстоящих наступательных боев. Управление 23-го танкового корпуса вывели за Волгу и отправили на доформирование.

* * *

Волей судьбы военного человека я заканчивал службу в облвоенкомате здесь, в Волгограде, в городе, который защищал. Сейчас я каждый день прохожу по тому месту, где когда-то стояла наша баррикада. Здесь выросли мои дети. Сюда ко мне приходят в гости мои внуки — уже коренные волгоградцы. Здесь мой дом.

ПО-ГВАРДЕЙСКИ

13 августа полки 39-й гвардейской стрелковой дивизии выгрузились ночью на станции Иловлинской. Дивизию сформировали под Москвой за неделю до этого из 5-го воздушно-десантного корпуса.

На другой вечер штаб отправил первый документ:
«Боевое донесение 39 гв. сд. в штаб
1-й гвардейской армии. 14.8.42.19.00

1. Сведений о противнике нет.

2. Части дивизии сосредоточиваются:

112 гвардейский стрелковый полк с дивизионом 87-го гвардейского артиллерийского полка — у переправ;

117 гвардейский стрелковый полк двумя батальонами с батареей 45-миллиметровых пушек и батареей 120-миллиметровых минометов — в лесу у х. Задоно-Авиловский, 3-й батальон — в роще севернее Иловлинской.

120 гвардейский стрелковый полк на марше из поселка Тары в Качалинскую.

3. Командный пункт — Качалинская.

Командир дивизии — Гурьев,
комиссар — Чернышев,

начальник штаба дивизии — Нетесов».

Утром 15 августа на западном берегу Дона на высоте 132, что южнее станицы Трехостровской, располагалась в насоро вырытых окопчиках группа офицеров штаба дивизии.

Впереди по степи на запад, в сторону хутора Кисляков, двигались роты 117-го гвардейского стрелкового полка. За час до этого в том же направлении выехала и скрылась за горизонтом машина с рекогносцировочной группой. В ней — полковник Нетесов, командир 117-го полка подполковник Чебаев и другие офицеры штаба. На наблюдательном пункте остались начальник

* Ионов В. М. был майором, заместителем начальника штаба 39-й гвардейской стрелковой дивизии.

политотдела Дубровский и я, начальник оперативного отделения дивизии.

Вчера мы узнали, что впереди, километрах в двадцати, вели бой части 62-й армии. Перед утром оттуда доносились звуки артиллерийской перестрелки. Как видно из приведенного выше донесения, сведений о противнике мы не имели. А тем временем его танковые и механизированные части, пополненные новыми соединениями 6-й армии Паулюса, в этот день прорвали оборону наших войск в большой излучине Дона.

Потом мы узнали от пленных: с одной из высот, в дрожащем мареве раскаленной степи, вдали они увидели отливающую голубыми бликами широкую реку. За нею темнел лес. Фашисты понимали, что это не Дон.

Он тоже был впереди, но совсем невдалеке, за крутым берегом.

«Волга!» — обрадовались немцы. Загудели моторы. Но едва танки тронулись, мираж Волги исчез. Зато вполне реально гитлеровцы увидели советских солдат. Это были бойцы 117-го полка. Получив от боевого охранения сигнал о появлении вражеских танков, роты, рассредоточиваясь, занимали для обороны овражки и лощины.

Фашисты развернули колонны и с возгласом «дрюк-ке!» (дави!) устремились на восток. Но кого давить? Наши роты, как тот мираж, исчезли в неровностях на склонах высоты.

Появились вражеские самолеты, они сбросили груз на переправы и на занятые нами высоты. Танки стали гоняться за отдельными, перебегающими из одной лощины в другую, бойцами. С нашей стороны пошли в ход гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Два танка загорелись. Со стороны Трехостровской раздались артиллерийские выстрелы. Была успевшая переправиться батарея нашего 87-го гвардейского артиллерийского полка.

Снаряды рвались вокруг сгрудившихся у дороги танков. Двигаться без разведки их экипажи не решались, ибо саперы буквально под носом у гитлеровцев успели разбросать противотанковые мины. Закапывать их в землю было некогда, но и просто прикрытые травой они оказались опасными. Один танк подорвался на mine, второй запылал от снаряда противотанковой пушки. Три танка, оказавшиеся на склоне левее основной груп-

пы, двинулись в сторону артиллерийских позиций. Остальные попятились.

К вечеру мы получили приказ отвести с плацдарма прижатые противником к берегу подразделения дивизии на восточную сторону реки. Сделать это можно было только ночью. Но из-за нехватки переправочных средств мы не успели перевезти скопившихся под кручей раненых. К тому же нас еще не покидала надежда на возвращение кого-либо из рекогносцировочной группы. Поэтому решили задержаться до тех пор, пока есть силы отбивать атаки врага.

С наступлением темноты к нам начали подходить многие из тех, кто дрался в одиночку или группами в степи. Но от Нетесова никто не вернулся. Всю ночь бойцы окапывались, с остервенением вгрызались в окаменевшую от дневной жары землю высот.

С утра фашистским танкам местами удалось ворваться на наш передний край. Их расстреливали из пушек, подбивали гранатами и из противотанковых ружей, а они все лезли и лезли. Уже 17 подбитых, обгоревших танков чернели на склонах.

Росли потери и среди наших бойцов. Пыль, гарь и дым плыли над высотой. Жаркое солнце желтым пятном висело в зените. В горле пересохло, страшно хотелось пить; по телефону, по радио не говорили, а хрипели. Воды из близтекущего Дона не достать — все кругом простреливалось, да и послать за водой было некого.

Из соседнего окопчика донеслось:

— Слева танк!

В пятидесяти шагах от наблюдательного пункта мы увидели башню с черным крестом заходящего по ложине к нам в тыл танка. Выстрелом из пушки он поджег укрытую в овражке машину оперативного отделения. Шофер Орлов и завделопроизводством Никишев под огнем устремились к машине. Принесли дымящиеся папки с документами.

...Вечером при переправе через Дон Орлов и Никишев погибли, а обгоревшие папки прибило волной к берегу. Бойцы их подобрали и доставили в штаб. Эти документы и сейчас хранятся в Центральном архиве Министерства обороны...

Танк, что зажег машину, стал утюжить траншеи. Но

выдолбленные в затвердевшей, как бетон, ссохшейся земле кургана, окопы не поддавались утюжке, тогда фашисты открыли люк башни и попытались бросить в укрытия пехотинцев гранаты, но град пуль из автоматов заставил их отказаться и от этого.

В бой с танком вступили бойцы взвода противотанковых ружей лейтенанта Белова. Они выдвинулись из-за северного ската высоты, на котором еще вчера стояла громадная ветряная мельница (утром она сгорела). Теперь неподалеку от ее пепелища запылал танк. Вскоре их горело уже четыре.

Гремел бой и за северным скатом, где вчера был наш командный пункт. Там отражали атаку танков воины 43-го противотанкового дивизиона. Они стояли насмерть у своих раскаленных орудий. Когда погиб командир дивизиона, на его место встал комиссар Николай Родионов, а старший адъютант дивизиона лейтенант Василий Старых заменил одного из погибших командиров батареи. Подбили с десятков танков.

К концу дня на батарее Старых остался он да двое бойцов — Косинов и Колосветов. Втроем они управляли последним орудием, ведя огонь по наседающим танкам. Еще подбили два. Приближался третий. В единоборстве с ним Косинов и Колосветов погибли. Старых зарядил орудие, но выстрелить не успел. Осколками снаряда он был тяжело ранен. Танк противника, однако, вперед не пошел, а стал пятиться, прикрываясь огнем из пулеметов, он накатился на окоп, в котором укрывался стрелок Судариков. Едва вражеская машина сошла с окопа, как полузасыпанный землей боец метнул связку гранат. Последовал оглушительный взрыв — танк замер. Пытавшихся выбраться через аварийный люк гитлеровцев Судариков прикончил из автомата.

К вечеру на нашем правом фланге несколько вражеских танков все же прорвались к берегу. Комиссар Родионов возглавил расчет последнего оставшегося на колесах орудия. Пушка, подхваченная бойцами, скрылась за скатом высоты. Донеслись выстрелы. Потом все стихло. Танки врага в тыл к нам не вышли. Быстро темнело. Бой продолжался. Расчет пушки и комиссар дивизиона не вернулись. Враг, не сумевший пробиться к берегу, неистовствовал в окрестных селениях. Отсветы пожаров зарницами полыхали в небесах.

Под покровом ночи все скопившиеся под кручей раненые были переправлены. К утру, кто на подручных средствах, кто вплавь, перебрались через Дон и остатки прикрывших переправу подразделений. Последней переправилась разведывательная рота. С ее помощью перебрался за реку и я, раненный накануне в плечо.

Выйдя на берег, разведчики рассыпались по застрелкам и, как были в одних трусах, вступили в бой с гитлеровцами, пытавшимися переправиться вслед за нами. Во время этой схватки меня ранили еще раз — в левую руку.

В этом месте прорваться через Дон фашисты так и не смогли. Они сделали это пять дней спустя, несколько южнее, у хутора Вертячий.

* * *

Потом Сталинград. Как гнезда стрижей в круче волжского обрыва темнели земляные норы вырытых наскоро блиндажей штаба. Непрерывной вереницей заходят и, накренившись, сваливают свой груз вражеские самолеты. Вокруг, насколько видит глаз, дымными гейзерами взмывает земля. Пыль и смрад. В них, между землянками, снуют люди; исправляют постоянно рвущиеся провода связисты, идут на задание разведчики, спешат командиры, копаются в земле саперы, несут раненых санитары...

Землянки оперативного отделения штаба, политотдела; затем блиндаж командира нашей 39-й гвардейской дивизии Степана Савельевича Гурьева; потом укрытия связистов, разведчиков, пункта сбора донесений других подразделений и хозяйств, о которых мне, как заместителю штаба 39-й дивизии, что держала оборону на «Красном Октябре», полагалось знать.

...Вечер. Окончился еще один день, особенно запомнившийся боем за школу № 34, которую защищали остатки роты лейтенанта Баландина. Мы видели, что гитлеровцы окружили школу, но и она ошетибилась огнем. Опять заговорила пушка танка, но вскоре он загорелся. Поджег его старшина Пантелей Шульга, старый солдат, защищавший Царицын еще во время гражданской войны. Укрываясь за развалинами, лавируя между нагромождениями камней, опытный солдат приблизился

к танку и бросил в него одну за другой две бутылки с зажигательной смесью.

К вечеру в дивизию поступило пополнение из 37 человек. Гурьев приказал передать их командиру 112-го полка подполковнику Лещину для усиления батальона Тузова и поставил задачу к утру выволить из окружения гарнизон, обороняющий школу.

Невысокий, сутуловатый, в потертом пыльном ватнике, старший лейтенант Тузов до самого вечера вжимался в развалины, ползал по переднему краю, отыскивая наиболее уязвимые места в боевых порядках врага. Установил, что наибольшей помехой будет пулемет в развалинах соседнего со школой дома.

Уничтожить пулемет вызвались Григорьев и Евдокимов. Два друга сибиряка. Обстрелянные, опытные бойцы, бывшие десантники, при кажущейся неторопливости удивляли умением быстро приспосабливаться к обстановке.

С наступлением темноты, проверив их готовность, Тузов командовал:

— Ну, давайте! Ни пуха, ни пера!

Друзья неслышно скрылись. Путь был трудным. Надо было пройти половину занятого противником квартала. Изредка взлетающие ракеты освещали местность. Слышались разрывы снарядов да далекие выстрелы наших пушек. Гвардейцы уже подбирались к цели. Приготовили гранаты — их разрывы послужат сигналом для броска штурмовых групп. Но тут сзади застрочил немецкий автомат. Били не по разведчикам, а в сторону позиций их батальона. Завозился и расчет пулемета, к которому подбирались сибиряки. Что-то пробурчав, фашисты защелкали затвором пулемета. Но стрелять им не удалось.

Почти одновременно, один за другим раздались четыре взрыва, и тут же ожил весь передний край. Застрекотали автоматы, послышались короткие возгласы. Ракеты осветили местность. Начался ночной бой. По его шуму было заметно, что бойцы Тузова продвигаются вперед.

Однако, как я узнал позже, операция едва не сорвалась, и совсем из-за пустяка. Левофланговая штурмовая группа уже подползала к позициям врага, как вдруг, словно гром среди ясного неба, зазвенела кем-то слу-

чайно задетая старая железка. Гитлеровцы вострепнулись и застрочили в направлении нарушителя тишины из автомата. Хорошо, что тревога не успела распространиться по всему переднему краю. Готовые к атаке штурмовые группы, услышав взрывы гранат Григорьева и Евдокимова, бросились вперед.

В этом ночном бою мы не только выправили положение подразделений, но и захватили четырех пленных. Подтвердилось то, о чем мы уже догадывались — противник получил подкрепление. Перед нами стояла свежая 79-я дивизия. Мы знали теперь, что утро начнется новыми атаками врага. Люди же наши изнемогали от длительного постоянного напряжения и многих бессонных ночей.

Иду в штаб готовить боевое распоряжение. Надо сделать в течение ночи кое-какие перестановки в боевых порядках и улучшить огневую систему, нарушенную в процессе боя.

Подхожу к землянке оперативного отделения, вырытой наспех в крутом склоне оврага. У стены вместо стола — дверь от какой-то халупы. На столе «катюша» — светильник, сделанный из артиллерийской гильзы. Карты, схемы, донесения.

Беру донесение командира 112-го полка. Тяжелейшие события истекших двух суток уложились в несколько строчек. Лещинин пишет: «За последние два дня полк уничтожил 341-го фашиста, 2 танка и одну 37-миллиметровую зенитную пушку. Второй батальон восстановил свое положение, 4 гитлеровца захвачены в плен».

Закончив работу в оперативном отделении и перевязав раненую руку в медпункте, я возвратился в штаб. Познакомился с составленными сводками, откорректировал и подписал подготовленное боевое распоряжение. Мой ординарец Миша принес нехитрый обед и ужин. Сообщил:

— Товарищ майор, ваш дом готов, зайдите. Здесь, рядом со штабной землянкой.

— Ну, пойдем, посмотрим.— Я видел: ему хотелось сделать мне приятное.

Откинув плащ-палатку, заменяющую дверь, мы вошли в небольшую штольню. Я оценил:

— В самом деле, дом. Спасибо, Миша! Но пока не нам жить в этом доме. Мы идем в 120-й полк, потом

на НП. А около медпункта под дождем лежат раненые. Передай врачам мой приказ занять эту землянку.

В 120-й полк мы сразу не попали. Нас перехватил запыхавшийся связной из штаба 117-го гвардейского стрелкового полка с донесением: командир полка Иван Дмитриевич Андреев погиб, полк ведет неравный бой с ворвавшимся в цех блюминг противником. Подписавший донесение капитан Сергиенко просил помощи.

Пришлось вернуться в штаб и дать распоряжение заместителю начальника разведки капитану Оськину собрать и возглавить всех свободных от работы саперов, разведчиков, связистов, бойцов комендантского взвода и выдвинуть этот сводный отряд к наблюдательному пункту комдива. Сам я тоже пошел на НП, к Гурьеву.

Выслушав мой доклад и прочитав донесение из 117-го полка, Степан Савельевич рассердился:

— Еще этого не доставало! Звони в 112-й и 120-й полки — пусть помогут с флангов. А вы, Акзам Низамович, — обратился он к начальнику разведки дивизии Низамову, — идите в полк и возглавьте его. Отряд Оськина возьмите с собой для усиления полка.

Бой разгорался. К концу наступившего, еще более тревожного дня на наблюдательный пункт командира дивизии полетели фашистские гранаты. В схватку с врагом вступили бойцы и командиры всех обслуживающих штаб подразделений.

И опять выстояли.

Это было 23 октября 1942 года.

* * *

Когда мы в феврале 1943 года, закончив бои, покидали этот, ставший родным, обрыв, бойцы приволокли к берегу глыбу спекшихся в огне камней. Сделали на ней надпись: «Здесь стояли насмерть гвардейцы Гурьева» и поставили над местом, где был штаб. На коротком митинге говорили, что и бойцы дивизии за время боев сплотились, подобно этой сплавившейся в огне каменной глыбе.

Г. А. Батаев,
капитан в отставке*

Артиллеристы

Из госпиталя после второго ранения, в сентябре 1942 года, я прибыл в 346-ю стрелковую дивизию, она в то время «ремонтровалась» под Тулой. Вопреки моему желанию, меня назначили старшиной батареи. В непривычных хлопотах прошел месяц. Дивизия пополнялась людьми, вооружалась и проводила учения — старшине забот невпроворот. В конце октября получили приказ об отправке на фронт. Погрузились в эшелоны и двинулись. Скоро поняли — к Сталинграду.

В Поворино прибыли в ненастную полночь. При абсолютной светомаскировке старшины спешно получали продовольствие и фураж. Бойцы бегали с котелками к вагону, где находилась кухня. Я торопил подчиненных, комбат — меня. Поезд тронулся неожиданно, и я, в считанные секунды завершив дела на складе, с чувалом в руках едва успел взобраться в последний вагон. В вагоне-«телятнике» было темно и душно. На двухъярусных нарах, не снимая обуви и шинелей, спали артиллеристы; в ритм стуку колес громыхали карабины, составленные в самодельную пирамиду. Дневальный, примостившийся на краю нар, попыхивал самокруткой. Я остался около полуоткрытой двери вагона и с волнением вглядывался в ночную темень. Скоро родная сталинградская земля — Алексиково! В памяти оживали картины трехлетней давности. Здесь я работал учителем, отсюда осенью тридцать девятого друзья провожали меня в армию. Хотелось увидеть что-то знакомое, близкое. Но во всей округе не светилось ни одного огонька. Однообразно мелькали едва различимые телеграфные столбы и голые кустики молодых лесопосадок, порывистый ветер хлестал в лицо колючей изморосью.

В темноте мелькнули силуэты домиков, обозначилось мутное пятнышко светофора, сильнее громыхнули на стрелках вагоны. Вот и полуторазтажное, с конёчка-

* Батаев Г. А. был старшиной полковой батареи 1168-го стрелкового полка 346-й стрелковой дивизии.

ми, желтое здание вокзала. Высовываюсь в дверь, готовый выпрыгнуть: теплится наивная надежда увидеть знакомого человека. Но поезд, не сбавляя скорости, вновь уносит меня в пустоту тревожной ночи, и мелькнувшие строения исчезают, как призраки.

Теперь я не замечаю окружающего. Мысли устремляются вперед, к Сталинграду, где осталось самое дорогое: отец, сестра, невеста... С ужасом представляю разрушенными знакомые здания, пепелище на месте отчего дома (насмотрелся на такое в Подмоскovie!). Сейчас в Сталинграде ожесточенные, кровопролитные бои. Страшным и противоестественным было окунуться в них в начале войны, в Белоруссии. Теперь мы стали иными. Хлебнули горя, ожесточились, научились убивать. Так скорее же туда, в самое пекло! Мстить.

Паровоз резко затормозил. Цокнули карабины в пирамиде, встрепенулся дневальный. Из темноты послышалась команда — сначала тихая, потом усиленная многими голосами:

— Подъе-о-ом! Разгружа-айсь!

Выгрузились примерно в трехстах километрах от Сталинграда и оказались в полосе небывалого движения войск. Наша батарея от станции Ярыженской до Серафимовича катила своим ходом — на конной тяге. На дороге тесно — десятки тысяч пеших, тысячи автомашин с людьми и продовольствием, с горючим и боеприпасами; артиллерия, танки, повозки двигались на юг и юго-восток. У всех были свои маршруты, сроки, все помнили приказ о скрытности движения, и с наступлением темноты на дорогах становилось тесно. Когда мехчасти, настигнув конные колонны, обгоняли их, когда перекрещивались маршруты, никто не хотел уступать и каждый в возбужденных спорах старался отвоевать себе дорогу.

Моя задача была скромная — чтобы люди и кони были сыты. В мирное время такие заботы у старшин вызовут улыбку. Но в ноябре грозного сорок второго было не до улыбок. Питание и фураж! Где их взять? Где склады ПФС — впереди или еще на рельсах? Узнать это следует, конечно, в штабе. Но и он в движении. В первый день выяснилось: пекарни отстали и хлеба нет. В каком-то «чужом» складе нам сказали: «Получайте, старшины, муку, проявляйте инициативу и находчивость». Мы проявляли.

Получив на личный состав двух-трехдневную норму муки и уточнив очередной маршрут батареи, мы с ездовым Савкиным — уже немолодым исполнительным бойцом из Саратовской области — на пароконной повозке мчались в ближайший хутор. Не забыть деловых и охочих на крепкое словцо казачек! Встречали они нас порой едкой насмешкой, а то и бранью, потом выслушивали, потом, всплакнув, рассказывали о погибшем муже или брате и тут же, осушив передником горячую слезу, принимались за дело. Работали ловко, споро. Умели за 4—5 часов испечь хлеб, снарядить воина в дорогу. Жили еще в памяти казачек сборы в былые походы их отцов и дедов.

Нагрузив повозку теплым хлебом, мы спешили перехватить батарею на марше, найти свою кухню и накормить людей.

С фуражом было не легче. Овес, хотя и с перебоями, получали. Но сено? Два-три раза давали прессованное в небольших количествах, но это было каплей в море: сено нужно коням днем и ночью, на каждом привале. Где его взять? В хуторах и станицах на нашем пути задолго до нас все сено было сдано армии. Не только обочины дорог, но и поля истоптаны и превращены в месиво, а чуть позднее они покрылись ледовой коркой и снегом. Использовали все, что хотя бы напоминало корм: многогодовалые соломенные крыши сараев, прутья кустарников, бурьяны и суррогаты. Часто ездовые, оставаясь голодными, отдавали свой хлеб коням. Рано наступившие холода прибавили трудностей и тягот. Особенно тяжелым для нашего полка оказался канун 25-й годовщины Октября.

Утром 6 ноября командир батареи разъяснил мне по карте маршрут, место встречи, и мы с Савкиным помчались в очередной поиск места, где можно выпечь хлеб. Близкие села и станицы оказались занятыми старшинами других подразделений, и нам пришлось отклониться от маршрута. В небольшом хуторе нашли женщин, которые взялись нас выручить. Однако, как я ни торопил казачек, как ни старался колоть сухие поленья, хлеб испекли лишь к исходу короткого ноябрьского дня. В сумерках мы, надежно укрыв повозку брезентом, рысью погнали лошадей.

За хутором начинался лес, и в нем нас застал дождь.

Дорога размякла. В темноте лошади и повозка то попадали в колдобины, то натыкались на корни и пни. Меня охватило беспокойство. С батареей двигалась кухня, и я не сомневался, что добросовестный повар Чесноков приготовит ужин, но... хлеб-то был у нас. Тревога моя усилилась, когда после трехчасовой езды я не нашел на условленном перекрестке дорог нашего связанного. Дальнейшего маршрута я не знал.

Теперь мы ехали по открытому полю. Стало светлее, но дождь продолжал лить.

Вскоре мы догнали растянувшуюся колонну одного из батальонов нашего полка и, убедившись, что едем правильно, пошли в обгон. Молодые бойцы, промокшие и уставшие, едва шли. Некоторые, обессиленные, пытались садиться на сырую землю, но командиры и более выносливые товарищи не позволяли им этого, взваливали на себя их вещмешки и даже винтовки. Дождь перешел в мокрый снег, и стало подмораживать. Скоро снег забелел на бугорках у дороги, потом на шапках бойцов. Часам к трем ночи погода изменилась неузнаваемо: на очистившемся небе заискрились звезды, при свежем северном ветерке мороз стал злее. Смерзшиеся шинели гремели, как жестянки, влажное белье становилось ледяным, в затвердевших ботинках пальцы примерзали к портянкам. Дорогу покрыли скользкие кочки и лужи с неокрепшим льдом. А главное — были израсходованы силы в труднейшем тридцатикилометровом марше, длившемся более десяти часов.

Несмотря на это, движение продолжалось, остановка даже на короткое время могла привести к тяжелым последствиям.

От наших коней валил пар, под брюхом у них висели сосульки. На подъемах, в замерзающих лужах я и Савкин, взявшись за постромки или колеса, напрягались не менее, чем кони. Пехотинцы, глядя на повозку, не раз обращались к нам за помощью, но мы не имели сил помогать, к тому же не теряли надежды догнать батарею. В небольшой впадине дорогу нам загородили сгрудившиеся пехотинцы.

— Ездовой, сюда! — крикнули из темноты.

Такое мы уже слышали, но на этот раз я насторожился: в голосе не просьба — приказ. К повозке подошел командир с кубиками в петлицах.

— Левее, вон туда! — властно распорядился он и потянул было коней под уздцы. Я остановил его:

— В чем дело? Видите, кони стали. На себе тащим...

Лейтенант, такой же обледенелый и измученный, взъерошился, готовый к решительным действиям, но их предупредил неторопливый, знакомый мне бас:

— А-а, старшина! Вовремя...

Удивившись и обрадовавшись, я узнал сержанта Корнеева, командира орудия нашей батареи, и осыпал его вопросами:

— Почему ты здесь? Где батарея?

По обыкновению не спеша, Корнеев обстоятельно разъяснил:

— Мы — команда, комиссар полка направил нас подбирать слабых. Вон малыш лежит, кочан кочаном. Бери его, старшина, на подводу, пропадет ведь.

Я неуверенно стал возражать, но сержант продолжал:

— Станица близко, за этой высотой. И батарея там. Бери, старшина, парня. На колесах докатим. Я пойду с вами, — и, наверное, вспомнив про своего теперешнего командира, уже притихшего, обратился к нему:

— Разрешите, товарищ лейтенант?

Лейтенант разрешил. Общими усилиями мы продвинули повозку на обочину дороги, где некоторые из ослабевших, поддерживаемые более сильными товарищами, поднимались, пытаясь идти; некоторые, сникнув, сидели на мерзлых кочках. Корнеев, как ребенка, поднял тщедушного, вконец заledenевшего парнишку, уложил его в передке повозки, прикрыв краем мерзлого брезента.

Мы тронулись. Сержант Корнеев, подпирая могучим плечом повозку, помог нам подняться на взгорок, откуда завиднелись домики станицы, и, указав направление, где искать батарею, обратился ко мне:

— Разрешите, товарищ старшина, вернуться. Помочь надо, ведь пропадут ребятки.

И пошел обратно, большой, уверенный, сильный, будто для него не было ни дождя, ни мороза, ни целой ночи труднейшего марша. Теплее стало от сознания, что есть у нас такие, как Корнеев, сильные и отзывчивые, что наше командование вовремя направило этих парней в помощь слабым. Как-то сразу вспомнилось, что сейчас

уже седьмое ноября, что на торжественном заседании, наверно, выступал с докладом Сталин и, как и в прошлом году, сказал советскому народу суровую правду и поставил задачи неимоверно трудные, но вселяющие веру в победу...

Скоро мы дотянулись до станицы, и хотя крайняя изба оказалась переполненной людьми, внесли в нее обмороженного бойца. Савкин остался хлопотать около коней, я пошел искать батарею.

Светало. Станица была большая. У каждого дома стояли повозки или машины, из труб валил дым. Свои короткоствольные пушки я нашел на окраине, в песчаных бурунах, поросших тальником и припорошенных выпавшим ночью снегом. Личный состав батареи ютился в ближайшем домике и в сараях. Тут же была и наша кухня. Командир батареи расспрашивал меня долго и придирчиво. Выслушав подробности, приказал кормить людей.

Завтракали батарейцы в день 25-й годовщины Октября с двойной порцией подмороженного хлеба домашней выпечки.

18 ноября батарея весь день то спешно продвигалась в южном направлении, то останавливалась и маскировалась. С наступлением сумерек погнали лошадей рысью. Ухабистая дорога привела к Дону, на противоположной стороне его чернели строения Серафимовича. Через Дон переправлялись по обледенелому понтонному мосту, имевшему следы бомбежки и артобстрела. Местами он был зыбкий, перекашивался; тогда раздавалась команда: «Быстрой!» Ездовые хлестали лошадей, расчеты бежали за орудиями, на перекосах подстраховывая их, наваливаясь на щиты. Переправились быстро и, несмотря на нервную обстановку, благополучно.

В городе, без единого огонька, запомнились хлопающие ставни опустевших домов, обвисшие провода на перекосившихся столбах и непрерывное движение артиллерии, машин, повозок. На возвышенности обозначились контуры церкви, а далее, на холмистых высотах, как нам сказали, проходила линия фронта. Поехали по бездорожью, обгоняли буксовавшие «полуторки», наткнулись на огневые позиции батарей разных систем.

Связной привел нас к такой же, как и наша, полко-

вой батарее. Комбат «чужой» батарее дал нашему комбату данные пристрелянных им целей, и наши огневики, тут же заняв позицию, быстро изготовились к бою. Работали с подъемом, нутром чувствовали — такое скопление войск, и особенно артиллерии, неспроста. Ждали большого, необычного. Всем хотелось наступать, отомстить врагу за наши страдания.

* * *

Позавтракали до рассвета. На передовой было спокойно, да и начавшийся снегопад отнюдь не располагал к активным боевым действиям. Комиссар батареи, используя затянувшийся после завтрака перекур, собрал расчеты на политинформацию. Бойцы и сержанты, несмотря на трудную, бессонную ночь, с интересом слушали последнюю сводку Информбюро, задавали вопросы, выражали готовность вступить в бой...

Скрежещущий залп гвардейских минометов прервал беседу на полуслове. Из тыла, взметнувшись огненными шлейфами, в сторону врага понеслись реактивные снаряды. Это был сигнал начала артподготовки.

Вмиг все преобразилось.

Зазвучали боевые команды, бросились к орудиям расчеты, заклацали замки-затворы.

— Огонь по фашистам! Огонь!!! — раздавалось ото всюду.

Взметнули пламя тысячи стволов — и, казалось, рухнули небесные своды — началась вошедшая в историю артподготовка. Сотрясая землю, оглушительно рывкали орудия дальнобойной артиллерии, глухо и отрывисто ухали гаубицы и тяжелые минометы, звонкими раскатами гремели дивизионки; периодически, заглушая орудийные выстрелы, пронзительно скрежетали «катюши», и над всей этой разноголосицей канонады, вспарывая воздух, ревущим ураганом неслись на укрепления противника многие тонны смертоносного металла. Стонала донская степь, обволакивалась пороховым дымом. Но эта демоническая какофония у советских воинов рождала радостные чувства, воспринималась ими, как торжественная музыка, вселяла в их сердца бодрость, уверенность в победе.

Час двадцать минут грохотала канонада. Выпущенные

нашей батареей триста снарядов были каплей в море этого всепокрушающего артиллерийского удара. За последним артналетом двинулась в атаку пехота. Потом пошли танки. Ночью наша дивизия вошла в прорыв.

Несколько дней шли во втором эшелоне. Днем и ночью, в пургу и в гололед маневрировали, пробираясь меж воронок и исковерканной немецкой техники. В сутки делали трехчасовую остановку, в буквальном смысле валились с ног от усталости и засыпали на ходу. Но никто не отставал и не жаловался. Охваченные боевым порывом, все стремились принять непосредственное участие в разгроме врага. Навстречу тянулись вереницы пленных румын в зеленовато-грязных шинелях. Они махали пилотками и, изображая подобие улыбок на небритых лицах, кричали: «Гитлер — капут, Сталин хорош!».

Мы же продолжали двигаться на запад и скоро вступили в бой.

Этот встречный бой стрелкового полка с танками в открытом поле, под Большой Донщиной, запомнился на всю жизнь.

...Полк колонной медленно двигался по проселочной дороге, едва обозначавшейся на заснеженном, слегка всхолмленном поле. На нем вразброс высились стога соломы. Было солнечно, тихо, казалось, и войны-то не было. И вдруг из головы колонны по ротам и взводам тревожно понеслось: «Танки! Танки!» Колонна встрепенулась. Зазвучали команды. Разворачиваясь во фронт, подразделения стали спешно занимать позиции там, где их застала команда. Огневые взводы нашей батареи, обгоняя пехотинцев, галопом помчались вперед, в боевые порядки. Я со своим «хозяйством» — кухней и повозкой, не придумав ничего лучшего, схоронился за стогом соломы, откуда и наблюдал начало боя.

По белоснежному полю широким фронтом на нас шли немецкие танки. Их было много. «Десять... двадцать... тридцать...» — считал я, а танки все появлялись из-за бугра. Сначала над окапывающимися в снегу пехотинцами близ дороги хрястнули разрывы бризантных снарядов, и тут же начался обстрел по всему фронту залегшего полка. Полк нес потери, но на огонь противника не отвечал. Танки приближались безнаказанно, за ними бежали автоматчики. Напряжение возрастало.

Оставалось метров четыреста... триста... еще меньше — и поле вдруг вздрогнуло! Одновременно ударили наши полковые орудия, «сорокапятки», противотанковые ружья, пулеметы. Передний танк остановился, задымил, еще один завертелся на подбитой гусенице, еще... Это не останавливает общую лавину танков. Они вклиниваются в наши позиции, начинают утюжить. Но уже ведут огонь наши дивизионные гаубичные батареи, приданные полку, и земля, перемешанная со снегом, горит под вражескими танками. Теперь огонь ведут все из всех видов оружия. Летят в танки связки гранат и бутылки с горючей смесью, бьют бронебойщики, чуть ли не в упор стреляют по смотровым щелям стрелки и пулеметчики. И тут же многие падают сраженные. С ожесточением рвутся фашисты на восток, стремятся выполнить приказ фюрера — пробиться к войскам Паулюса, окруженным в Сталинграде, но преградил им путь на этом рубеже наш полк. Не отступил.

Несколько часов продолжался встречный бой. Около двадцати танков и, наверное, всех автоматчиков оставил противник на поле боя. Отступил. Дорого заплатились и мы. Более двухсот человек убитыми и ранеными потерял наш полк в том бою...

Не менее ожесточенные бои выдержали западнее Перелазовского, затем южнее — под Чернышковским, откуда вышли потом на Морозовскую и Тацинскую. В тех тяжелых боях батарея также имела большие потери, и меня вновь взяли в ряды строевиков, теперь уже на офицерскую должность — командиром взвода управления нашей же батареи. «Хозяйственная эпопея» для меня закончилась.

А теперь расскажу о двух своих боевых товарищах.

* * *

Сержант Корнеев прибыл в нашу батарею недель позже меня, еще под Тулой, когда дивизия находилась на доукомплектовании. Ему отдали мое четвертое орудие, а меня назначили старшиной батареи. Это породило во мне чувство неприязни к Корнееву, хотя я и понимал, что не он был причиной моего перемещения. Первое время Корнеев не вызывал симпатии и у бойцов. Большой, медлительный, суровый, он держался обособ-

ленно, мало разговаривал и казался высокомерным. Вскоре я узнал, что Корнеев — единственный в батарее мой земляк-сталинградец, а узнав, какое горе у сержанта, проникся к нему сочувствием и уважением.

Жил Корнеев перед войной с родителями в Ельшанке, работал на заводе электриком и одновременно учился. Весной 1939 года женился, а осенью, как и я, был призван в армию. Суровую военную закалку прошел в Забайкалье. Зимой сорок первого воевал под Москвой. В мае был ранен и эвакуирован в тыловой госпиталь. У Корнеева рос сын, которого сержант не видел, но по письмам знал, что двухлетний Андрейка — «богатырь», весь в отца.

В госпитале Корнеев получил страшное письмо: родственники сообщали, что жену Лену убило прямым попаданием авиабомбы, а мать с Андрейкой куда-то пропали, наверно, ушли в деревню. Скрывая эту душевную боль от окружающих, Корнеев и казался нелюдимым. Я хорошо понимал состояние земляка — мои родственники тоже оставались в Сталинграде. Желая отвлечь его от тягостных дум, более чем других нагружал работой. Сержант безропотно выполнял все задания и постепенно становился общительнее.

Любимцем батареи Корнеев стал в ноябре, во время трудного марша от станции Ярыженской — места нашей высадки из эшелона — до Серафимовича. Не жалея своей огромной силушки, сержант в тяжелые минуты помогал всем и всюду, и лицо его тогда светлело. Он взваливал себе на плечи вещмешки ослабевших товарищей, на скользких подъемах подпирал плечом орудия, помогая коням, подбадривал бойцов неторопливым метким словом.

Но отзывчивое к своим товарищам сердце Корнеева было наполнено ненавистью и жаждой мести к врагу. За несколько минут до контрнаступления на Серафимовичском плацдарме, во время политбеседы, Корнеев призвал батарейцев бить врага беспощадно. «А если жизнь отдавать, то втридорога», — сказал тогда сержант и потряс кулачищем в сторону фашистов.

Вдохновенным и грозным выглядел Корнеев во время артподготовки 19 ноября. Стоя сбоку пушки, он перед каждым выстрелом энергично взмахивал рукой и громко командовал:

— Ор-рудие!

Увидев меня, крикнул:

— Началось, земляк! Дождались! — и, поворотившись вновь к слаженно работающему расчету, стал подавать команды, не предусмотренные уставами:

— За Лену, ор-рудие!

— За Андреюку, орудие!

Во встречном бою под Большой Донщиной четвертое орудие открыло боевой счет подбитым немецким танкам. Но последовавший вскоре не менее тяжелый бой был для Корнеева последним.

В предрассветную пору, пробираясь по заснеженному оврагу, я прибыл с кухней на огневую позицию батареи. Остановился около разбитых сараев. Справа, вдоль канавы, стояли наши пушки, чуть дальше располагались пулеметчики и стрелки, за которыми морозная предутренняя дымка скрывала фашистов.

Едва мы успели приступить к завтраку, как начался артоналет и на нас пошли танки. Расчеты бросились к орудиям, я — к своему хозяйству. Разбило кухню, убило лошадь, ранило ездового. Спасая уцелевшее хозяйство, я стал пробираться к врагу, где стояли ездовые и орудийными передками.

О том, что произошло на площадке четвертого орудия, рассказал потом замковый Ярославцев — единственный уцелевший в этом расчете.

Танки шли под углом справа, и четвертое орудие оказалось на острие атаки. Орудие успело сделать несколько выстрелов и подбило передний танк. Но его обошел другой и устремился на расчет Корнеева. Снаряд ударил под правое колесо пушки. Ранило сразу четверых, в том числе и сержанта в кисть левой руки. Орудие осело, перекошилось. Немецкий танкист, решив, что с этой пушкой покончено, изменил направление.

Корнеев, оправившись от удара, приказал раненым пробираться по канаве к третьему орудью. Уцелевшему подносчику велел готовить снаряды, а Ярославцеву — перевязать ему, Корнееву, руку. Затем, лежа на боку, сержант уперся плечом в разбитое колесо (вот где пригодилась его силушка!), выправил орудие и приказал зарядить его.

Вокруг рвались снаряды и свистели пули. Ближайший немецкий танк был метрах в трехстах. Сержант дал

выстрел. Снаряд высек искры о башню танка, но не повредил его. Танк пошел на орудие, и на площадке вновь разорвался снаряд.

Сержанта ранило вторично, теперь в грудь, подносчика ранило в ноги. Ярославцев подполз к Корнееву, чтобы оказать помощь, но тот поднялся на ноги и, выплевывая кровь, указал на подносчика:

— Неси его, а я сам. Быстрой...

Бой кипит, танк приближается. Ярославцев уносит раненого, ползет обратно и видит надвигающийся на орудие танк с черным крестом на лобовой броне. Корнеев сидит под щитом орудия, свинчивает колпачки со взрывателей и снаряды ставит вокруг себя. Ярославцев понял: сержант принял решение взорвать снаряды, танк и себя. Ярославцев еще видел, как танк, скрежеща траками, навалился на орудие. Дальнейшего он не помнит — от сильного взрыва потерял сознание. Не слышал и того, как через минуту залп «катюш» накрыл немецкие танки и бой прекратился...

День у меня прошел в хозяйственных хлопотах, а вечером мы с Ярославцевым и батарейным артмастером пошли на место четвертого орудия. Картина была потрясающая. На взорванном и раздавленном нашем орудии стоял обгоревший немецкий танк. За ним шла площадь, накрытая залпом «катюш»: ни снега, ни кустика, ни травинки. Обожженные комья земли, пепел и смердящие коробки немецких танков.

Я с напряжением всматривался в каждый метр черноты и вдруг увидел каблук сапога. Сердце заколотилось: неужели в этом засыпанном окопе? Хотелось увидеть Корнеева хотя бы мертвого. Мы принялись разгребать землю. Я взялся за сапог... И угадал его, этот кирзовый сапог сорок пятого размера: обмундировывая людей на зиму, я не мог подобрать для Корнеева валенок и привез ему сапоги. Один из них — у меня в руках. А рядом — сожженный немецкий танк... Вспомнились слова Корнеева: «А если жизнь отдавать, то втридорога!»

* * *

Впервые я увидел его в разгар боев западнее Перелазовского. В фуфайке и валенках, с телефонным аппаратом и с мотком кабеля в руках, под сильным обстре-

лом бежал связист. Свиста пуль будто не замечал, при разрыве снарядов падал, выждав мгновение, вновь делал рывок, нагибался, искал повреждение на линии. «Паисич», — пояснили телефонисты нашей батареи. Вскоре я узнал, что так, с легкой руки изобретательного старшины, звали двадцатилетнего телефониста полковой роты связи Ивлиева Ивана Паисиевича. Вместе с ним мы прошли потом в одном полку с боями тысячи километров.

29 ноября 1942 года, после тяжелых боев у Большой Донщинки, полк занял Красноярровку, небольшое село. Измученные и продрогшие, полковые связисты приютились в крайнем домике, надеясь согреться и отдохнуть. Кажется, успели согреться, а некоторые и заснуть. Отдых прервала команда:

— Подъем!

Сна как не бывало.

— Шумилин, Волчихин — связь КП — НП полка, — торопливо отдает приказания командир взвода, — Родкин, Заплатников, Паисич, — «нитку» за наступающим батальоном...

Застегивая на ходу фуфайки, телефонисты бросились к повозке с имуществом связи.

Морозная звездная ночь. Звуков боя не слышно. Под копытами монгольского «арапчика» хрустит спрессованный снег, погромыхивает на ухабистой дороге двуколка. Группу связистов ведет командир роты связи полка лейтенант Кормаков. У Паисича через плечо катушка. Скрипит барабан, разматывая кабель.

На высоте саперы долбят мерзлую землю, оборудуют НП командира полка. Оставив двуколку, телефонисты тянут связь дальше по глубокому снегу. Переходят овраг, в котором сосредоточена наша пехота. За оврагом на косогоре одинокий домик и сарай, доверху засыпанный просом. Здесь останавливаются.

— Где же передовая? — спрашивает Ивлиев лейтенанта.

— Пожалуй, здесь, — отвечает Кормаков. — Впереди только боевое охранение, а батальон наш что-то задерживается.

Устанавливают связь с НП полка. Подвязав марлевой тесемкой телефонную трубку к уху, Паисич дежурит, через каждые две-три минуты проверяет:

— «Волга», «Волга»! Я — «Хопер». Как слышишь?

Спокойно, будто и войны нет. В тишине вспоминаются товарищи... Вчера вместе тянули «нитку» за батальоном. И их уже нет. Остались на обочине дороги, присыпанные снегом. А так хочется жить...

Забрезжил рассвет. Справа, совсем близко, резанула пулеметная очередь, захлопали винтовочные выстрелы.

— Я — «Хопер», — отвечает Ивлиев на вызов «Волги». — Есть быть начеку.

К ружейно-пулеметной трескотне прибавляется хлопанье мин. Неподалеку разрывается первый снаряд, второй, третий... Из-за ближайшего бугра, скрежеща и извергая языки пламени, показываются немецкие танки. На редкие окопчики нашего охранения обрушивается мощный удар танкового огня. Снег, смешиваясь с комьями земли, чернеет.

Заговорила наша артиллерия. Лейтенант, надрываясь, кричит в телефонную трубку, указывает ориентиры, начинает корректировать огонь полковой батареи. И вдруг связь обрывается.

Не дожидаясь приказаний, Ивлиев хватается контрольный аппарат и моток кабеля, выбегает из домика и тут же падает, вжимается в снег. Вокруг ухают разрывы, густо дзинькают пули, летят комья земли. Но связь... Перебита линия! Напружинившись, Ивлиев вскакивает, не выпуская из рук провода, бежит по линии.

Нашел! Порыв на высоте, видной со всех сторон. Скорей! Нет и секунды времени доставать нож из кармана. Конец кабеля в зубы, рывок — и провод оголен. Еще рывок... узел. Подключает аппарат.

— «Волга!» — «Хопер!» Слышишь? Я — Паисич. Да, порыв...

Только теперь Ивлиев ощущает, как колотится сердце, как пот заливает лицо, щиплет расцарапанный в кровь палец. Но на душе, под спудом страха, радость: восстановил связь!

Немцы заметили Паисича и ведут по нему прицельный огонь. Пробежал несколько метров, плюхнулся в свежую, пахнущую гарью воронку, прижался к обожженной земле.

Кипит бой! Страшно... Но через контрольный аппарат Ивлиев слышит, как к их «нитке» подключился

гаубичный дивизион и лейтенант Кормаков уже подает команды. Сознание выполненного долга согревает душу.

И опять — порыв линии. Опять, сжавшись пружиной, бежит Паисич. Бежит в сторону НП полка: там гуще рвутся снаряды. Вдруг — на линии Волчихин! Лежит бледный, ранен в руку. Ивлиев наскоро перевязывает товарища, ободряет:

— Ползи в тыл. Связь я обеспечу...

Много раз в этот день соединял Ивлиев перебитую линию.

Возвратился на «Хопер». Сарай разбит. Снег будто горит, покрытый вокруг разметанным просом. Крыша с домика сорвана, стекла повывлетели, но сам домик, прижавшийся на западном склоне оврага и потому едва ли видимый противником, стоит как замороженный. Лейтенант хрипло кричит в трубку. Вражеские танки, маневрируя по фронту, вперед не идут. Путь им преграждает плотный огонь наших артиллеристов. Два или три танка горят...

Впереди боевого охранения уже нет: почти все убиты, раненые уползли в овраг. Лицом к лицу с немецкими танками четыре связиста. Как много сейчас зависит от этих четырех, которые направляют мощь огня на врага! Любой ценой — пусть ценой жизни — надо удержать этот рубеж. И удержали...

Вечером, когда немецкие танки отошли, хоронили убитых. Среди них — еще одного телефониста, Шумилина, обеспечивавшего связь на линии КП—НП полка.

Это было в начале боевого пути Ивлиева. А летом сорок третьего ему присвоили звание старшего сержанта, и вскоре он стал командиром взвода связи. Ивлиева приняли в партию. В сорок четвертом его избрали парторгом роты связи. С волнением и ответственностью молодой парторг проводил беседы о международных событиях, руководил работой агитаторов, следил за выпуском боевых листов, а в критические моменты боя подавал пример мужества.

Воинское счастье изменило Ивлиеву в январе 1945 года в Прибалтике. Взрыв мины так изрешетил Паисича, что связисты оплакивали любимого командира как убитого. Семь месяцев пролежал он в госпитале. И выжил, но лишился правой ноги.

Возвратился в родной Петровск Саратовской облас-

ти и пошел в райком партии. Партийную работу повел по-фронтовому, со всей отдачей. Тогда же учился в Саратовском университете им. Чернышевского. В 1950 году сразу стал директором школы. Сотни детей обучил и воспитал отличник народного просвещения Ивлиев. Учил и воспитывал детей своих сверстников, теперь учит детей своих учеников.

Восьмилетняя школа № 7 Петровска, где директором Иван Паисиевич,— одна из лучших. На ее базе проводят семинары учителей, директоров школ города и района. По методическим разработкам Ивлиева учатся молодые педагоги.

Ивлиев — депутат горсовета, председатель депутатской комиссии по народному образованию, лектор горкома партии. Родители учеников идут к «своему Паисичу» с горем и радостью. С любовью и уважением относятся к нему учащиеся.

Выступая с фронтовыми воспоминаниями, Ивлиев рассказывает о погибших товарищах. О себе говорит скупко: «Да, воевал. Был связистом...» Ордена Отечественной войны I и II степеней, медали «За отвагу» и «За боевые заслуги» говорят красноречивей слов о пути фронтовика. А о пути трудовом свидетельствуют медали «За трудовую доблесть», «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», значки — «Отличник народного просвещения», «За творческий педагогический труд» и другие.

Инвалид войны Ивлиев имеет право на отдых. Но работает ветеран и, как ни трудно, держится наравне с молодежью, бодро — с детьми иначе нельзя! И только непогожими ночами, когда ноет тело от былых ран, вспоминает ветеран фронтовой путь, первое боевое крещение под Большой Донщиной и Краснояровкой.

* * *

Продвигаясь с боями на запад, мы не только не забывали о Сталинграде, но продолжали считать себя участниками великого сражения на Волге, так как пройденные нами километры отдаляли вражеские аэродромы и базы снабжения от окруженных войск Паулюса, приближали день окончательного их разгрома.

Наш стрелковый полк, ослабленный потерями в де-

кабрьских боях, освобождал по преимуществу мелкие населенные пункты, а потому маршруты его проходили по проселкам — по снежной целине, по оврагам. Стремилась атаковать противника с флангов, захватить врасплох. Мы ни на час не задерживались в освобожденных деревнях. Спешили!

В январе мои фронтовые тяготы и заботы видоизменились: меня назначили командиром взвода управления батареи. Новую должность приходилось осваивать в боях...

После утомительного ночного марша по бездорожью один из батальонов, которому была придана наша батарея, под утро подошел к деревне. По тому, как дружно дымили трубы всех изб, можно было безошибочно определить, что тут располагаются немцы. Разведчики это подтвердили. Командир батальона, в составе которого насчитывалось не более сорока активных штыков, решил атаковать противника и приказал ротам выдвигаться на исходный рубеж. Предложили и мне (командир нашей батареи находился по болезни в санбате) поставить орудия в боевые порядки пехоты. Я не согласился: начинался рассвет, и на открытой местности орудия были бы видны из деревни как на ладони. На расстоянии полутора километров от деревни я облюбовал низину со скрытыми подходами и приказал своим огневым взводам занять там позиции. Сам остался с командиром батальона у дороги, в небольшой канавке, и принялся готовить данные для ведения огня.

На этот раз случилось худшее: противник обнаружил нас. Сначала немцы обстреляли залегших в снег бойцов из минометов, затем, наверное, убедившись в нашей малочисленности и в отсутствии у нас артиллерии, стали готовиться к контратаке. В бинокль было видно, как они сосредоточивались у крайних домиков. Последовал еще огонь из минометов по нашим позициям, и пьяные фашисты, открыв автоматную трескотню, в полный рост пошли на нас. Их было не менее двух сотен.

Наши пехотинцы дрогнули. По-пластунски и короткими перебежками бойцы стали отходить. Командир батальона нервничал, торопил меня. Я был готов, но ждал, пока немцы оторвутся от домиков и выйдут на открытое место.

— Давай! — наконец, не выдержав, крикнул комбат.

Я скомандовал:

— Батареей, четыре беглых, огонь!

Шестнадцать снарядов пришлось по задним рядам гитлеровцев. Такого они не ожидали. Остановились, попадали в снег. Уменьшив прицел, я повторил команду. Разрывы накрыли самую гущу пьяной оравы. Фашисты окончательно отрезвели и повернули обратно.

Наш батальон ожил: защелкали винтовочные выстрелы, заработал пулемет, бойцы поднялись в атаку. Мы еще поддали огонька.

На северной окраине деревни в это время раздалось «ура». Как потом выяснилось, это был взвод автоматчиков, направленный командиром полка нам в помощь. Вместе с автоматчиками наши стрелки погнались уцелевших фашистов в степь, на мороз.

Не всегда так легко выигрывались бои, чаще они были тяжелыми и кровавыми.

...Пасмурным морозным днем полк следовал плотной походной колонной по затвердевшему насту сбочь дороги. Недавно в полк влилось, прямо на одном из больших привалов, пополнение, и сейчас взводы и роты выглядели внушительно. Наша батарея на конной тяге двигалась вслед по наезженной, скользкой дороге. Несколько недель полк непрерывно находился в наступательных боях. Бойцы в короткие привалы засыпали на снегу или в лучшем случае — у скирды соломы. Усталость была предельной. Поочередно брались рукой за борт повозки и на ходу дремали.

Мы предполагали, что где-то здесь предстоит встреча с противником, однако она все же оказалась неожиданной.

Колонна вдруг остановилась, впереди забежали бойцы. Раздался голос:

— С фронта танки... Артиллеристы, вперед!

Командир батареи верхом на коне вырвался вперед и подал команду:

— Батарея, на прямую наводку, за мной, марш!

Будто и не было бессонных ночей и пройденных без отдыха сотен километров. Гикнули ездовые, прыгнули на лафеты расчеты, рванули в галопе кони, и орудия ринулись навстречу танкам. Выскочив на пригорок, первое орудие с ходу сделало разворот и подготовилось к бою.

Грохнул выстрел, еще и еще. Открыло огонь второе орудие. Но тут же около обоих орудий разорвалось несколько снарядов. Четыре немецких танка шли в лоб на орудия, снаряды которых, ударяясь о броню, лишь высекали искры, а не пробивали ее. Правда, завертелись с перебитыми гусеницами два танка. Но из-за пригорка выползали другие. Дуэль была неравной. Одно орудие, подбитое, замерло. У второго тут же вышел из строя расчет. 2-й огневой взвод так и не успел вернуться для стрельбы.

До десятка немецких танков выдвинулось к разбитым орудиям и, обнаружив нашу пехоту, открыло по ней огонь из пулеметов и орудий. Пэтээровцы подожгли еще один танк. Но остальные двигались на стрелков, залегших в прошлогоднем бурьяне, торчавшем над снегом.

Положение было страшным. И в это время раздались раскатистые залпы дивизионных батарей, которые на марше следовали позади нас. Они открыли огонь с дальней дистанции, но били метко. Танки дали задний ход и, оставив еще один, загоревшийся, скрылись за бугром.

Наступила тягостная тишина. С еще большей силой ощутились усталость и тридцатиградусный мороз. Больней же всего была потеря боевых друзей...

Наступила ночь. Чтоб согреться, мы выкапывали из-под снега валки смерзшейся соломы, пытались ее жечь. Пробовали копать, но ни лом, ни кирка не брали промерзшую землю. Не удалось разбить и палатки: штыри в снегу не держались, а в землю не входили.

Около полуночи последовала команда продолжать движение. Как только колонна останавливалась, сморенные усталостью бойцы валились в снег. Некоторые, засыпая на ходу, уходили в сторону. Более крепкие товарищи помогали слабым. Я и сейчас помню командира отделения разведчиков сержанта Хохолькова и связиста Ляшкова, которые, чтобы бойцы не отставали, не обморозились, тормозили их, не давая спать, откапывали из снега. Казалось, не будет конца этой ночи и этому пути.

Под утро из головы колонны пришла весть: впереди село Богатово. Это прибавило сил, бойцы зашагали быстрее. Но едва мы расположились в избах, как вновь

раздались выстрелы из винтовок, потом очереди из автоматов. Я выбежал на улицу. Натолкнувшись на своего комбата, узнал: в западной половине села — немцы, они удирают. Приказано их преследовать. Опять раздались команды, бойцы бросились за противником и с ходу заняли западные высоты Северного Донца.

Бои начались со следующего утра. Немцы не только отбили наши атаки на господствующие высоты, но, сосредоточив там пехоту и танки, перешли в контрнаступление. Полк стал вгрызаться в мерзлую землю на рубеже, занятом накануне. Мы, артиллеристы, два орудия поставили на прямую наводку в боевые порядки пехоты, два — на закрытые позиции. Усилиями взвода управления в мерзлом каменистом грунте отрыли щель полного профиля, поставили там стереотрубу и телефонный аппарат. Здесь я и пробыл около трех недель.

В один из дней противник артиллерией подавил огонь наших немногочисленных на этом участке орудий, прямым попаданием разбил наблюдательный пункт командира полка. Танки уж надвигались на окопы наших пехотинцев, где, казалось, никого не оставалось в живых. Но, как только прекратилась артподготовка, ожил наш передний край: заработали уцелевшие пулеметы, противотанковые ружья, в танки полетели бутылки с горючей смесью, открыла огонь наша батарея. Оставив несколько подбитых и горящих танков, фашисты отошли.

Последующие недели памятли для меня обстрелом тяжелой немецкой артиллерией. Мой наблюдательный пункт (та самая щель, в которой помещалось два человека) находился на выгодном бугорке, откуда хорошо просматривались позиции противника. Нередко, когда выходила из строя основная линия связи, я докладывал обстановку непосредственно в штаб полка. Враги догадывались о значении «моей» высоты и ежедневно пытались накрыть нашу щель. Вокруг было множество воронок. Однажды мы с Ляшковым в течение дня насчитали сто десять тяжелых снарядов, разорвавшихся вблизи нас. Осколком срезало окуляр стереотрубы, на каски нам падали осколки и комья земли. Но прямого попадания в щель все-таки не было.

В это время произошло малозначительное, но оживившее однообразие окопной жизни событие. Вечером мы увидели летевший очень низко с выпущенными

шасси немецкий транспортный самолет. Пролетев над нашими головами, он ткнулся в землю, но не разбился, а, пропрыгав несколько метров, остановился в нейтральной зоне. Два летчика, выскочив из самолета, побежали к своим окопам. По ним открыли стрельбу.

Началась «война» за самолет. Ночью наши смельчаки пробрались в него и возвратились нагруженные консервами, галетами и прочей снедью. Пошли еще, но в самолете уже хозяйничали немцы. Опять открылась перестрелка, продолжавшаяся до рассвета. Утром вражеские артиллеристы расстреляли самолет, и он сгорел. Замполит потом разъяснил, что это был один из тех самолетов, которые пытались доставить груз окруженным в Сталинграде войскам.

Весть о завершившихся в Сталинграде боях пришла перед вечером. Около кухни замполит рассказывал о капитуляции немецких войск. Для меня и еще была новость. Замполит сообщил, что мне присвоено звание «младший лейтенант» и что мне надлежит прибыть в штаб полка за получением удостоверения.

Но не все сообщения в этот вечер были радостными. Пришло письмо на имя... Корнеева, погибшего два месяца назад. Что было делать с ним? «Старички», знавшие командира четвертого орудия, решили вскрыть письмо и читать его поручили мне, как единственному земляку сержанта. Запомнилась самая суть. Родственники из деревни сообщали, что мать и сынишка Корнеева, пропавшие летом в Сталинграде, живы и сейчас находятся где-то в Ростовской области. Тяжело было читать, казалось бы, радостные строки. Что ответить на них? Как переживет страшную правду мать сержанта?

Тягостное молчание прервал преемник Корнеева — командир четвертого орудия:

— Врежем фашистам за все...

Я увидел, что это общее желание батарейцев, и, когда все разошлись по боевым местам, подал команду. Мы дали батареей несколько залпов по пристрелянным целям. Это были залпы за победу в Сталинграде и за погибших товарищей.

В ПРИЦЕЛЕ «БУРЫЙ МЕДВЕДЬ»

2-й батальон нашей 159-й отдельной стрелковой бригады расположился в одном из населенных пунктов Нижней Волги. Под казармы заняли помещение молочнотоварной фермы.

Началась напряженнейшая подготовка к боям. Утром, еще затемно, уходили в степь. Рыли окопы, бросали гранаты, с криками «ура!» бросались в атаку на воображаемого противника. До изнеможения ползали по-пластунски. В казармы возвращались полумертвые от усталости. А завтра снова тактические занятия в поле. И так каждый день.

Как-то вечером в казарму забежал Павлик Дронов.

— Лейтенант Туз тебя вызывает,— сообщил он и загадочно улыбнулся.

Иосиф Калинович Туз — командир роты. Он выделялся высоченным ростом и носил большие очки в роговой оправе. Мы знали, что лейтенант уже побывал на фронте. В бою, в рукопашной схватке, фашисты выбили ему зубы, и теперь протез мешал ему говорить. Вместо одного «р» ротный командир порой произносил три. Но это придавало его командам какую-то особую силу. Лейтенант имел высшее военное образование. Тактичный, внимательный к людям, он вместе с тем был очень строг, поддерживал воинский порядок. Мы ценили эти качества командира. Строгость не отталкивала, а напротив, сближала нас с ним. По душе нам были и всегда бодрый его настрой, и опрятный вид. Никто никогда не встречал лейтенанта в распахнутой шинели, с расстегнутым воротником гимнастерки или в фуражке, надетой лихо, набекрень. Уже один внешний вид командира внушал к нему уважение.

Одновременно со мной к командиру роты прибыл еще один боец, среднего роста, с внимательными серыми глазами.

* Беляков П. А. был сержантом, снайпером 159-й отдельной стрелковой бригады.

Причину вызова лейтенант Туз объявил без лишних слов:

— Нам известно, что оба вы, Беляков и Спесивцев,— ворошиловские стрелки. Будете учиться в снайперской школе. Надеюсь, из вас выйдут хорошие стрелки.

«Снайпер»! Это слово я впервые услышал в десятом классе от военрука, знал, что от снайпера требуются искусство точно поражать цель и особая ответственность за каждый выстрел. Но ни я, ни Спесивцев не видели снайперской винтовки. Поэтому мы в нерешительности переглянулись. Лейтенант, заметив наше замешательство, заключил:

— Будете плохо учиться, другими заменю. Учтите: быть снайпером — высокая честь.

Мы не обиделись на сухой наказ командира. Действительно, искусству метко стрелять надо учиться в полную меру сил.

...Прямо с тактических занятий мы со Спесивцевым пошли в село. На одной из улиц, где размещался штаб бригады, нас встретил лейтенант Штанов. Это и был начальник снайперской школы. Мы представились.

Лейтенант Василий Штанов нам понравился с первого взгляда. На гимнастерке лейтенанта поблескивали медаль «За отвагу» и значки за отличную стрельбу.

На занятиях мы слушали командира внимательно, ловили каждое его слово.

— Без дисциплины не может быть снайпера,— говорил нам начальник школы.— Кто не хочет безусловно повиноваться, того не держу.

Тренировались мы с обыкновенной винтовкой, к которой был прикреплен диоптрический прицел. Занимались до седьмого пота, как и требовал начальник. Через каких-то три-четыре дня каждый из нас уже наводил точку в точку.

На тактических занятиях лейтенант Штанов требовал от нас отличной маскировки. Он никому не делал скидок.

— Немец не дурак. У него опыта не меньше нашего — три года воюет. Если спрячешься в бурьян, что погуще, скорее себя выдашь. Фашист поймет, что тут советский снайпер засел. Установит наблюдение. А там, гляди, и пулю вцепит. Ничто не должно резко отличать позицию снайпера на местности...

Расширились наши знания и по истории снайперского искусства. Оказывается, слово «снайпер» происходит от английского слова «snipe», что означает «стрелять из укрытия». Есть и другое объяснение: от слова «snipe» — «бекас», охотиться на которого может только натренированный, профессиональный стрелок. Лучшие стрелки использовались в боях еще с давних времен и были известны при Суворове и Кутузове. Суворов, например, использовал отборных стрелков во время штурма Измаила (1790 год). Меткие стрелки помогали русским воинам взбираться по лестницам на стены крепости, выбивая турецких стрелков. А в 1914 году во время первой мировой войны по указанию генерала Брусилова были созданы целые команды снайперов. Снайпер одной из этих команд рядовой Пензенского полка Бекетов за короткий срок уничтожил четырех вражеских солдат и одного офицера.

— Так что есть с кого брать пример,— говорил лейтенант.— И мы должны бить врага метко и без пощады.

Вечером привезли снайперские винтовки. Это была для нас настоящая радость. Мы с трепетом осматривали оружие. Деревянные части винтовок были тщательно отполированы, покрыты лаком, а металлические — жирно смазаны. Окуляры зачехлены. На оптику надеты кожаные колпачки.

Видно было, что винтовки изготовлены умелыми и заботливыми руками. Это породило в нас чувство гордости за тех, кто с такой любовью делал оружие, необходимое для победы над врагом.

На вручение винтовок приехал комиссар бригады Михеев. Каждому, кто получал «снайперку», он крепко жал руку.

— Береги. Пуще глаза береги свое оружие,— напутствовал меня комиссар.— Это твоя жизнь. Твоя честь. Твоя будущая слава...

По приказанию комбрига группа бойцов приводила в порядок стрельбище. Отрывались траншеи, из которых должны показываться мишени-цели. Стрельбище нужно было не только для снайперов, но и для стрелковых подразделений. Никто из нас не знал, какое упражнение будем выполнять на экзаменах. Но между собой говорили: наверняка придется стрелять по бегущей мишени. Наши догадки подтвердились: из штаба

поступило приказание делать фанерных «фашистов» в полный рост. Мишени сооружали бойцы из четвертой стрелковой роты, а нас, снайперов, лейтенант Штанов увел в степь.

Навстречу двигалась колонна. В строю шли красноармейцы с голубыми петлицами, все в новом обмундировании, с оружием. Это уходил на фронт батальон 34-й гвардейской стрелковой дивизии, передовые части которой уже вели бои на рубеже Красный Худук — Халхута. Мы знали, что дивизия сформирована в основном из десантников, и с уважением, завистью смотрели на бойцов.

В первой шеренге шагал рослый гвардеец, плотно прижимая к плечу ремень снайперской винтовки. Поравнявшись с нами, он широко улыбнулся, приветливо помахал рукой.

— Эгей!.. Коллеги! Удачного выстрела вам!

— Ни пуха ни пера! — ответили мы.

Лицо снайпера мне хорошо запомнилось: продолговатое, с крупным широким носом. Не знал я тогда, что именно этот парень станет известным снайпером Сталинградского, а затем Южного фронтов и судьба свяжет меня с ним.

...В полдень 19 ноября состоялся митинг. Нам объявили о том, что войска Красной Армии под Сталинградом перешли в решительное наступление, прорвав оборону противника. Долго не смолкало «ура!».

20 ноября перешла в наступление и наша 28-я армия под командованием генерал-лейтенанта В. Ф. Герасименко. В районе Халхуты по фашистам нанесли удар гвардейцы 34-й стрелковой дивизии генерал-майора И. И. Губаревича, бойцы 152-й стрелковой бригады полковника В. И. Рогаткина.

...Третий день, делая лишь короткие привалы, шагают батальоны. Двигаются туда, где враг, — в широкую калмыцкую степь. Перед Халхутой марш был особенно изнурительным. Холодный ветер бросал в лицо перемешанную с песком снежную крупу. Серая, неприглядная, томящая человека степь уходила за горизонт. Что-то неведомое крылось за этой далью. Под порывами ветра таинственно шелестел ковыль, будто поторапливая нас, а может, предупреждая о близком жестоком сражении. Попробуй узнай! Думалось о былинных русских

богатырях, которые вот так, как и мы, шли Диким полем на битву с кочевниками. Шли либо победить, либо умереть со славой за свою родную землю.

Форсированный марш дает о себе знать. Усталый, я охотно принимаю предложение сержанта: сажусь на подводу, запряженную быками. Ездовой, пожилой уже боец, смотрит на мою винтовку, тяжело вздыхая, спрашивает:

— Снайперская?

— Да,— отвечаю.

— Это хорошо. Бить их надо умеючи, с понятием. Фашист — он коварный, хуже зверя.

Ездовой располагает к себе, хотя и не весел, то и дело вздыхает. Должно быть, нелегко на сердце у солдата перед боем! Хочется сказать ему что-то теплое, ласковое.

— На быках не с руки воевать,— замечаю сочувственно.

— Ничего,— откликается ездовой и даже шутит: — Телега развалится — дрова будут, бык свалится — мясо.

Я спрыгиваю с подводы, догоняю свою роту. Теперь шагаются бодрее, легче. Вспоминается брат Григорий. Я часто думаю о нем. Как он погиб? Какой немец убил его? Доведедся стрелять в фашиста — не промахнусь!

Уже на марше к нам прибыл Тимофей Селютин — только что призванный в армию политработник. Он заменил политрука, который заболел и лег в госпиталь, побыв в роте всего две недели. Селютин — человек образованный, начитанный. Он сумел сразу же завоевать авторитет у личного состава. Из его бесед на привалах мы узнали о ходе боев под Сталинградом. У бойцов накопилась уйма вопросов, и политрук охотно на них отвечал. От Селютина мы узнали, что нам придется сражаться с 16-й немецкой моторизованной дивизией, имеющей звериную кличку «Бурый медведь»; этой кличкой окрестили сами себя солдаты дивизии — отпетые фашистские головорезы, — а командует ими гитлеровский генерал Шверин.

— Непорядок это, — с усмешкой заметил Спесивцев, — никогда в калмыцкой степи не водились медведи — ни бурые, ни белые. И вот на тебе, объявились. Придется их перебить.

— А эти похлеще, чем медведи в натуральном ви-

де,— заметил один из красноармейцев.— Вооружены до зубов.

— Дадим по зубам,— ответил Спесивцев.

— Шире шаг! — раздалась команда.

Изменчива погода в калмыцкой степи. Только что была в лицо колючая снежная крупа, а тут вдруг потеплело, и снег падает хлопьями, хлопает месиво под ногами. Не видать ни дороги, ни чабанской тропы.

— Далеко еще?— то и дело спрашивают притомившиеся бойцы.

— Далеко,— подтверждает командир роты лейтенант Туз, а сам мерит степь широченными шагами. Поглядишь на него — и завидно становится: словно всю жизнь ходил он, не зная устали, по бескрайним калмыцким степям.

— Фриц проклятый! — ругается минометчик Медведев, которому лоток с минами до боли натер плечи, и вдруг начинает декламировать Лермонтова. Стихи помогают забыться, подбадривают. Медведев читает что-то еще.

На очередном привале подъехал верховой — разведчик Ваня Гуров. Спрыгнув с коня, он невесело посмотрел на нас.

— Друзья,— заговорил Гуров,— тяжелую весть принес я. Политрука Зиновьева из сто пятьдесят второй бригады фашисты в Халхуте раненого захватили. Издевались над ним. Кинжалами, поганцы, кололи, а затем облили керосином и сожгли на глазах у бойцов.

— А куда же бойцы те глядели?

— Почему не спасли его?

— Они сами под дулами были,— ответил Гуров.— Раненые...

«Не зря и кличка у них звериная,— думал я о солдатах дивизии противника,— «Бурый медведь».

— Бить их надо как бешеных собак,— подытожил разговор минометчик Медведев.— Как у Константина Симонова в стихотворении сказано: «Сколько раз увидишь его, столько раз его и убей!»

— Братцы, а слышали вы,— как бы стараясь подбодрить нас, сказал Гуров,— снайпер Милащус за один бой убил двадцать фрицев?

Мы с недоверием посмотрели на разведчика. За один бой — двадцать фашистов?

— Это какой Милашус? Из гвардейцев, что ли?

— Из сто пятьдесят второй бригады.

— Везет парню.

— Нам нечем похвалиться,— огорчился кто-то.

— Придет и наш черед,— ободрил бойцов политрук Селютин.— И на нашу долю фашиста хватит. Что касается Милашуса, так об этом в сегодняшней газете сообщается. Почитайте.— И он протянул армейскую газету «Красное знамя».

На привале я вслух читал о боевой удаче молодого снайпера Бориса Милашуса. Позже мне довелось встречаться с ним. Запомнился его рассказ о том, как он уничтожил вражеского офицера.

Дело было так. Фашисты наступали. Наши бойцы поднялись в контратаку. В тот момент Милашус заметил, как фашистский офицер направил автомат на командира роты. Не медля ни мгновения, Борис выстрелил. Фашистский офицер замер, выпустил из рук автомат и, сделав два-три шага, упал. В числе 20 фашистов, уничтоженных в этом бою комсомольцем Борисом Милашусом, было шесть офицеров...

К вечеру мы вступили в район степного поселка Халхута. Самого поселка не осталось—его сожгли фашисты. Пепелища еще дымились.

Местность вокруг полупесчаная, холмистая. Холмы исполосованы рубчатыми следами от танков. Солончаковым ином покрывались траншеи, воронки от бомб и снарядов. Повсюду валялись ящики из-под снарядов и мин, мешочки с порохом, патроны немецкого производства, кое-где лежали неубранные трупы фашистов. Да, здесь прошли кровопролитные бои. Шверинские «бурые медведи» попали на прицел советским стрелкам. Слева на возвышенности стоял подбитый танк. Смотрю на него в снайперский прицел. Чей танк: чужой или свой? Краска обгорела — не узнать.

Вдруг по рядам пронеслось:

— Танки! Фашистские танки!..

Оказывается, впереди нас завязался бой. Фашисты ломались напропалую, пытаются вернуть утраченные позиции. Навстречу врагу выдвинулась 6-я гвардейская танковая бригада подполковника М. Н. Кричмана вместе с гвардейцами 34-й стрелковой дивизии, а с правого фланга ударила 248-я стрелковая дивизия полковника

Л. Н. Алексеева. О боевой обстановке нас информировал политрук Тимофей Селютин.

159-й бригаде, находившейся во втором эшелоне, приказано было занять жесткую оборону. Мы рыли окопы в полный профиль. Земля гудела, тревожно вздрагивала от близких взрывов. В бинокль можно было разглядеть, как наши танки, маневрируя, ведут огонь.

— Зарывайтесь глубже,— напоминал лейтенант Туз,— иначе танк задавит траком.

Предутренний мороз сковал мокрый от дождя песчаный грунт, и копать было трудно. Саперных лопат не хватало. Мы работали попеременно, но непрерывно. Сбросили шинели, фуфайки. От бойцов валил пар. Не прошло и часа, а мы уже зарылись в землю. Гул боя то отдалялся, то приближался.

...Смеркалось. Ветер подул еще сильнее. Смертельно уставшие, потные, теперь мы почувствовали озноб.

...Мы обжили свои окопы. Политрук ежедневно проводил политинформации о боях по уничтожению врага в сталинградском «котле», увлеченно рассказывал о снайперах Василии Зайцеве, Анатолии Чехове, о подвигах бойцов на нашем участке фронта.

Меня особенно интересовали действия снайперов. В те дни добрая молва шла о снайпере 34-й гвардейской дивизии гвардии красноармейце Дмитрие Иосифовиче Чечикове. В боях под Халхутой он истребил 68 фашистов. Позже мы встретимся с Чечиковым на слете снайперов 28-й армии. Им окажется тот самый рослый гвардеец, который в степи под Астраханью, шагая в первой шеренге своего батальона, приветливо махал нам рукой: «Эгей! Коллеги! Удачного выстрела вам!» И вот он преуспел.

Сибиряк Дмитрий Чечиков вырос в семье потомственного охотника. Увлёкся стрелковым оружием. И теперь он без промаха вел огонь из засад по солдатам и офицерам противника. К концу 1942 года Чечиков стал одним из лучших снайперов Сталинградского, затем Южного фронтов.

На слете снайперов Дмитрий делился своим опытом истребления фашистов. И мы, новички, слушали его, затаив дыхание.

— Терпение для нашего брата — золото,— учил Чечиков.— Потеряешь выдержку — погубишь себя.

«Хорошо тебе,— думал я,— ты охотник с опытом, каково нам?»

— Главное — терпение и выдержка,— еще раз подчеркнул Чечиков, словно прочитав мои мысли. И привел убедительный пример.

Это было под Халхутой. Ночью с разрешения командира Чечиков выбрался на нейтральную полосу и, затаившись, стал наблюдать. Целый день фашисты не выходили из блиндажей. Но Дмитрий терпеливо выжидал. Уже под вечер впереди что-то мелькнуло. Гитлеровец вытряхивал одеяло: то покажется из траншеи на секунду, то снова скроется. Улучив момент, Чечиков выстрелил. И, как обычно, не промахнулся.

В период наступления Чечиков не раз выручал своих товарищей. В одном из боев он вступил в поединок с пулеметчиками противника. Время от времени меняя позицию, Дмитрий полностью уничтожил вражеский пулеметный расчет, державший под обстрелом путь к высоте.

Снайпер умел стрелять метко не только из винтовки. Как-то вышел из строя наводчик станкового пулемета. Оказавшись поблизости, Чечиков тут же занял его место и, подпустив противника на короткое расстояние, длинной очередью скосил первую цепь фашистских автоматчиков. Вторая цепь гитлеровцев начала отступать. Но и их достал метким огнем солдат-сибиряк. До сорока солдат и офицеров противника истребил в этом бою Чечиков.

«Стрелять, как Чечиков! Учиться убивать врага почечиковски!»— к этому призывала не раз армейская газета «Красное знамя». А вскоре на первой ее полосе мы увидели портрет снайпера гвардии красноармейца Дмитрия Чечикова.

Слава шла и о другом снайпере-коммунисте гвардии сержанте Николае Носове, уничтожившем в калмыцкой степи 75 фашистов. О его охоте на «бурых медведей» в печати публиковались статьи и очерки, которые с интересом читали не только снайперы. Кому в то время не хотелось стать метким стрелком!

Враг остервенело огрызался, но, понеся ощутимые потери, покатился через Утту к Яшкулю и Элисте. Была в этом заслуга и снайперов.

У нас были заведены так называемые лицевые счета

снайперов. Их вручали на красноармейских собраниях-летучках. На листе лицевого счета были приведены слова из обращения командующего войсками Сталинградского фронта генерал-полковника А. И. Еременко: «Каждый боец должен считать своей честью и гордостью как можно больше истребить фашистов огнем из винтовки, пулемета и автомата. Убил 10 — хорошо, убил 15 — отлично, убил 20 — герой, а снайперу удвоить эту норму».

Вскоре я и мои товарищи услышали имя снайпера У. Могойлова. Житель степи, он хорошо ориентировался на местности, стрелял без промаха, быстро увеличивая счет истребленных гитлеровцев. Газета «Красное знамя» опубликовала его статью под заголовком «Будь невидимкой!».

...28-я армия продолжала наступать. 22 ноября 1942 года враг с боем оставил населенный пункт Утту, а 25 ноября — Олинг. К 2 часам ночи 26 ноября части армии перерезали дорогу Яшкуль — Элиста. Бои в калмыцкой степи ожесточились.

В начале декабря нашу бригаду перевели в первый эшелон. Ее ближайшей задачей стало: к исходу 1 января 1943 года выйти южнее Элисты, а затем наступать на Лолу.

Зима вступила в свои права. Сурова она в калмыцкой степи! Колючий ветер пронизывает насквозь, гонит над землей снег, смешанный с песком и пылью. Гудит от мороза земля. Гудят от усталости ноги. А рядом то и дело раздается команда: «Шире шаг!»

Привалы коротки. Не успеешь как следует отдохнуть, как слышишь голос командира: «Шагом марш!» Поднимаешься, преодолевая страшную усталость. Надо непременно идти, чтобы не дать отступающему врагу оторваться.

Марши! Бесконечные марши! Мы идем, как нам объяснил политрук, тем самым путем, по которому с боями к Астрахани прорывалась измученная голодом и тифом 11-я армия в годы гражданской войны. Идем и идем!

От непрерывных маршей мы, конечно, уставали. Порой еле-еле передвигали ноги, с нетерпением ожидали команды «Привал!» и на привале засыпали мертвецким сном. Но каким бы глубоким ни был сон, властная ко-

манда «Подъем!» пробуждала бойцов, и они снова становились в строй, чтобы идти дальше. И так изо дня в день, из ночи в ночь. Постелью на привале была земля, а подушкой — приклад винтовки или автомата.

Ветер уныло скулит в стволах винтовок и минометов. Он дует нам в лицо, набегает тугой морозной волной, словно задается целью свалить на землю движущиеся роты. Но роты упорно продвигаются вперед по бездорожью, по буграм и ложинам, мимо темных от пыли сугробов, подминая сухие и ломкие степные травы. Идут на врага!..

— Шире шаг!..

Яшкуль... Улан-Эрге... Впереди Элиста. Потяжелели солдатские вещевые мешки. А в них ни много ни мало — двести патронов, неприкосновенный запас продуктов, сменное белье, ботинки и обмотки к ним. Без этого нельзя воевать. А в пути и иголка тяжела. А еще винтовка или пулемет, гранаты: противотанковая да две ручные. Ого! Какую же ношу несет на себе боец-пехотинец!

...Дует ветер. Холодный, пронизывающий. Катит по земле сырые шары перекасти-поле. А в воздух взлетает команда:

— Шагом марш!

Недалеко Элиста! Политрук Селютин знакомит нас с жизнью легендарных героев гражданской войны Ивана Кочубея и Оки Городовикова, сражавшихся в этих местах, рассказывает, что собой представляет столица Калмыкии Элиста, какие предстоят трудности при штурме ее.

Слышится вопрос:

— Говорят, в городе есть предатели?

— Возможно. В семье не без урода.

К разговору подключается боец Саранов, он с гневом рассказывает об одном предателе, которого фашисты назначили старостой.

— Этот тип в прошлом белогвардеец, заядлый враг! Руки его в людской крови...

— Вот бы поймать его, подлеца, живым,— слышатся голоса,— поймать и повесить!

Мы снова идем, полные ненависти к тем, кто предал интересы народа. Идем, позвякивая оружием. Идем — как сама кара врагам и предателям.

Лейтенант Туз использует меня как наблюдателя. То и дело получаю от него приказания: «Следить за тем-то и тем-то», «Наблюдать в таком-то направлении». В сущности, становлюсь у него третьим глазом: веду наблюдение через оптический прицел. К этой роли я уже привык: докладываю обо всем замеченном впереди роты, не ожидая команды.

К вечеру 31 декабря бригада останавливается недалеко от южной окраины Элисты, охваченной огнем.

Вглядываюсь в зарево пожара. Слышу разговор:

— Жгут, гадюки! Наш город жгут!..

— А гвардейцы, говорят, уже в Элисте.

— И первый батальон нашей бригады там.

— Чего же мы ждем? У моря погоды, что ли? — возмущается рябоватый боец.

— Значит, так надо. Может быть, в этом стратегия скрыта.

Но вот подается команда:

— Шагом марш!

Бригада форсированным маршем пошла в обход, отрезая путь гитлеровцам от Элисты на запад. Передовые батальоны уже завязали перестрелку с отступающими частями противника.

В ночь под новый, 1943 год столица Калмыкии была освобождена от немецко-фашистских оккупантов. Командир и политрук об этом накоротке провели беседу, сообщили о потерях гитлеровцев и о захваченных трофеях. Мы ликовали...

Перестало существовать астраханское направление. Противник отброшен на сотни километров от Астрахани.

1 января 1943 года решением Ставки Верховного Главнокомандования Сталинградский фронт был переименован в Южный. 28-я армия вошла в его состав. Маршал Советского Союза А. И. Еременко в своих воспоминаниях потом напишет: «Перед войсками Южного фронта стояла очень важная задача — разгромить противника в нижнем течении Дона, овладеть Батайском, Ростовом, Новочеркасском с целью отрезать немецко-фашистские войска, находившиеся на Северном Кавказе (1-ю танковую и 17-ю германские армии). Это была большая задача».

Перед нашей 28-й армией был Ростов-на-Дону. Нам предстояло освободить его и Батайск.

А пока 159-й отдельной стрелковой бригаде было приказано форсировать Маныч и наступать на железнодорожный тупик — станцию Дивное.

Наш батальон по-прежнему шел вторым эшелоном. Бойцы залегли на снегу. Впереди Маныч. Его форсируют батальоны бригады, через наступающие цепи бьет тяжелая артиллерия. А над рекой висит густой туман, висит неподвижно, и кажется, его можно, как вату, потрогать руками. Меня охватывает волнение перед атакой. Разговаривать не хочется, и мы молча с тревогой всматриваемся в туманную даль. Что там? Прорвутся передовые подразделения через водную преграду или нет?

...Настает и черед нашего батальона. И вдруг в морозном воздухе раздается:

— Прорвались!..

Вскоре следует команда:

— Шагом марш!..

Мы вскакиваем и дружно идем вперед. Вот он какой, Маныч! Широкая илистая, во многих местах не замерзшая гладь воды. Пахнет сероводородом. Вода взмучена взрывами снарядов, сапогами бойцов.

Бежим по камышовым матам на другой берег и мигом рассыпаемся в цепь. По приказу комбрига батальон выдвигается в первый эшелон. Теперь лицом к опасности идти нам.

Показались постройки станции Дивное. К тому времени поднялась метель. Ежась от холода, мы держим путь прямо на вокзал. Но и враг не дремлет. Начала бить шрапнелью его артиллерия.

Через каких-то десять-пятнадцать минут бойцы батальона с криками «ура!» бросились к вокзалу и вскоре скрылись в заснеженных улицах. Фашисты, не принимая боя, отступили.

...21 января 1943 года был освобожден последний километр калмыцкой земли. Батальоны вышли на сальные просторы.

САПЕРЫ

Был июльский день 1942 года. Набежавшие облака закрыли палящее солнце. После полудня облака сгустились, хлынул проливной дождь. И тут прозвучала боевая тревога. Много было тревог, но эту запомнил каждый — нас снимали с дальневосточной границы и отправляли на фронт.

...Прибыв в район Сталинграда и переправившись через Волгу, батальон в пешем строю двинулся к Дону. Оттуда слышался непрерывный гул артиллерийской стрельбы. При подходе к переправе мы попали под бомбежку. До этого кое-кто считал, что окопы, щели от бомбы и снаряда не спасут. Здесь убедились — даже малая щель укрывает от осколков и взрывной волны. Ведь прямое попадание — явление редкое. Ожидая очереди на переправу, бойцы сами, не ожидая команды, быстро отрыли окопы — впервые не для учебной цели.

После переправы пошли на сближение с противником. Но на рассвете получили приказ — срочно возвращаться и прикрыть минами оборону на линии разъезд 55-й километр — балка Морозова. В этот район, из-за нависшей угрозы Сталинграду с юга, перебрасывалась наша 422-я дивизия, которой командовал полковник Иван Константинович Морозов.

К утру саперный взвод лейтенанта Юшкова прибыл на место. Юшков выслал наблюдателей с противотанковыми гранатами и бутылками с горючей смесью. Приказал им окопаться по обе стороны дороги и не пропустить танки. Сам же со взводом приступил к минированию. К 14 часам все было закончено, и дозорных с дороги сняли. Юшков делал последние записи по привязке минного поля на топографической карте, когда наблюдатель крикнул:

— По дороге движется колонна танков!

* Борух А. О. был политруком саперной роты 422-й стрелковой дивизии.

Лейтенант дал команду занять оборону на высоте у балки, ездовым укрыться в низинке.

Немецкие танкисты, заметив горстку советских воинов, развернулись фронтом. Несколько машин вырвались вперед и врезались в минное поле. Взметнулись столбы пламени, и раздались оглушительные взрывы. Из люков выскакивали танкисты, но меткие пули саперов настигали их. Остальные машины повернули обратно. Так группа саперов, получивших первое боевое крещение, почти на сутки задержала вражеские танки, дала дивизии время укрепить оборону.

В двадцатых числах августа начались непрерывные бои. Саперы днем снаряжали мины, готовили провололочные заграждения — «спирали Бруно», а ночью устанавливали их на переднем крае. Враг поливал поле градом пуль, освещал его ракетами. Саперам то и дело приходилось замирать неподвижно. Едва гасла ракета, продолжали работу. От самолетов с неистовым воем отрывались бомбы. А саперу негде укрыться. Он лежит на взрывчатке — попади в нее осколок, и от бойца не останется ничего. В таком положении сапер должен выдолбить ямку, вставить в мину взрыватель с капсюлем, установить мину, замаскировать ее. При этом надо выдерживать общее направление и структуру минного поля: мины располагаются в четыре ряда, так, чтобы между ними не прошел танк. От сапера требовались хладнокровие и собранность. Он обязан четко выполнять свою тонкую, опасную работу под градом пуль и осколков снарядов и мин.

Минировали часто у самых окопов противника. Некоторые бойцы ухитрялись ставить противопехотные мины даже на бруствере немецких окопов, а в окопы забрасывали листовки, припасенные политотделом. Устанавливали и щиты с пропагандистскими плакатами. Едва рассветало, фашисты уничтожали их минометным огнем.

Тогда работники политотдела нарисовали портрет Гитлера. Его поместили на фоне карты Германии, усеянной мертвыми. Надпись призывала: «Немецкий солдат, открой глаза! Гитлер своим безрассудством не только залил кровью мир, но в крови топит Германию, убивает вас, ваших матерей, сестер, жен, детей». Немцы не решились расстреливать фюрера. Часам к десяти утра начали выползать группами, чтобы захватить портрет,

но их настигали меткие пули наших стрелков. В конце концов фашистам пришлось-таки пальнуть по Гитлеру из минометов. Наши кричали:

— Так его! Молодцы, поняли, кого бить надо!

Появление саперов на переднем крае вызывало у стрелков радость, нас приветствовали, объясняли, с какого направления ведется наиболее плотный огонь. Для нас не требовался пароль. На вопрос, кто идет, следовал ответ: саперы — голоса наших командиров знали во всех частях и ротах.

Как-то в конце августа мы скрытно пришли в район минирования. Рассредоточив саперов в ложине, я решил с командирами взводов пробраться в передовые траншеи и из них до наступления темноты объяснить задачу каждому взводу.

Нас заметил немецкий корректировщик, сидевший в подбитом танке, и передал ориентиры на свою батарею. Метрах в двадцати перед нами мгновенно взорвалось несколько снарядов. Мы бросились сквозь оседающую пыль и скатились в траншеи. Следующий залп пришелся точно по тому месту, где мы только что были.

* * *

В начале сентября саперы Горбачев и Кузнецов получили задачу провести разведчиков через минное поле, дожидаться их возвращения и закрыть проход. На пути разведчики заметили выдвинутое вперед вражеское боевое охранение. Горбачев посоветовал разведчикам:

— Ползите левее, а мы отвлечем фрицев на себя.

Он и Кузнецов поползли к окопу немцев. Высокая трава надежно укрывала саперов. Бросили в окоп по гранате. Грохнули взрывы, из окопа выскочили три солдата. Выстрелами из карабинов саперы свалили двоих, третий успел скрыться.

— Нет «языка»! — пожалел Горбачев.

Пока саперы вели эту схватку, разведчики успели проскочить в тыл противника. Прихватив трофейные автоматы, Горбачев и Кузнецов выбрались из окопа, но тут дали залп минометы противника. Взрывная волна бросила Горбачева на землю: из носа хлынула кровь, звенело в ушах, но сапер первым делом спросил:

— Кузнецов, ты жив?

Ответа не было. Горбачев подполз к товарищу.

— Что с тобой?

— Не могу подняться, наверно, нога перебита.

Горбачев лег рядом с Кузнецовым.

— Залезай ко мне на спину.

— Ты сам чуть жив, ползи один. Только оставь мне гранаты.

Горбачев приказал:

— Кончай петь Лазаря! Цепляйся мне за шею...

Восемьсот метров Горбачев с Кузнецовым на спине полз почти всю ночь. Передав раненого полковым санитарам, вернулся к минному полю, чтобы встретить разведчиков и закрыть проход.

Разведчики появились на рассвете, они вели долгового немца.

В штабе дивизии фашист показал, что севернее балки Морозова сосредоточивается много танков, пехоты, кавалерии. Закончил злорадно:

— Рус, скоро капут. Буль-буль Вольга!

Наше командование и до показания пленных предполагало, что противник попытается прорвать оборону именно с направления балки Морозова. И поэтому сосредоточило здесь необходимые силы.

Через несколько дней противник из района севернее балки Морозова большими силами повел наступление в сторону Чапурниковской равнины и Красноармейска. Впереди двигалось больше сотни танков, за ними пехота и румынская кавалерия.

— Словно на парад построились,— заметил командир дивизии Морозов, наблюдая за движением противника.

В районе, где сейчас находятся пятый и шестой шлюзы Волго-Донского судоходного канала, танки противника наскочили на мины и фугасы, установленные саперами. Взметнулись столбы пламени и дыма, прокатился тяжелый гул взрывов. Наша артиллерия, минометы, огнеметы, «катюши» открыли уничтожающий огонь.

Враг был рассеян, уничтожен.

Тогда немцы, сосредоточив много танков, пехоты, авиации, 13 сентября прорвали оборону на стыке 64-й и 62-й армий, овладели поселком Купоросный и двинулись на Бекетовку. Нашей дивизии приказали выйти из состава

ва 57-й армии, к утру 4 сентября прибыть в состав 64-й армии и с ходу вступить в бой. Подразделения саперного батальона передали полкам для инженерного обеспечения наступательных действий. Взвод саперов старшего лейтенанта Брюзгина стремительно ворвался в поселок Купоросный. Заметили — из-за домов бьет минометная батарея противника. Быстрыми перебежками саперы окружили батарею и, не дав минометчикам опомниться, перебили их.

Дивизия заняла оборону, а саперный батальон получил задание ставить на рубеже проволочные заграждения и мины.

* * *

21 сентября, как и обычно с наступлением темноты, мы собрали все свое снаряжение и приготовились к выходу на минирование. Но в это время в батальон прибыл дивизионный инженер капитан Тарасенко и приказал 2-й роте занять оборону на стыке двух полков.

Двигаясь ночью по степи, обнаружили много разного оружия и убитых гитлеровцев — результат недавнего боя. Мы понимали, что нам предстоит удерживать рубеж любой ценой, и каждый сапер стал вооружаться. У нас появились ручные пулеметы, противотанковые ружья, снайперские винтовки, вещевые мешки, до отказа набитые боеприпасами. Младший сержант Рыжов в темноте заметил многозарядное противотанковое ружье. Хотел прихватить его, но наткнулся на проволоку: минеру ли не заподозрить «сюрприз-мину»? Решил проверить и взять свою находку утром. На рубеже нас встретил бешеный ружейно-пулеметный и минометный огонь. Особенно досталось взводу старшего лейтенанта Дрободухина. Тяжело контузило Горькова, Мурзина, был контужен и Дрободухин. Осколком мины убит заместитель командира батальона по строевой части капитан Ягодка. Гибель товарищей тяжело переживал каждый. Но саперы привыкли быстро забываться в работе. Оборудовали окопчики, разложили по нишам боеприпасы и почувствовали себя уверенно.

К утру противник прекратил обстрел. Воспользовавшись затишьем, младший сержант Рыжов, с разрешения командира взвода, позвал двух бойцов и направился к ночной находке — противотанковому ружью. Здесь

и подсекла Рыжова пуля вражеского снайпера. Товарищи подхватили раненого младшего сержанта, но вторая пуля сразила его насмерть.

За гибель Рыжова с фашистским снайпером рассчитался сержант Балуев. Он тоже вооружился снайперской винтовкой. Глаз у сапера оказался острым, рука — твердой. Выстрелил он по одному из кустов, мы думали, наобум... Но куст дрогнул, на бруствер подался, обмякнув, немец; из его рук выпала винтовка с оптическим прицелом.

Здесь хочется привести выдержки из письма родителей Рыжова, проживавших в Москве.

«Трудно сознавать, что нашего любимого Шуры нет в живых, но пусть будут прокляты фашистские гады, им отомстят за нашего сына...

У нас еще четыре сына сражаются с фашистами. И пусть помнит фашистская нечисть, хотя у нас погиб на фронте уже второй сын, на смену им встанут еще двое...

Наша просьба к вам, дорогие бойцы и командиры, громите фашистских гадов, ни одному фашисту не дайте уйти с нашей земли».

Какую же силу воли надо иметь пожилым людям, потерявшим уже двух сыновей на фронте, чтобы написать такое письмо?

...В тот же вечер три гитлеровских солдата выскочили из окопа и побежали к себе в тыл, командир взвода старший лейтенант Чуриков схватил снайперскую винтовку, дал два выстрела, и два фашиста упали замертво. Третий успел скрыться в траншее. Вскоре он высунулся. Видимо, проверить, что случилось с однополчанами, и наткнулся на третью пулю Чурикова. Что ж, саперы приучены к точной работе!

Немцы заметили нас и дали пулеметную очередь, но пострадала только пилотка взводного.

23 сентября мы передали оборону одному из стрелковых батальонов и приступили к установке бронеколпаков на переднем крае. Бронеколпак удобно устанавливать: не надо возиться с деревянными накатами, и земляных работ меньше. Бронеколпак и очень надежное средство защиты — скovyрнуть его может лишь прямое попадание бомбы или снаряда.

Когда стемнело, подъехала машина. Несколько саперов залезли на нее и начали стаскивать бронеколпаки,

но гул мотора, звон брони всполошили врага. Трассирующие очереди прорезали ночь. Машина оказалась словно в центре фейерверка. Появились раненые. Пришлось залечь в воронках. Только к рассвету удалось установить и замаскировать несколько бронеколпаков, в них сразу же внесли пулеметы.

Активизируя удары по врагу, мы создали ночные штурмовые группы. Их составляли из бойцов разных боевых специальностей: саперов, пулеметчиков, автоматчиков. Но чаще штурмовые группы состояли из одних саперов. Они пробирались в тыл врага, уничтожали огневые точки, наблюдательные пункты, блиндажи, землянки.

В ночь на 1 октября одну из штурмовых групп саперов возглавил сержант Назаров. С ним были Насонов, Мишин, Дзюба, Лобанов. Всего семь человек. Саперы бесшумно сделали проходы в минном поле, проползли передний край и укрылись для наблюдения за противником. Засветло засекли минометную батарею, находившуюся в небольшой выемке, и три дзота.

Вечером сержант Назаров разделил саперов, в одной четверке старшим назначил Дзюбу. Ему поручалось снять часового и подорвать минометы. Сам Назаров с двумя бойцами должен был ворваться в блиндаж и уничтожить минометчиков. Потом обе группы бросались на уничтожение дзотов.

Часовой был снят бесшумно, так же бесшумно сержант Назаров и два сапера вошли в блиндаж. На столике мерцала стеариновая плашка, над ней склонился фашист и что-то выводил на бумаге. На нарах спали минометчики. Не успел фашист поднять голову, как раздалась короткая очередь...

Когда послышались четыре взрыва, уничтожившие минометы, обе группы были уже у дзотов. Часовых сняли огнем автоматов, в дзоты полетели противотанковые гранаты. Штурмовая группа поспешила назад. Но переполох был поднят — в воздух взлетели серии ракет, на горстку храбрецов обрушился огневой шквал. Тяжело раненный Лобанов, теряя сознание, скатился в подвернувшуюся воронку от бомбы. Очнувшись от утреннего холода, осмотрелся и увидел: все его товарищи мертвы. Лобанову предстоял мучительный день. Надо было пролежать неподвижно, чтобы не обнаружить себя.

К жгучей боли прибавилась нестерпимая жажда, но

фляга оказалась пробитой и почти вся вода вытекла. Лобанов достал из кармана гимнастерки индивидуальный пакет, с трудом сделал себе перевязку, лег поудобней. Перевязывая рану, он обнаружил себя, и фашисты решили взять его живым. Двое гитлеровцев поползли к воронке, горланя: «Рус, сдавайся». У Лобанова не было гранаты, автомат он выронил, когда был ранен.

А враги подползали. Что делать? Лобанов нащупал рукоятку ножа. Подумал — лишь бы сил хватило одного пырнуть и с собой покончить. И тут сапер заметил, что фашисты застыли в неподвижных, неестественных позах. Оказалось, наши пулеметчики и автоматчики зорко следили за передним краем и дали врагам понять, что не позволяют взять раненого товарища.

Лобанов вытер рукавом накатившиеся от волнения и радости слезы, опустил на дно воронки, закрыл глаза. Вскоре послышалось злое шипение, потом оглушительные взрывы мин.

В воронку полетели осколки, земля. Яма наполнилась едким, угарным дымом, стало тяжело дышать. Сколько продолжался обстрел, Лобанов уже не знал: потерял сознание. А фашистам и на этот раз не повезло. Наши минометчики обнаружили огневые точки противника и одним залпом заставили их замолчать.

Очнувшись вновь, Лобанов увидел над собой звездное небо. Чуть не вскрикнул — ведь немцы подползут теперь безнаказанно. Напрягая последние силы, преодолевая нестерпимую боль, он выбрался из воронки и пополз к своим. И тут лоб в лоб встретился с двумя санитарями стрелкового батальона...

Еще об одной штурмовой группе.

Севернее балки Купоросная, на высоте стояли кирпичные домики. Враг превратил их в огневые точки, а высоту — в опорный пункт, откуда просматривались наши позиции. Овладеть этой высотой нам не удалось. Решили создать крепкую блокировочную группу. Ее возглавил сержант Субычев. В группу вошли младший сержант Кирдяшкин, бойцы Каледин, Новиков, Поливода, Аксенов, Степин, Кучеренко, Сердюков, Горелик, Аладьин, Красюков. В группе оказался и бывший повар Богарат, который бросил черпак и категорически заявил: «Не буду больше поваром, пойду вместе с саперами».

Уговоры не помогли, и пришлось удовлетворить его просьбу.

Саперы сделали проход в минном поле и незамеченными переползли через передний край обороны врага. Затем Субычев собрал саперов и поставил задачу:

— Перед нами опорный пункт немцев. В нем тринадцать домиков — чертова дюжина. Нас тоже тринадцать. По одному домику на каждого. Но есть еще дзоты. Действовать попарно. Поливода, Красюков будут со мной. Все зависит от внезапности и быстроты действий. Подползете к объектам на бросок гранаты и по моей красной ракете дадите короткую очередь по часовым, потом — в ход гранаты.

Когда подошли к домикам, услышали песни пьяной компании.

— Сейчас мы им устроим пир! — пообещал Субычев.

Подползая к домику, Каледин задел консервную банку, она, гремя, покатилась вниз. Часовой вскинул автомат и крикнул: «Хальт!». Каледин и Кирдяшкин притаились. Часовой, вглядываясь в темноту, двинулся к саперам. Медлить было нельзя, и Кирдяшкин срезал часового короткой очередью. Рядом раздались выстрелы, взрывы гранат — начали действовать остальные саперы. Субычев поднял ракетницу — взвилась красная ракета. Это был сигнал уже не столько для штурмующей группы, сколько для своего переднего края. Через головы саперов полетели снаряды. Наши артиллеристы отсекали возможную помощь блокированному опорному пункту. Здесь же из дверей и окон в кальсонах выскакивали фашисты.

— По белокальсонникам огонь! — скомандовал в азарте Красюков.

Автоматная стрельба, винтовочные выстрелы, взрывы гранат слились в сплошной грохот. Мало кто из гитлеровцев уцелел в той короткой ночной схватке.

Теперь главным стало — подготовить к взрыву все точки опорного пункта, дабы немцы больше им не воспользовались. Для этого стали готовить не только свои толовые шашки, но и мины от трофейных минометов. Этим занималась часть саперов, остальные заняли оборону. Огневых средств и боеприпасов хватало — немцы «подарили» саперам все свое оружие и боеприпасы к нему.

Ночь на этот раз показалась короткой. Однако саперы до восхода солнца успели заминировать все объекты. Но взрывать их не торопились. Лучше подольше помозолить немцам глаза. Обороняться здесь было удобно. Субычев спросил:

— Орлы, что главное в обороне?

— Харч,— откликнулся Красюков,— это так же ясно, как и то, что главное в наступлении — патроны.

— А есть у нас харч? — спросил Субычев.

— Навалом. Немцы — люди хозяйственные, запаслись.

— Ну, а повар у нас свой,— напомнил Субычев,— так что начинай, казачество, великое сидение под Азовом.

Богарат было заворчал:

— Я не за тем бросил черпак, кухню и полез в эту поножовщину, чтобы снова вам животы набивать.

Но завтрак приготовил и даже спросил:

— А по сто граммов «наркомовских» не желаете? Фрицы нам четыре ящика русской водки оставили.

— Не выйдет. Вернемся — родной старшина поднесет. А здесь нам разговляться никак нельзя.

Больше суток жили саперы под носом у немцев. На следующую ночь Субычев вывел свой гарнизон. Грохнули взрывы — вражеский опорный пункт перестал существовать.

Дерзкая вылазка саперов помогла нашей обороне, а потом сыграла немалую роль в нашем наступлении.

...28 октября утром началась артиллерийская подготовка. Ударили «катюши», артиллерия и минометы всех калибров. В наступление пошли танки, за ними пехота. У нас, саперов, были свои заботы. Враг установил всевозможные мины. Особую опасность представляла шпрингельная — подпрыгивающая мина, начиненная шрапнелью. Стоило к ней прикоснуться, и она, мгновенно взлетев на метр, взрывалась, разя сотнями осколков и шрапнелью. Тут — ложись не ложись — спасения нету.

Нелегко такую мину обнаружить. Она маленькая, ее легко закопать в землю, на поверхности торчат лишь почти незаметные стальные «усики», и только высокое мастерство, ювелирная точность позволяли распознавать и обезвреживать это опасное оружие. Сложно такую мину разыскать и обезвредить ночью. Но, как ни

парадоксально, еще сложнее сделать это днем. Здесь опасна не столько мина, сколько враг, укрывшийся за минным полем и нацеливший оружие в ползущего сапера. Как же быть? Враг вел прицельный огонь по пехоте и саперам, не подпуская их к минам...

Здесь помогло взаимодействие родов войск. Стрелки, пулеметчики, минометчики и артиллеристы открыли непрерывный огонь по позициям врага, загнав его в глубину окопов. И саперы, прижимаясь к земле, поползли вперед.

Сержант Рузин, продвигаясь с группой саперов, сделал проход в минном поле. Когда стрелки поднялись в атаку, внезапно застрочил пулемет из дзота. Ближе всех к нему был Рузин. Одним рывком он оказался рядом с амбразурой: бросок гранаты, и пулемет захлебнулся. Но из укрытия на Рузина двинулся вражеский танк. Рузин успел лишь вставить запал в гранату, как оказался под танком. Раздался взрыв... Танк застыл. Своей смертью сапер пробудил у атакующих стрелков такой яростный порыв, что они буквально смели врагов.

На следующий день противник подтянул в район нашего наступления новые силы и контрударами пытался возвратить потерянные позиции. Весь день бушевал артиллерийский и минометный огонь. В воздухе постоянно висела вражеская авиация, сбрасывая на окопы бомбы.

Под грохот канонады, взрывы мин и снарядов, под вой сирен, установленных для устрашения на фашистских пикировщиках, под свист и взрывы авиабомб зачитывал я текст письма воинов Сталинградского фронта, в котором они клялись Родине, ЦК нашей партии не допустить врага к Волге, отстоять Сталинград и разгромить врага. Читал целый день, ибо саперы группами находились в боевых порядках пехоты и, чтобы обойти всех, требовалось время.

Едва дивизия заняла отбитые у противника рубежи, встала задача укрепить их. Такова уж работа сапера — минировать, разминировать и снова минировать.

Потом дивизии дали короткий отдых и отправили на старый рубеж — юго-западнее Тундутово. От начальника политотдела дивизии батальонного комиссара Потемина получили указание готовить воинов к большому наступлению. Тогда же поступил приказ — в ночь с 19-го на 20-е ноября разминировать поля на широком фрон-

те. Стало ясно — завтра наступление! Под командованием заместителя командира батальона по строевой части капитана Валентина Алексеевича Комогорова в эту ночь саперы батальона сняли более четырех тысяч вражеских мин и свыше двух километров заминированного проволочного заграждения.

В разминировании принял участие и писарь штаба батальона красноармеец Чикин. Он давно просился на боевую работу, и наконец ему это разрешили. Представлял ли он всю опасность дела? Да, представлял и шел на него сознательно. Мины поставлены с лета, чеки ударника взрывателя могли проржаветь, и случались самопроизвольные взрывы. Это знал каждый, в том числе и Чикин. Но об этом старались не думать: всех охватило одно желание — скорее разминировать поле...

Чикин отгреб снег вокруг очередной мины, снял мерзлый грунт. Небольшое усилие, и взрыватель должен поддаться, вывинтиться... Грянул взрыв.

Такая же судьба постигла младшего лейтенанта Андреева, сержанта Файрушина...

У села Варваровка путь нам преградили минное поле и дзоты. 3-й взвод саперов старшего лейтенанта Чурикова под обстрелом выдвинулся на минное поле. Руки коченели на морозе, не повиновались. Но, разгребая снег, раздирая до крови пальцы, саперы отыскивали и обезвреживали мины.

Сапер Красюков ощутил на окоченевшей ладони, как змеиное жало, «усики» шпрингельной мины. Осторожно разгреб снег, мерзлую землю. Обхватив мину ладонями, стал вытаскивать из грунта. Мина с трудом, медленно поднималась. Красюков вспомнил: это же неизвлекаемая мина, с донным взрывателем! Мурашки забегали по спине, холодный пот выступил на лбу. Сейчас долбанет! Но мина не взрывалась. Не сработала пружина? Красюков осторожно подsunул ладонь под мину: палец проскочил в донное отверстие — взрывателя нет. Красюков вздохнул, осторожно извлек мину, вывернул верхний взрыватель, швырнул мину за спину и крепко выругался.

А впереди, из дзота бил пулемет. Саперы поползли к нему. Убиты Дмитриев, Агафонов. Ранены Белкин, Кашин, Рыбаков. Контужен взрывом минометной мины командир взвода Чуриков.

На пути новое препятствие — проволочное заграждение, спираль Бруно. Горелик и Аладьин легли на спину, стали резать спираль. Проволока поддавалась тяжело, руки устали, не могут дотянуться до верхнего провода, а надо... Вот последний провод перерезан, спираль отброшена в сторону, проход сделан. В него ползет Красюков, за ним — Горелик, Аладьин. Дзот близко, но гранату еще не добросишь. Кажется, вечность прошла, а пулемет строчит. Еще метр, второй... и вот амбразура дзота!

— Получай, гад! — крикнул Красюков и швырнул противотанковую гранату. За ним бросили гранаты Горелик и Аладьин. Пулемет захлебнулся, дзот рухнул. Наша пехота рванулась вперед.

...Когда врага окружили и в кольце оказалось 330 тысяч фашистов, перед дивизией, как и перед другими соединениями фронта, поставили задачу: закрыть фашистам пути прорыва на запад.

Прикрывая оборону дивизии в районе Цыбенко, саперы в течение одной ночи поставили более тысячи противотанковых мин. Задача облегчалась — ямки рыли не в земле, а в снегу. Но опасность была прежней. От вражеской пули погиб сержант Токмаков. А когда сержант Балуев вставлял взрыватель, пуля угодила в мину. То же случилось у сапера Петрова. И снова даже похоронить не могли своих товарищей.

В одну из ночей так увлеклись делом, что не заметили, как наступил рассвет. Срочно отправили роту в свое расположение. Командир роты капитан Дрободухин и я залегли в окопчике, определили азимуты минного поля, нанесли их на карту и схему. Когда управились, стало светло. Но не оставаться же на минном поле? И мы решили выбраться с него под покровом негустого тумана. Не успели сделать несколько шагов, как попали под перекрестный огонь. Уткнулись в снег. Положение казалось безвыходным. Но тут раздалось несколько пулеметных очередей с нашей стороны. Противник замолчал. Для начала мы решили притвориться убитыми. Но поняли — бесполезно: на снегу быстро окоченеешь. К тому же товарищи обязательно пойдут к нам на выручку и могут погибнуть. Этого мы никак не могли допустить.

Поступили так. Притаились в снегу на некоторое время, пока фашисты немного ослабили бдительность. Затем

стремглав бросились к темневшему невдалеке подбитому танку. Запоздало затрещали пулеметы и автоматы, зашипели мины: мы уже укрылись за танком. Передохнув, поползли к балке, а от нее добрались к своим.

* * *

На рассвете, продвигаясь со взводом по траншее, старший лейтенант Чуриков увидел ход сообщения в сторону противника.

— Куда это? — спросил Чуриков у пулеметчика.

— К фрицам.

— На чай к ним ходить?

— Нет. От прежней их обороны остался. Они по нему к себе в тыл ходили.

Чурикова это заинтересовало, и он приказал командиру отделения Суровцеву разведать, куда ведет ход. Первым завернул в него Поливода, за ним Красюков и цепочкой остальные бойцы отделения. Вскоре Поливода увидел землянку, а рядом фашиста за пулеметом. Поливода наклонился к Красюкову:

— Я приколю фашиста и распахну дверь в землянку, а ты с остальными в нее врывайся.

Поливода, сняв часового, открыл дверь в землянку и увидел второго немца, он сидел и спокойно курил. Остальные обитатели землянки спали. Поливода не стал ждать, когда бодрствующий солдат проморгается, прикончил его. В землянку разом ворвались Красюков, Суровцев и другие бойцы.

Гитлеровцы вскочили и оцепенели под дулами винтовок русских солдат.

— Обувайтесь и шнель шпацирен, — пригласил немцев Суровцев, показывая на обувь.

— Они же в коротких штанишках! — удивился кто-то.

— Кто же виноват, что они разделись, как у тещи на именинах, — сказал Суровцев. — А нам некогда. Пока они будут надевать штаны, нас другие фрицы накроют.

Немцы, наспех натянув шинели, укутавшись в одеяла, вышли наружу. Поливода и Красюков подорвали гранатами землянку.

С пленными был и смех и грех. Сначала Чуриков проявил недовольство за задержку вылазки. Потом рассердился: почему не дали пленным надеть брюки? На-

конец, приказав заминировать обнаруженную траншею, дабы враги не использовали ее для ответного к нам визита, распорядился отконвоировать пленных в Варваровку в штаб дивизии. Там возмутился начальник службы вещевого снабжения:

— Откуда я им возьму штаны? Немцев снабжать обмундированием у меня не предусмотрено. Не положено это...

Командир дивизии полковник Морозов «посоветовал»:

— А ты пиши докладную Гитлеру. Так, мол, и так, дай, фюрер, своим воякам инструкцию держать штаны наготове, а не то будут в нашем плену в трусах разгуливать.

Шутки шутками, но саперов полковник поблагодарить не забыл. Не каждый день двенадцать «языков» в штаб приводят.

* * *

Дивизия готовилась к новому решительному наступлению. Политуправление, командование фронта выпустили много листовок с воззванием — беспощадно громить врага, который отказался принять наш ультиматум, сложить оружие и тем сам себе вынес смертельный приговор. Одна из листовок была посвящена саперам. В ней говорилось: «Там, где не пройдут танки, там, где не пройдет кавалерия и пехота, там советские саперы проходят изо дня в день и расчищают путь для других родов войск. Тысячи советских танков, жизнь десятков и сотен тысяч советских бойцов сохранили герои-саперы, уберегли их от коварства осатанелого врага». Саперы еще лучше поняли свою роль в общей борьбе. Они узнали, что их боевая работа высоко, достойно оценивается.

...Мы приступили к разминированию полей своих и чужих, к снятию проволочного заграждения. Работали в белых маскахалатах, что позволяло близко подползать к окопам противника.

10 января 1943 года начали штурм. Стрелки несли потери, но продвинуться не смогли. Пришлось снова действовать саперам. Ночью они при помощи веревок и лестниц поднялись на крутой берег реки, обошли несколько огневых точек с тылу и уничтожили их. Восполь-

зовавшись переполохом, взвод старшего лейтенанта Брюзгина тоже обошел высоту. Противотанковыми гранатами уничтожил два орудия, наблюдательный пункт и пулеметную точку. В пробитую брешь вошли стрелковые подразделения, расширяя фронт нашего наступления.

* * *

Фашисты думали отсидеться в уцелевших домах, в подвалах, превратив их в крепости.

Снова из саперов организовали штурмовые группы. Одну из них возглавил Николай Красюков. Он родился, учился и вырос в Сталинграде, знал в нем каждый дом, ходы и выходы.

Фашисты заняли многоэтажный дом у кирпичного завода. Из амбразур подвала, из окон били автоматы и пулеметы. Красюков сумел провести группу к подвальным окнам. Проложив путь гранатами, саперы ворвались в подвал и в рукопашной схватке завершили дело. Наше командование, не зная об успехе саперов, приказало дать залп из «катюш» по «упрямому дому». Отбитый у немцев подвал укрыл саперов от залпа «катюш». А залп в свою очередь освободил штурмовую группу от боя на этажах. Оставшиеся в живых фашисты с поднятыми руками и белыми тряпками в них начали выползать на улицу.

Наша дивизия, захватив вокзал Сталинград-II и оказав помощь в захвате элеватора соседу справа, продолжала наступать вдоль железной дороги к вокзалу Сталинград-1.

На улице Баррикадной, около железнодорожной насыпи, в окнах дома № 24 фашисты оборудовали амбразуры и установили пулеметы. Рядом, в траншеях, сидели автоматчики. Из подвала и окон этого многоэтажного дома обстрел велся в несколько ярусов. Саперы, укрываясь за железнодорожной насыпью, подошли к железнодорожному мостику, под которым сейчас проходит трамвай № 3. Здесь старший лейтенант Чуриков поставил задачу:

— Вскочим из-под моста, забросаем траншею гранатами, потом ворвемся в дом.

Поливода и Красюков кинулись первыми, за ними

остальные. В окопы полетели гранаты. Немцы поднялись из траншеи в контратаку. Мощный, как старый дуб, Поливода сильным ударом выбил винтовку из рук переднего фашиста и, всадив в него штык, перебросил через себя. Перекинул второго, а третьего пригвоздил к земле. Нескольких гитлеровцев прикончил из автомата Красюков.

Отважно дрались и другие воины.

Очистив траншею от фашистов, подбежали к дому. В окна, двери и подвал бросили гранаты. Из окон повисли белые тряпки — фашисты сдались.

После этого жаркого боя Красюков спросил у Поливоды:

— Как ты ухитрился двух фрицев подряд на штыке через себя кинуть?

— Не помню. Наверное, у меня не было времени выдергивать штык, а через себя стряхнуть — быстрее и надежнее.

Николай Красюков имел свойство необычно быстро отходить от пережитой в бою напряженности. Вид пленных уже забавлял его: были они до предела неопрятны. Фюрер, хоть и обещал на эту зиму своим воякам теплое обмундирование, но так и не прислал его. Немцы стояли с поднятыми воротниками шинелей, в вывернутых на уши пилотках. Многие дико чесались. Потом Николай Красюков бодро, весело декламировал:

Для чего зольдату ноги?
Чтобы топать по дороге.
Левой, правой, раз и два!
Для чего же голова?
Чтоб носить стальную каску,
Или газовую маску.
И не думать ничего...
Фюрер мыслит за него.

Наш жизнерадостнейший Николай одновременно был храбрейшим человеком. Впоследствии он стал полным кавалером ордена Славы.

После победы Красюков, как и другие саперы, долгое время очищал поля от мин, оставшихся от войны. Демобилизовавшись, приехал в родной Сталинград. Здесь уже много лет является начальником одного из пионерских лагерей. Бывший воин учит своих питомцев

мужеству и отваге, воспитывает их на боевых и трудовых традициях отцов и дедов,—своих фронтовых товарищей.

* * *

2 февраля 1943 года последние фашисты прекратили сопротивление.

После долгомесячного гула и грохота, после нечеловеческих усилий и невиданных жертв вдруг стало тихо. Можно было встать в полный рост и не думать о том, что тебя настигнет пуля врага, осколок снаряда или бомбы. И радостное чувство охватывало каждого воина: мы победили у стен Сталинграда, мы победим и в грядущих боях!

Н. И. Закамский,
полковник в отставке*

В. О. Круглов,
подполковник в отставке**

КУРСАНТЫ

Даже коренные волгоградцы не все знают, что до войны в их городе находилось военно-политическое училище; его создали в январе 1940 года.

До войны обучение в училище было годичным, а с начала войны перешли на шестимесячную программу. В 1942 году, когда фашисты наступали на юге страны, срок сократили до трех месяцев. За это время курсанты должны были научиться подготовить и провести наступательный или оборонительный бой подразделения, организовать политико-воспитательную работу. Занятия проходили чаще всего в поле. В проливной дождь или жару ребята ползали по-пластунски, стреляли, овладевали приемами штыкового боя, учились познавать души солдат — вести их навстречу огню, а может, и смерти.

...И вот 23 августа 1942 года. Передовые части врага вышли к Волге севернее поселков Рынок и Латошинка. Одновременно многие сотни самолетов обрушили на город бомбы.

В тот же день наше училище преобразовали в действующую часть. Заработал созданный ранее боевой штаб, скомплектовали два батальона по четыре стрелковые роты в каждом и одну резервную роту.

К полудню мы получили приказ начальника гарнизона — командира 10-й дивизии войск НКВД полковника Сараева занять оборону.

Перед выходом на фронт в училище состоялся митинг. Главная мысль в коротких речах была: предстоит экзамен боем — экзамен выдержим! Дипломом на выпуск станут беззаветная преданность Родине и храбрость.

В четыре часа училище выступило походными ко-

* Закамский Н. И. был полковым комиссаром, начальником Сталинградского военно-политического училища.

** Круглов В. О. был старшим политруком, старшим инструктором по пропаганде и агитации политотдела училища.

лоннами. В строю оказалось 772 человека, в том числе 41 — командного состава. Заняли свои участки обороны. Справа был один стрелковый полк, слева позиции другого полка 10-й дивизии войск НКВД.

Прогоняя нервную напряженность перед боем, курсанты, не жалея сил, рыли окопы и ходы сообщения, изучали местность, готовили оружие, вели разведку. И все же — мы видели это! — тягостно было молодым бойцам ожидание смертельной схватки. И потому каждую свободную минуту политработники использовали для бесед, чтобы ободрить их.

3 сентября войска противника начали новое крупное наступление на город. С командного пункта было видно: левее нас, по направлению к Воропоново идет сильный бой. Враг вскоре прорвал оборону 64-й армии на рубеже Цыбенко — Гавриловка и начал продвигаться к Опытной станции и Верхней Ельшанке. Между левым флангом нашего батальона и правым флангом 272-го стрелкового полка был не прикрытый войсками двухкилометровый коридор. Сюда вклинился противник. Он занял Опытную станцию и высоту 147, с нее он видел нашу оборону. Фашисты могли обстреливать наши тыловые дороги. Командование фронта учло опасность. 3 сентября нас переподчинили командиру 87-й стрелковой дивизии. Она была сформирована из сибиряков, дальневосточников и уральцев, прибыла под Сталинград в середине августа и вошла в состав 62-й армии.

В приказе командира дивизии полковника Казарцева говорилось: «Сталинградское военно-политическое училище подчинено мне. Училищу контратаковать противника в направлении Опытное поле и восстановить положение».

Чтобы войти в соприкосновение с противником, нужно было сделать на виду у него трехкилометровый бросок по пересеченной местности.

В 15 часов 30 минут 2-й батальон пошел в наступление. Хотя и витала кругом смерть, мы радовались, глядя на своих питомцев. Действовали они четко и хладнокровно, как на занятиях. Куда девалась нервозность, которая охватила их в ожидании боя. Перебежками, ползком курсанты продвигались настойчиво и быстро. Противник усилил огонь, грохали снаряды, рвались мины. А чем нам отвечать вражеским артиллеристам и ми-

нометчикам? Пулеметами их не достать, а орудий мы не имели. Вся надежда была на умелый маневр, ловкость, быстроту. А тут налетели фашистские самолеты. Роты, редая, залегли.

Вражеский огонь обрушился и на 1-й батальон. Может быть, противник разведаль, что перед ним курсанты военно-политического училища? А возможно, само их поведение в бою обратило внимание фашистов? Так или иначе, но враг вел по нашим ротам огонь особенно сильный. Вскоре отстал батальон 87-й дивизии, наступавший слева от нас. Воспользовавшись этим, автоматчики врага ударили во фланг нашей 8-й роты. Перед фронтом роты действовали два дзота, две пулеметные точки, минометы и автоматчики. Командир роты старший лейтенант Животов выдвинул один взвод со станковым пулеметом на фланг. Пулеметный огонь отвлек противника, и Животов поднял бойцов. Когда до переднего края противника осталось метров семьдесят, командир вырвался вперед и крикнул:

— Вперед, орлы! За Родину!

Его голос перекрыло мощное «ура!». В боевых порядках роты взвилось Красное знамя, врученное училищу шефами — рабочими тракторного завода. Алый стяг нес секретарь ротной партийной организации курсант Путятин. Сквозь дым и пыль знамя светило, словно солнце; ринулись в атаку курсанты других рот. Весь 2-й батальон во главе с командиром капитаном Дмитриевым и его замполитом старшим политруком Юдановым бросились вперед. Тяжело раненный Путятин упал. Знамя поднял другой курсант. В боевых порядках вместе с курсантами были комиссар Максим, политруки рот Усов, Берз и секретарь партбюро батальона политрук Борисов. Их личный пример вдохновил атакующих. Старшина Костенко гранатами уничтожил огневую точку врага. Курсант Солодовников убил пять немецких автоматчиков, ворвался в дзот и удерживал его до конца боя. Секретарь партбюро батальона Борисов с группой курсантов забросали гранатами огневую точку фашистов и сразили нескольких автоматчиков. Лейтенант Чернецов со взводом окружил пулеметную точку противника. Лейтенант Щегольский с курсантом Гаяном ворвались в дзот, перебили в нем немцев. Мужественно действовали связисты: курсанты Колосания, Иванов, Маслов,

Павлеашвили. Под огнем они обеспечили связь подразделений со штабом батальона.

Атака батальона завершилась взятием высоты 147. Фашисты потеряли убитыми до двухсот человек. Были захвачены минометы, пулеметы и пятеро пленных.

Потери понесли и мы. Погибли секретарь партбюро 8-й роты Путятин, батальонный комиссар Максин, старший политрук Усов, лейтенанты Чернецов и Щегольский, курсант Зинченко...

В тот день, 3 сентября, фашисты неоднократно переходили в контратаки, пытаясь вернуть высоту 147. Их усилия не увенчались успехом — они потеряли еще около восьмидесяти человек.

На следующий день противник не раз открывал огонь по высоте. Снаряды, мины перепахивали землю. Но батальон держался. Противник подтягивал силы, видно, готовился к наступлению. Его авиация вела разведку наших боевых порядков. Одновременно самолеты со свастикой сбрасывали в расположение наших частей листовки, в одной из них была схема Сталинграда. Северная окраина города заштрихована, на ней написано: «Стальной заслон». Ниже призыв: «Солдаты, не ждите помощи с Севера, у нас здесь стальной заслон. Переходите к нам, но не забудьте захватить с собой котелки и ложки». Листовки пошли на самокрутки.

Фашисты усилили артиллерийский и минометный огонь. Им удалось просочиться с левого фланга в боевые порядки 2-го батальона. Возникла опасность прорыва линии обороны в стыке между батальонами. Командир дивизии приказал немедленно отбросить противника с фланга, овладеть Опытной станцией и держать от нее рубеж к Бабаево фронтом на запад.

Разведка установила: Опытная станция занята большими силами противника со значительными огневыми средствами. Для поддержки наступления нам выделили шесть танков. После полудня по сигналу «белая ракета» 1-й батальон без артподготовки пошел в наступление. Два танка двигались в боевых порядках батальона, а четыре поддерживали его огнем с места.

Противник встретил курсантов шквальным огнем. Но роты продолжали продвигаться.

Вскоре оба танка задымили, остановились. Огонь прижал курсантов к земле. Ранены и выбыли из строя

политрук 1-й роты Маслов, секретарь парторганизации роты курсант Ефремов.

Поднял курсантов в атаку командир 1-й роты капитан Безнасюк. На каждого курсанта приходилось по два фашиста. Но враг дрогнул под натиском наших ребят. Капитан Безнасюк во главе группы из семи курсантов отбил у противника дзот. Огнем из ручного пулемета группа уничтожила до 50 вражеских солдат. Рота захватила зенитные батареи и пленных.

2-я рота под командованием лейтенанта Трегуба наступала правее 1-й роты. Она несколько отстала от соседа: под огнем курсанты залегли в лощинках, в воронках. Но вскочил старший политрук Блинов.

— За мной, братцы!

Минометчики лейтенанта Котельникова открыли меткий огонь по вражеским пулеметам. Рота приблизилась к северо-восточной окраине Опытной станции. Старший политрук Блинов сразил трех немецких автоматчиков, но и сам был тяжело ранен в грудь. Тяжело ранило и командира роты Трегубова. Член партбюро батальона Ткаленко заменил раненого командира. Он уничтожил 18 фашистов. Дважды раненный, Ткаленко продолжал увлекать за собой курсантов. Рота ворвалась на северо-восточную окраину Опытной станции.

3-я рота наступала в направлении северной окраины Опытной станции. Роту поддерживал огнем танк, но вскоре в него угодил снаряд. Танк, задымив, остановился. Поле закипело разрывами мин и снарядов. Курсанты залегли. Старший политрук Гимпель, поднявшись в рост, бросился на врага. Но пуля скосила его. Место Гимпеля занял старший политрук Круглов. Огонь не ослабевал. Особенно донимал пулемет дзота на левом фланге роты. Лейтенант Карпенко приказал курсанту Плаксину забросать дзот гранатами. Плаксин пополз, но тут же был убит. Курсант Олейников рванулся вперед уже без приказа. Он по-пластунски подобрался к дзоту и забросал его гранатами. Взвод лейтенанта Карпенко завершил атаку. Лейтенант Сорокин со взводом выбил немцев из другого дзота.

Старший политрук Круглов с курсантами продвигались к северной окраине Опытной станции, ведя огонь по вражеским автоматчикам. Вдруг дала залп «катюша», огонь врага ослабел. Бросок вперед, и Круглов ворвал-

ся в дзот; офицер и шестеро солдат, выскочив через амбразуру, по оврагу бежали к своим. В дзоте мы увидели четырех пленных красноармейцев. Здесь было много оружия, боеприпасов. Красноармейцы взяли винтовки и открыли огонь по убегающим немцам. Трое из них упали. Огонь из захваченного дзота вели до конца боя.

К вечеру бой затих. Наши роты достигли северной окраины Опытной станции и прочно ее удерживали. Поставленную боевую задачу в основном выполнили: отбросили противника с левого фланга 2-го батальона и ликвидировали опасность прорыва обороны.

Небольшой успех дался нам не малой кровью. Резерва для пополнения батальона не было. Командование решило остатки 1-го батальона влить во 2-й, создать сводный батальон училища и удерживать высоту 147. Сводному батальону придали минометную батарею — и «выпускные экзамены» продолжились.

Враг подтягивал свежие силы. В течение 6 сентября противник вел интенсивный артиллерийский и минометный огонь по нашим позициям, несколько раз налетала авиация. Вечером фашисты внезапной атакой пытались взять высоту, но были отбиты.

Участок правее училища занимали три роты 98-й стрелковой дивизии. Вечером 6 сентября их сняли с позиций. Таким образом, наш правый фланг оказался открытым. Вражеский самолет-разведчик часто появлялся над нами: выискивал слабые места.

На рассвете следующего дня противник после ураганного артиллерийского и минометного огня по нашим позициям, а затем налета авиации перешел в наступление. Танки в сопровождении пехоты прорвались через полосу обороны небольшого подразделения справа от нас и стали заходить в тыл батальону училища. Одновременно слева в стык между нашим батальоном и 42-й стрелковой бригадой устремились автоматчики. Возникла опасность окружения батальона. Пришлось оставить высоту 147, которую мы с таким трудом отбили и так упорно удерживали в течение пяти суток.

Отстреливаясь, небольшими группами, медленно пятясь, курсанты отходили к высоте 115. Вскоре подошло подкрепление. Наше подразделение сменил батальон морской пехоты, который с ходу вступил в бой.

По приказу командира дивизии курсантский батальон получил новый участок обороны. И так совпало — близ родного училища. Горечь овладела командирами и курсантами, когда подходили к военному городку, к полуразрушенным обстрелом и бомбежкой зданиям, где хоть и недолго, но учились, где отдыхали в редкие от трудной учебы минуты. Вон видны казармы, столовая. Кто мог предвидеть, что курсантам придется оборонять от врага свое училище? Неужели фашисты расположатся на отдых в тех же зданиях, где жили мы?

Возле здания училища проходило шоссе от города к гражданскому аэродрому. Фашистские передовые части стремились оседлать этот важный транспортный путь. В ту же ночь курсанты отбили несколько атак. Противник понес значительные потери. В этом бою секретарь партбюро 1-го батальона политрук Борисов истребил нескольких фашистов. Даже после ранения он не оставил поле боя.

8 сентября в 17 часов 20 минут комдив 87-й приказал курсантам занять оборону в районе Совбольницы. Ночью сводный батальон произвел разведку, установил связь с соседними частями — 42-й стрелковой бригадой и отдельным минометным дивизионом. Разведка установила: враг сосредоточивает войска севернее нас, рассчитывая, видимо, укрепиться в районе Разгуляевка — Александровка, а отсюда прорваться в город. Вместе с пехотой гитлеровцы подтягивали артиллерию, минометы и танки. Об этом наш штаб доложил командиру дивизии.

Вышел новый приказ комдива:

«По приказанию командующего 62-й армией, СВПУ немедленно снять с обороны и совместно со сводным батальоном 87 сд сосредоточиться к 16.40 в районе сад — Овражное, где готовиться к овладению Александровкой и Разгуляевкой».

К этому времени у нас осталось 153 человека, и батальон преобразовали в сводную роту. Командиром ее назначили старшего лейтенанта Тарасенко, политруком — старшего политрука Клочко.

К вечеру сводная рота прибыла к штабу 6-й танковой бригады и стала готовиться к атаке: ее назначили на 24 часа 9 сентября. Предстояло атаковать МТС и выйти на северную окраину Александровки. Сводному баталь-

ону 87-й стрелковой дивизии во главе с капитаном Тюриным выбить фашистов из Разгуляевки и выйти на юго-западную окраину Александровки.

Атака предполагалась совместно с танками. Однако они ночью не пошли, а поддерживали наступающих с места. Одновременно начал атаку батальон капитана Тюрина. Без танковой поддержки батальон понес большие потери и залег.

Сводная рота училища всю ночь вела наступательный бой, шаг за шагом овладевая вражеской обороной. Гитлеровцы переходили в контратаки, но мы отбивали их.

На рассвете в помощь роте двинулись пять танков. Под прикрытием их огня курсанты возобновили атаку и заняли северо-восточную окраину Александровки. Боевую задачу успешно выполнили. Были захвачены трофеи: 10 орудий, 3 автомашины, 3 мотоцикла.

Командир роты старший лейтенант Тарасенко умело руководил боем в ночных условиях. Будучи раненым, Тарасенко не ушел с поля боя. В бою погибли старший политрук Ключко, лейтенанты Захаров, Биба, Андриевский, курсанты Ликвабишвили, Тищенко, Ткаленко... Враг же на нашем участке потерял не менее пятидесяти человек.

10 сентября заместитель командующего фронтом генерал Голиков приказал остатки личного состава училища отвести на переформирование за Волгу. На следующий день нас переправили на левый берег. Одна курсантская рота, переданная в 6-ю танковую бригаду, участвовала в боях до конца Сталинградской битвы.

Отличившихся в боях офицеров и курсантов представили к награде. Командующий 62-й армией наградил 24 человека: в их числе орденом Красной Звезды — капитана Безнасюка, старшего лейтенанта Животова и старшего политрука Назаренко. Курсанты Колосония, Остапов, Романенко, Ткаленко удостоились медали «За отвагу». Такие, значит, состоялись у нас выпускные экзамены. Можно смело сказать, что выдержали их выпускники на «пятерки».

В октябре руководящий состав училища переехал в Новоузенск. Сюда направили новый набор курсантов.

В. И. Вознюк,
Герой Социалистического Труда,
генерал-полковник*

ЗАЛПЫ «КАТЮШ»

«Солдатское радио» разнесло среди бойцов стрелковой части весть: по соседству расположились «катыши»...

О «катюшах» ходили различные толки: «Как заскрипит, завоет! Дым столбом, из него огненные стрелы. Сыпанут по вражеским позициям — земля горит. Тошно фрицам от «катышинных песен»! Но как выглядят «катыши»? Как устроены? Что собой представляют их снаряды? Никто не знал. А солдаты — народ дотошный, вот и потянулись по заснеженной стежке туда, где, по слухам, находились «катыши». Путь любопытным загородил бравый сержант. Он распахнул и запахнул шинель, явно для того, чтобы солдаты увидели гвардейский знак на его гимнастерке.

— Куда идем, славяне?

— На «катышу» глянуть. Одним глазком, гвардеец.

— Тихо, братцы, «катыши» отдыхают, сил перед концертом набираются.

— Ну, тогда расскажи о них что-нибудь.

— Запросто. Голосок ихний нам приятен, а фрицам почему-то не нравится. На ножки «катыши» легки; спели на высоком, крутом берегу, в долинку сбежали и от туда поют.

— А почему вы их в чехлы кутаете?

— Артисток от простуды всегда берегут.

Один молоденький солдат проявил особую настырность:

— Не темни, гвардия. Скажи хоть, чем начинены «катышины» гостинцы?

— В них любовные письма Гитлеру, Герингу, Геббельсу и прочим на «г», а также на другие буквы. Тебя как зовут?

— Вася.

* Вознюк В. И. был генерал-майором, командовал группой гвардейских минометных частей Юго-Западного фронта.

— Точно. Есть и тебе записочка. «Милый Вася, любопытство не порок, но... Победу отпразднуем, я тебе, Васек, сама свое личико открою. Целую, Катя».

Забегая вперед, скажем: шутка часового оправдалась. На параде Победы Василий в числе других бросил к Мавзолею одно из фашистских знамен, а под мелодию песни о Катюше, впервые без чехлов, прошли по Красной площади гвардейские минометы. В войну же это мощное оружие держали в строжайшей секретности — враг так и не смог создать ничего подобного. Как достигли такой секретности? Прежде всего, тщательным подбором людей для обслуживания минометов. Специальная комиссия при ЦК отбирала их из числа коммунистов и комсомольцев. Они могли быть веселыми, как тот гвардии сержант, о котором говорилось выше, но о деле с посторонним человеком за всю войну никто из них не сказал ни слова.

Теперь рассказать можно. Внешность «катюши»: грузовик, направляющие балки на раме — представляет каждый школьник. Официальное название минометов: РС — реактивные системы.

А данные снаряда были такие. Вес — 72 килограмма. При взрыве он делал воронку до 2,5 метра глубиной, до 7—8 метров в диаметре. Разрушал траншею на участке до 10 метров. Выводил из строя огневую точку с тяжелым дерево-земляным укрытием. Пробивал кирпичную стену толщиной около 70 см. Взрывная волна поражала живую силу на открытой местности площадью до 2000 квадратных метров. Не случайно эти тяжелые снаряды бойцы метко окрестили — «Иван Грозный».

В операции «Уран» по окружению немцев в Сталинграде гвардейские минометы сыграли видную роль. В то время мне выпала честь командовать оперативной группой гвардейских частей Ставки Верховного Главнокомандования.

3 ноября в станице Кумылженской представитель Ставки генерал армии Жуков провел совещание с начальниками родов войск. Выслушав мой доклад, Георгий Константинович поинтересовался состоянием каждого полка, характером обороны противника в районах, по которым мы спланировали залпы. Потом Жуков глубоко рассмотрел вопросы нашего взаимодействия с танковыми и кавалерийскими корпусами. Он высоко оценил

наше предложение дать не два залпа — один в начале, второй в конце артподготовки, как мы делали обычно, — а семь залпов в течение всей работы ствольной артиллерии. Жуков заметил:

— При таком темпе немцам не прийти в себя. А справитесь?

Командующий фронтом генерал Ватутин ответил за меня:

— Я видел их тренировку и уверен — не подведут гвардейцы.

Жуков напомнил:

— Чем точнее и гуще будет ваш огонь, тем больше мы сохраним жизней наших солдат, и наступательный порыв у них будет прочнее.

Точнее и гуще... Не просто нам было выполнить эту простую формулировку. Раньше у Юго-Западного фронта было только два гвардейских минометных полка. Теперь срочно с других фронтов стягивались новые части. Одни катили своим ходом, вторые прибывали по железной дороге. Штаб группы не знал частей, местности и противника. Части, в свою очередь, не знали нас. Полевых артскладов не было. Все же ценою огромных усилий и бессонных ночей мы подготовили к началу операции «Уран» все свои 33 гвардейских дивизиона.

В ночь перед наступлением «катюши» начали осторожно выбираться из балочек, низинок и других укрытий на огневые позиции. Бойцы готовящихся к наступлению стрелковых частей, видя силуэты грузовиков с характерными, даже под чехлами прямоугольными формами, весело напевали: «Выходила на берег Катюша». Пусть не в подробностях, но о «катюшах» знали, их любили, в их грозные песни верили!

В ту ночь, думая о том, какую лавину огня понесут врагу тридцать три дивизиона, я невольно вспомнил о первых залпах реактивных систем. Тогда, 15 июля 1941 года в 15 часов 30 минут дала залп лишь одна отдельная батарея капитана Флерова.

Фашисты сгрудились на станции Орша. Нетрудно догадаться, как они, самоуверенные, наглые, восприняли тот удар. Нашей авиации они в то время еще не боялись. У них стояли на открытых платформах танки, бензовозы. Солдатня, гомоня, толпилась на перроне и путях. Вдруг из-за горизонта, с совершенно незнако-

мым, надрывно-стонущим звуком примчались огненные стрелы, кольнули землю, рельсы, шпалы, вагоны, грузы, окутав всю станцию дымом, оглушив рассыпчатым громом взрывов. Заполыхали вагоны, автозаправщики, танки. Именно тогда гитлеровцы, забыв о своих бесчинствах, начали вопить о том, что-де русские ведут войну на уничтожение. Кое-кто стал требовать применения газов.

В тот же день в 17 часов прогремел второй залп по переправе через реку. Немцы прекратили переправу, и те, кто уцелел, ударились в паническое бегство, побросав технику, теряя оружие.

Одна батарея, по одному залпу...

Теперь мы готовились услышать музыку залпов десятков дивизионов.

Операция «Уран» началась утром 19 ноября 1942 года. Я был тогда на НП командующего 5-й танковой армией генерала Романенко.

В 7 часов ствольная артиллерия, подвижные реактивные установки подготовились к залпу. Везде сверили часы. Заработала радиосвязь. И тут наступила первая помеха: полосу главного удара 5-й танковой затянул густой туман. Авиация действовать не могла. Артиллерия не могла вести прицельный огонь.

Все же представитель Ставки Ватулин решил начать операцию. В 7 часов 30 минут загремел первый залп из сотен орудий. Прорезая туман, устремились на позиции противника огнестрельные снаряды гвардейских минометов.

В 8 часов 50 минут грохнул заключительный, общий артиллерийский залп. В него влили свой голос десять тяжелых дивизионов РС. Тысячи снарядов взорвались почти одновременно. Потом все стихло, но лишь на мгновение. Наступившую тишину нарушило многоголосое «ура». Пехота, поддержанная танками, пошла в атаку.

...Командир 246-го дивизиона Шмулевич, белорус по национальности, имел к врагу свой особый счет: о бесчинствах гитлеровцев в Белоруссии, хотя и не в подробностях, но сведения доходили. И Шмулевичу хотелось быстрее и сполна отомстить за страдания родной земли.

Шел бой за хутор Горбатовский. Контратакующему противнику удалось вклиниться в боевые порядки на-

шей стрелковой дивизии. «Катюши» готовы помочь. Но как? Залп и своих накроет! Шмудевич предложил командиру дивизии:

— Разомкните оборону, пусть немцы сунутся в прорыв.

— Опасно. Вдруг противник успеет растечься по нашим тылам?

— Упредим!

Дерзкое решение было принято. С высоты наблюдательного пункта увидели, как шесть танков и батальон пехоты ворвались в приготовленную для них брешь. Наверное, немцы торжествовали и были готовы, как это они неплохо умели, начать обходные маневры по нашим тылам. Тут их и накрыл залп гвардейских минометов. Остатки вражеского батальона куда ретивей, чем наступали, бросились вспять, к хутору. По пути они получили крепкий удар во фланги от размыкавших брешь наших стрелков, и оборона вновь сомкнулась. К утру дивизия вышла на окраину хутора.

Противник стал поспешно отходить на запад к мосту через реку Кривую. «Катюши» быстро выехали на открытые позиции. Очень точно надо было рассчитать тот залп, ибо противник сгрудился вблизи моста, а мост и нам необходим. Грянул залп, и фашисты, побросав все, разбежались. Хутор Горбатовский был взят, мост остался цел, и наши войска незамедлительно стали переправляться на западный берег.

В те же дни отличились два дивизиона 35-го гвардейского полка под командованием подполковника М. П. Панова. Полк совершал марш. Гвардейцы увидели колонну кавалерии. Разведка установила: наши. Одновременно разведчики заметили 20 фашистских танков и до 40 автомашин с пехотой. На глазах гвардейцев-разведчиков танки противника начали разворачиваться в боевой порядок, явно намереваясь атаковать кавалерию. Гвардейские минометы были за холмами и оставались не замеченными противником. Гвардии полковник Панов, находившийся с разведчиками, приказал минометным расчетам приготовиться к залпу. Залп не только привел в замешательство немцев. Он предупредил кавалеристов, они стали разворачивать свою артиллерию. Фашисты дрались упорно. После залпа «катюш» восемь танков и тридцать автомашин с пехотой направились в сто-

рону позиций гвардейцев. Остальные их силы продолжали атаковать кавалерию. Но гвардейцы уже были готовы к повторному залпу. Один дивизион ударил по группе, атакующей нас, второй — по основной группе.

Как потом установили из допроса пленных, группа машин и танков была из состава 22-й танковой дивизии немцев.

В результате совместного огня гвардейских минометов и артиллерии кавалерийской дивизии немцы оставили на поле боя 12 танков, 36 автомашин, 16 пулеметов, 28 мотоциклов, свыше 300 убитых и раненых. 100 человек сдались в плен.

Этот бой характерен тем, что взаимодействие гвардейских минометов с кавалерийскими частями не было запланированным, а состоялось, так сказать, экспромтом.

Любимая воинами песня о славной девушке Катюше приобрела в годы войны второй смысл. В памяти фронтовиков всплывают тяжелые грузовики с рамами, на которых застыли похожие на черных рыбин снаряды. Они с визгом, распустив огненные хвосты, словно молнии, вонзаются в небо. Потом из-за горизонта приходят громовые раскаты — предвестники будущей нашей победы.

А. П. Дудкин,
полковник запаса*

РАЗВЕДЧИКИ

Ничто так не запоминается фронтовику, как первый бой. И командиру взвода 118-го укрепрайона лейтенанту Тимофею Григорьеву день, когда впервые пришлось стрелять не по фанерным мишеням, а по живым целям, запомнился на всю жизнь.

Задачу на оборону безымянной высоты недалеко от Ивановки он получил еще при подходе к рубежу и тут же развернул взвод в линию отделений. Это было, пожалуй, самое правильное решение в той обстановке: едва заняли окопы, как фашисты перешли в атаку. Пренебрегая маскировкой, они шли в полный рост по открытой местности. Видимо, хотели ошеломить наших бойцов и с ходу ворваться в окопы. Но едва цепи гитлеровцев приблизились к подножию высоты, их встретил губительный огонь.

Для многих бойцов взвода этот бой был тоже первым. Удача воодушевила их. Перед новой атакой фашисты пробомбили окопы, обстреляли их из орудий и минометов. Траншеи заволкло дымом и пылью. Потом снова поднялись вражеские цепи. Разгоряченные жарой и шнапсом, гитлеровцы, в мышинного цвета мундирах, с засученными до локтей рукавами, что-то крича и стреляя на ходу, устремились вперед. Но оборона вновь ожила, словно не было жестокой бомбежки, артиллерийского и минометного обстрела. Не удалось врагу в тот знойный августовский день сорок второго сломить сопротивление укрепрайона.

В конце боя Григорьева ранило пулей в правое плечо. В том месте гимнастерка прилипла к телу, а рука стала будто чужая. А гитлеровцы достигли той черты, когда в ход пошли гранаты. Григорьев снял с ремня «лимонку», зубами выдернул чеку, размахнулся, но... резкая боль пронзила плечо, и пальцы выпустили гра-

* Дудкин А. П. был лейтенантом, командиром роты противотанковых ружей, затем зам. командира стрелкового батальона.

нату. Она упала в окоп под ноги. Три секунды — и грохнет взрыв. Все же не запоздал рефлекс у лейтенанта. Мгновенный наклон, граната в левой руке, переброшена за бруствер, покатилась под уклон в сторону гитлеровцев и взорвалась. Григорьев едва успел пригнуться.

— Товарищ лейтенант, вам надо в тыл! — оторвавшись от пулемета, прокричал наводчик. — Кровью изойдете.

Рану Григорьеву перевязали после того, как отбили атаку. Врач сказал:

— Счастье твое, лейтенант, пуля лишь мякоть задела. Угоди она в кость... Пуля-то разрывная...

Во взвод он вернулся не через десять дней, как назначил врач, а сразу после обработки раны.

Атаки противника следовали одна за другой, только ночью наступало затишье. Вчерашний курсант — на голове еще не успели отрасти волосы — Тимофей ночью обходил боевые порядки взвода, по-хозяйски осматривал окопы, руководил работами по восстановлению оборонительных сооружений, подбадривал бойцов. Наведывался он и к соседям. С болью узнавал о гибели многих боевых товарищей, таких же молодых лейтенантов, выпускников Грозненского пехотного училища. Их хоронили рядом с окопами. И тоже ночью. Днем это было невозможно.

Долго гитлеровцам не удавалось продвинуться вперед. Советские воины словно вросли в землю. Лишь перенацелив удар 4-й танковой армии на это направление и применив бронированный таран против обычных полевых укреплений, ценою огромных потерь гитлеровцы прорвались у поселка Наримана. Вражеские танки, а за ними бронетранспортеры с пехотой устремились в образовавшуюся брешь. Фашисты выходили на фланги, просачивались в тыл подразделений. Григорьеву порою казалось, что вся местность вокруг его взводной позиции горит, взрывается и вот-вот поглотит все живое. Но люди жили в этом аду и сражались.

В одну из сентябрьских ночей Григорьев возвращался во взвод от левого соседа. Неожиданно услышал побрякивание котелков и приглушенные голоса. Они доносились из неглубокой балочки, которая почти вплотную подходила со стороны противника к передовой взвода. Догадался: гитлеровцам подвезли походную

кухню. Григорьев понял: момент для внезапного нападения удобен. И решился.

С небольшой группой смельчаков пополз к балочке. Подступы к ней оказались неприкрытыми. Даже не верилось, что гитлеровцы, не выставив охранения, все уйдут к кухне.

Подползли к обрыву балки, стали вглядываться в нее. Ночь была темной, балка казалась черной пустотой. Но вот там вспыхнули красные огоньки сигарет. Их насчитали с дюжину. Надо было действовать, ибо после того, как фашисты разбредутся по местам, смельчаки окажутся отрезанными от своих окопов. Но как действовать? Открыть огонь, чтобы посеять панику, никогда не поздно. Лезть в балку за «языком»? Можно самим угодить в лапы фашистов. Разделились на три группы: двое уползли вправо, двое — влево, трое вместе с Григорьевым остались на месте. Условились: та группа, что захватит пленного, сразу отходит, остальные огнем и гранатами прикроют ее, а потом уйдут сами.

Казалось, прошла, вечность, а гитлеровцы не спешили. Вспыхивали новые огоньки, и теперь уже трудно было определить, сколько же их. Вдруг что-то хрястнуло, и тотчас тишину разорвал испуганный вскрик. В том месте, где теплились огоньки сигарет, хлопнул выстрел; разгоняя тьму, взвилась ракета. Григорьев увидел, как от балки в сторону окопов метнулись тени. Бежали двое, унося что-то тяжелое. «Правая группа взяла «языка»! Тимофеев приподнялся, бросил гранату, крикнул: — Бей гадов! Огонь!

В балку полетели гранаты. Они рвались вокруг кухни, следом ударили автоматные очереди. При свете догорающей ракеты было видно, как падают фашисты, как уцелевшие в панике мечутся по балке. Ожила линия фронта, озарилась разноцветными огнями, сплелась трассами пуль. Не понять, кто, куда и в кого стреляет. Вскоре отозвались минометы и артиллерия. Вздогнула земля от частых разрывов. Ночной мрак растворился в колеблющемся свете ракет. Хотя враг бил почти вслепую, группы прикрытия оказались в зоне артиллерии противника. Григорьев уже прыгал в окоп, когда осколок врезался в мякоть ноги. Бойцы подхватили взводного, осторожно опустили на дно окопа и доложили, что взят ефрейтор, наводчик пулемета.

Огненный смерч отбушевал. Григорьева эвакуировали в госпиталь.

В госпитале Григорьев пробыл недолго. Но в свой взвод он не возвратился. Слух о «дерзком» лейтенанте дошел до штаба соседнего соединения. Тимофея назначили на должность командира отдельной разведывательной роты 138-й стрелковой дивизии.

Боевые задачи разведчиков особенно сложны тогда, когда враг наступает и для отражения его атак у командования дивизии не хватает сил. Требовали от разведчиков «языка» и зачастую тут же перебрасывали их туда, где надо закрыть брешь в обороне или уничтожить вклинившегося противника.

Несколько дней подряд разведрота сражалась на стыке двух полков, как обычное линейное подразделение. Ее даже переподчинили командиру стрелкового полка. Разведчиков с каждым днем становилось все меньше. Как-то ночью начальник разведки дивизии прибыл в роту. Он отозвал лейтенанта Григорьева в свободный окоп, чтобы никто не слышал разговора, и распорядился:

— Роту отвести в балку Долгая. Дайте людям отдохнуть и готовьтесь к ночному поиску. Будем брать «языка».

В ту же ночь разведчики передали свой участок обороны стрелкам и к рассвету оказались в небольшой роще у изгиба балки. Здесь было два жилых блиндажа с двухъярусными нарами и блиндаж-баня «по-черному» — сибиряки строили. В берегу балки вырезан просторный котлован с перекрытием из бревен. Внутри решетчатый пол, в одном углу железная бочка — греть воду, в другом — куча камней на металлической решетке, под которой еще теплились угольки. А над головой в бревна перекрытия понатыканы крючья — вешать одежду. Плесни на раскаленные камни ковш воды, и всклубится горячий пар. После окопной жизни это был настоящий рай!

Наступило утро — серое, неприветливое, с холодным влажным ветром. Он доносил из Сталинграда прогорклые запахи и грохотание боя. Там уже второй месяц что-то горело. Шлейф черного дыма вытянулся вдоль Волги до самого горизонта, и казалось, никакой ветер не развеет его. А перед фронтом дивизии сегодня гит-

леровцы почему-то молчали. Может, основные силы перебросили к Лысой Горе? На это должен ответить «язык».

Григорьев мысленно переносился к передовой, намечал место для захвата пленного. Но снова ухнуло и раскатами эха отозвалось за Волгой. Вздогнула земля, и там, где позавчера сражалась рота, загремело. Враг возобновил наступление. Разведроту вновь бросили в бой.

Минули два часа, а казалось, прошла вечность. Гул сражения не умолкал. Отбита третья атака гитлеровцев, и начался изнуряющий артиллерийско-минометный обстрел. И опять атака — теперь с танками. Они напозлали, ведя огонь из пушек и пулеметов. За танками, рассыпавшись цепью, пошли автоматчики. Когда их фланг поравнялся с отсечной позицией, застрочил «максимка», и вражеские цепи смешались. Под кинжальным огнем пулемета иные упали замертво, другие залегли, третьи обратились в бегство. Оставшиеся без прикрытия танки попятись. Потом подошла новая волна пехоты, и атака возобновилась. Григорьев закричал:

— Пропускай танки! Отсекай пехоту!

Резко ударила «сорокапятка» — загорелся танк. Другие продолжали наседавать. Один достиг окопов взвода лейтенанта Дьяченко. Лейтенант метнул связку гранат. Распластав разорванную гусеницу, танк крутнулся на месте. В него полетели бутылки с горючей смесью, и он вспыхнул. А правее сержант Петухов едва успел нырнуть на дно окопа: черная махина, изрыгая огонь и копоть, перемахнула через него. Не растерялся сержант. Вслед танку метнул две бутылки. Дым и пламя вспучились над моторной частью. Разведчики всю мощь огня обрушили на вражескую пехоту.

Григорьев успел заметить, как три фашиста спрятались в канаву. «Этих возьмем», — решил он. Еще рвались гранаты, захлебывались стрельбой автоматы, а лейтенант с группой бойцов пополз по бурьяну к насыпи канавы. Тимофеем заглянул в нее. Снизу, не мигая, смотрели испуганные глаза. Гитлеровец в ужасе застыл. Едва его поманили пальцем, пополз сдаваться. Двое других лежали вниз лицами. Разведчики без труда обезоружили их и помогли выбраться из канавы. Когда достигли бурьяна, очередные танки противника на боль-

шой скорости спускались с холма, сизые шлейфы отработанных газов струились за ними.

Разведчики успели прыгнуть в окопы. Всмотревшись в пелену пыли и дыма, Григорьев увидел — ближний танк норовит зайти с фланга.

Используя остатки окопов и воронки, Григорьев пополз навстречу танку, рассчитывая, чтобы тот прошел метрах в пяти. Но танк, не сбавляя хода, повернул и пошел на лейтенанта. «Заметили!» — Танк затормозил, повел стволом пушки в сторону Григорьева. Он рывком скатился в воронку. Грохнул оглушительный выстрел, колыхнулись от жаркой волны кустики полыни, и Тимофей услышал, как скрежетнули внутри машины механизмы. Она тут же рванулась с места. Мелькнула перед глазами цилиндрическая округлость бензобака. Григорьев ухватил его жадным взглядом и, уже не думая больше об опасности, не остерегаясь, приподнялся и расчетливо метнул гранату.

Когда он падал в воронку, горячая упругая волна толкнула в грудь.

Танк окутался черными клубами дыма, сквозь них пробивались багровые языки пламени. Лязгнув, откинулась крышка люка. Один за другим выскочили танкисты, тут же попадали. Это сработали товарищи Тимофея из соседнего окопа.

Все это произошло 3 октября...

16 октября дивизия Людникова вновь вступила в бой. На этот раз в Сталинграде — на Нижнем поселке «Баррикад». Кто был тогда в Сталинграде, хорошо знает, что значил один прожитый там день. На «острове Людникова» жили больше трех месяцев. Корпуса завода и коробки домов потонули в дыму. Горело все, что могло гореть. Одна воронка перепахивала другую, осколок бился об осколок, и казалось, что не уцелеть ничему живому в этом пекле. Однако «остров» жил. Его защитники не только отражали атаки врага, но и сами контратаковали...

В ноябре, незадолго до нашего контрнаступления Григорьев проводил разведку боем.

За коробкой дома, что стоял на пути к Волге, разведчики наблюдали долго. Сколько там вражеских солдат, какие у них огневые средства, есть ли поблизости резервы? Враг стрелял при появлении целей из одного-

двух пулеметов. Вероятно, дежурных. Остальное скрывал. Пробовали выставлять чучела одновременно в нескольких местах. Но из пробитых в стене амбразур постреливали те же два пулемета. Ночью гитлеровцы освещали подступы к дому ракетами, стреляли по всем подозрительным пятнам на снегу и лишь перед рассветом успокаивались. Этот момент и выбрал Григорьев для штурма.

Не зря готовились столь старательно. Гранаты, точно брошенные в загодя выявленные амбразуры, не только вывели из строя пулеметы, но и не дали проснуться вздремнувшим гитлеровцам. Автоматы довершили дело. Брать в плен оказалось некого. Из провалов в стенах открылся вид на Волгу, на клочок земли, что отделял «остров Людникова» от частей 62-й армии. Но не удалось Григорьеву выполнить вторую часть задачи — связаться со штабом этой армии. Тот клочок земли был густо начинен противником. Он начал яростно атаковать дом. Лейтенанта снова ранило. Кое-как перевязавшись, он остался в строю. Да и некуда было уходить — «остров» имел 700 метров по фронту и 400 — в глубину. Словом, кругом передовая.

Весть о том, что наши войска сомкнули кольцо окружения сталинградской группировки гитлеровцев, вызвала громкое «ура» всех защитников «острова». Фашисты приняли это за сигнал к атаке и сыпанули было густым огнем. Но скоро выдохлись. Теперь настала их очередь беречь патроны.

Попритихли враги, порастеряли былую собранность. Два «языка» достались людниковцам совершенно «бесплатно». Пришел заблудившийся в развалинах обер-лейтенант. Он проверял свое боевое охранение, а попал к нашему переднему краю обороны и угодил к разведчикам.

Второй «язык» — солдат. Его послали по воду, и он перепутал колодцы. Стал набирать воду из нашего. Ведро ему пришлось нести к нам в штаб. Там его поблагодарили за услугу и стали допрашивать. Он охотно рассказал все, что знал о своей обороне, на местности показал расположение огневых точек и все время твердил: «Гитлер капут!»

Тимофею не довелось сражаться до победных февральских дней. Вблизи завода «Баррикады», когда раз-

ведчики «выкуривали» из руин и подвалов все еще огрызавшихся гитлеровцев, его ранило в четвертый раз. В тяжелом состоянии его отвезли в тыловой госпиталь.

...После войны выпускника пехотного училища Тимофея Васильевича Григорьева неодолимо потянуло в город, за который он сражался; город, где четыре раза был ранен. Теперь лейтенант в отставке «воевал» на восстановлении заводов — тракторного и «Красный Октябрь», работал в сельских районах области, снова в Волгограде. Сейчас встречается с молодежью. Рассказывает о подвигах товарищей по оружию, часто забывая о своих ратных делах. Но шрамы от ран и боевые награды говорят сами за себя.

ЗА КРАЙ РОДНОЙ

Среди других боевых наград мне очень дорога скромная медаль «За оборону Сталинграда». В Сталинграде я родился, вырос, учился, стал учителем. С особой болью видел я, как война выжигала знакомые с детства дома, кварталы, поселки. С особым подъемом и радостью вступал потом на освобожденную от врага землю родного края.

22 июня 1941 года я находился в лагере по военной подготовке, который располагался на окраине Серафимовича. Неподалеку от нас был домик, в котором жил и творил автор «Железного потока». Мы с благоговением посматривали на жилище писателя и тогда еще не думали, что совсем скоро сами потечем железными потоками на битвы небывалой в истории человечества войны.

В то воскресное утро мы, как обычно, спускались с высокой кручи к Дону. Часто останавливались, чтобы еще и еще раз полюбоваться на голубизну реки, на задонские луга и леса. Такой был покой перед нами, такой теряющийся в серой дымке простор, что сердце замирало от восторга. Купались, загорали на чистом песке. И вдруг воздух огласился тревожной песнью горнов.

Мы сразу поняли серьезность, трагичность события. Но я отлично помню — никакой паники не ощутили. Была полная уверенность в победе. Эту уверенность мы несли в себе через месяцы неудач, с ней же пришли через четыре года в Берлин. «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» — такие слова стали нашим девизом. Никто из нас не ждал повестки военкомата: сами поехали в военкомат.

Меня направили в 21-й отдельный учебный танковый батальон. Нашей казармой стал индустриальный институт на Сталинградском тракторном. В 1941 году здесь

* Гомазков В. Г. был воентехником 3-го ранга отдела техснабжения 45-й танковой бригады.

был глубокий тыл, и я места себе не находил от досады. К тому же обязанности на меня возложили, как мне казалось, абсолютно не боевые: поездки в сельские районы за продуктами, в город — за артистами. Раз на грузовике привез цыган с медведем. Другие артисты в тот вечер были заняты. Но цыгане не подвели: медведь артистично изображал вороватость фрицев и как они сдаются в плен — тоже показывал. Понял я, что людям, до предела загруженным боевой учебой и службой, даже такая бесхитростная забава в радость.

В ноябре меня направили в боевую часть, но, увы, отведенную в тыл, в Котельниково. 23 марта 1942 года, в день рождения, меня приняли кандидатом в члены ВКП(б).

Боевое крещение я принял в боях за Воронеж. А 18 августа мы выехали в направлении на юг. Догадывались — на Сталинград. На одной станции попали под бомбежку. Щели там были, прыгнуть в них успели, но в одну из них угодила бомба прямым попаданием. Семерых товарищей не досчитались.

Поворино — станция узловая, и после нее станет окончательно понятно, куда нас направляют. Когда вагон поравнялся со стрелкой, кричу стрелочнице:

— Какая будет станция?!

— Алексиково!

Последние сомнения развеялись — едем защищать Сталинград. Мы — это 45-я тяжелая танковая бригада подполковника П. К. Жидкова. Бригада входила в танковый корпус генерал-майора Кравченко. Замелькали знакомые с детства места — Себряково, Арчеда. Знакомые... только нельзя было узнать их — разбитые вокзалы, элеваторы, обгоревшие остовы домов, и не степные привычные запахи нес встречный ветер, а запахи гари и разложения.

Разгружались за станцией Лог, в степи, где была сооружена из шпал временная разгрузочная площадка. Как только выдержала она сползающие с платформ танки? Выгрузились, двинулись и... столкнулись с идущей в обход наших войск танковой колонной противника! Никаких предварительных совещаний над оперативной картой на командном пункте. Сразу загремела стрельба, загрохотали взрывы, степь подернулась пылью и дымом, сквозь них засветились костры горящих танков.

К вечеру у нас осталась половина машин. Это не укладывалось в голову — такие потери! А что же дальше? Однако задачу бригада выполнила. План врага — зайти в тыл наших войск — мы сорвали. И такой бой не мог обойтись без потерь. Война!

Нас отвели на переформирование. Несколько дней спустя после той схватки подполковник Жидков получил новый приказ: нанести удар через Орловку в направлении балки Сухая Мечетка и разгромить вражескую группировку, прорвавшуюся в район севернее Сталинграда. Натиск немцев здесь сдерживало только народное ополчение...

Бригада и здесь отличилась. Уничтожила сотни три гитлеровцев, вывела из строя более 30 танков, до 20 противотанковых пушек. Задержала противника.

Наш корпус опять отвели для пополнения в местечко, где была родина моей матери, и хотя я никогда не бывал в нем, хорошо его представлял по ее рассказам. Речка, балочки, сады за селом — все сейчас битком набито солдатами. На площади с церковью посередине лучшие дома заняты под госпитали.

Но главные военные события происходили в Сталинграде. Там побывали наши товарищи. Просьбу — узнать, что с моей семьей — они выполнить не смогли. За полотном, где стоял наш дом, все полыхало. Невдалеке немцы учредили комендатуру, вокруг на столбах качались тела повешенных.

Повторялось то, что хранила моя память. Тогда, летом 1919 года, в Царицын пришли белые. На паперти кафедрального собора, что стоял в Александровском сквере, там, где сейчас горит Вечный огонь, показался высокий, бритоголовый, в белой черкеске военный, это был Врангель. Его окружали офицеры, духовенство в золоченых и серебряных ризах. Они отслужили торжественный молебен, вознося благодарность и хвалу господу богу. Но отнюдь не святое дело виделось с паперти: вдоль Гоголевской улицы, которая вела к вокзалу, висели на столбах тела казненных.

Теперь не только казни вернулись в город. Страшные разрушения варварскими бомбардировками постигли Сталинград. Как же нам хотелось быть в рядах его защитников!

Мы тогда не знали, что являемся звеном в цепи,

которую потом накинута на зарвавшегося врага. Накинут, чтобы, стянув в петлю, раздавить его.

...И вот наступило утро 19 ноября 1942 года. Еще затемно громоподобно загрохотала артиллерия. Такой мощной артподготовки еще не бывало. На небольшом участке фронта между станицей Клетской и городом Серафимовичем сосредоточены сотни орудий. Затем вступили в дело минометы и пулеметы, еще позже двинулись танки. Так с Клетского плацдарма началось наступление советских войск под Сталинградом.

Часа через два линия вражеской обороны была взломана в нескольких местах, неприятельские войска поспешно отступали. В прорывы брошены свежие танковые части, и к исходу первого дня наступления мы продвинулись километров на сорок, достигнув хутора Манойлина. Наступление продолжалось успешно, и вечером 22 ноября наши части вышли на рубеж Дона. Наш корпус за это время потерял 20 танков. Урон противника гораздо больше. Например, только 19 ноября фашисты потеряли 29 танков, до сотни орудий и минометов, свыше 500 автомашин.

Утром 23 ноября, после короткого боя за Калач, наши танки продолжали натиск на восток. Впереди шла наша 45-я бригада подполковника П. К. Жидкова, уроженца Царицына. Нам выпала великая честь — замкнуть кольцо окружения сталинградской группировки противника. После полудня танки 45-й бригады прорвались к хутору Советский, близ станции Кривомузгинской, и там соединились с 36-й механизированной бригадой подполковника М. Р. Родионова, наступавшей с юго-востока, от Сарепты. Свершилось!

Наше продвижение давалось, понятно, нелегко. Так, у селения Громки враг создал сильно укрепленный опорный узел обороны и оказал яростное сопротивление. Танкисты, встретив ожесточенный огонь, остановились и повели стрельбу с места. Заминка грозила большими потерями. Быстро оценив обстановку, начальник штаба батальона Н. А. Лебедев отдал по радио приказ: развернуться и атаковать фашистские рубежи с фланга и тыла. Уничтожив тылы и штаб 13-й румынской дивизии, двинулись дальше.

23 ноября, у хутора Платонова, в трех километрах западнее Кривомузгинской, колонна фашистов с полсот-

ней танков и бронетранспортеров вознамерилась вырваться из только что сомкнувшихся советских клещей. Старший лейтенант Лебедев и его фронтовой друг И. И. Клименко, командир роты, схватились с превосходящими силами противника, сковали его действия и ценою собственных жизней сорвали замысел врага.

Они бились до конца. Экипажи их машин погибли, танки загорелись. Окружая героев, гитлеровцы вопили: «Рус, капут! Рус, плен!» Отважные танкисты вели огонь из пулеметов, а когда боезапасы иссякли, отстреливались из револьверов. Последний патрон каждый оставил для себя.

В наградных листах сказано, что головная группа, руководимая Лебедевым, при участии И. И. Клименко, за пять дней боев уничтожила 28 танков и около 1500 гитлеровских солдат и офицеров. Им обоим присвоено звание Героя Советского Союза.

...Когда началось наше победное наступление, то многое, что мы слышали о гитлеровцах, обрело наглядность. В офицерском блиндаже увидели игральные карты из Голландии, греческий табак, рыбные консервы из Португалии, французское вино, а также сало, разумеется, награбленное у нас. А вот вещь, украденная в Испании. Сверкающая сталью шпага. На рукоятке надпись — «Тоledo». Я много читал об Испании и, когда взял в руки шпагу, будто ощутил дуновение веера и расслышал щелканье кастаньет. Не верилось, что клинок благородного рыцаря Дон-Кихота побывал в руке фашистского мародера.

Подобрал с пола книгу «Солдатское божество». Перевел из нее предсмертное изречение императора Диоклетиана: «Вы создадите государство, которое станет угрожать Риму, германцы, вы — титаническая сила. Поделите себе земли. Не христианство, вы — будущее мира!»

Попалась мне и «Майн кампф» Гитлера. Из нее перевожу: «Когда мы говорим о новых землях в Европе, мы должны в первую очередь думать о России и подвластных ей пограничных государствах. Кажется, сама судьба указывает нам путь в этом направлении».

Осматриваем мелочи чужого быта. Складные ложки-вилки, гибрид портсигара с зажигалкой, спиртовки с запасом кубиков сухого спирта. С удобствами хотела

воевать арийская армия. Вот только дико обовшивела она. И с обмундированием в ней произошло блицпревращение. Еще осенью были немцы в ладных мундирах, в крепкой обуви, аккуратных пилотках, а сейчас толпы грязных оборванцев нескончаемыми вереницами брели перед нами.

А еще вот что узнали мы. В хуторе Аверине 7 ноября фашисты расстреляли десять мальчиков в возрасте от 9 до 14 лет. Кто-то из ребятишек взял со стола у офицера пачку сигарет. Его привлекла коробочка в красивой оклейке. С этого и началось. Три дня гитлеровцы истязали детей в сарае. А потом убили на глазах родителей и жителей хутора...

Надо ли объяснять, какая ярость охватила нас...

Медаль «За оборону Сталинграда», награду, полученную в боях за родной край, мы пронесли через сотни, тысячи километров фронтовых дорог. И везде слова «За оборону Сталинграда» звучали как пароль на уважительное, дружественное к нам отношение, ибо о Сталинграде знал весь мир. Сталинград навсегда стал символом стойкости, самоотверженности, героизма!

ОЖЕСТОЧЕННОСТЬ

Из Белоруссии в Узбекистан по зову Советской власти заселить Голодную степь приехала крестьянская семья Стемпковских. Родители работали. Дети учились в школе, ходили в походы. Любили участвовать в военных играх за их романтику.

Лена Стемпковская — она родилась в 1921 году — успела поступить в Ташкентский педагогический институт. Активная комсомолка, она отлично училась, и не было сомнений, что станет неплохим педагогом.

Но грянула война, и Родина оказалась в опасности. Скромная до робости студентка добровольно вступила в ряды Красной Армии. Ее направили на ускоренные курсы радистов-разведчиков. Елена успешно освоила боевую специальность. В конце июля 1941 года ее отправили на фронт.

Комсомольские походы, военные игры школьных лет закалили девушку. Эта закалка помогала ей переносить тяготы работы в тылу врага. Командование регулярно получало радиogramмы юной радистки. Летом 1942 года Лена с полным основанием писала родным:

«Я уже не робкая девчонка, а боец, находящийся на передней линии. Как только могу, я защищаю Родину. Мне часто вспоминается рассказ М. Горького о Данко. Он вырвал свое сердце из груди, и заблудившиеся люди смогли найти дорогу в темном лесу. Если бы я могла осветить своим сердцем дзоты врага, когда наши бойцы идут ночью в атаку, я поступила бы так, как Данко...»

В августе 1942 года, во время наступления фашистов на Дону, разведгруппа попала в окружение. Товарищи Лены отбивались отседавших врагов, а она непрерывно радировала в штаб о выявленных разведчиками силах противника, о возможных направлениях его движения. И все это в грохоте боя, под разрывами мин

* Грузинский Ф. С. был майором, командиром группы разведчиков 21-й армии.

и снарядов. Когда был убит последний товарищ Лены, она вывела из строя рацию и схватила карабин. Три выстрела, и три гитлеровца рухнули на землю. Но враги набросились на Лену со всех сторон. Свалили, скрутили...Измучились, разглядев в отважном бойце девушку. Повели в штаб на допрос, если можно назвать допросом то, что делали фашисты с пленными.

Очень многое знает радист-разведчик. Ему известно, какими позывными пользуются военачальники, где расположены их командные пункты, какие сведения успели передать разведчики и, следовательно, чего должны опасаться те, кто схватил их. Порой за этими сведениями может стоять замысел операции весьма крупного масштаба.

Как мы потом узнали, листки для протокола допроса Елены Стемпковской остались чистыми. За мужество в бою, за стойкость на допросе Елене Константиновне Стемпковской было присвоено высокое звание Героя Советского Союза. Посмертно...

Нет. Гитлеровцы не расстреляли пленную разведчицу. Она умерла от чудовищных пыток...

* * *

Был у нас политрук роты Суцев.

На привалах, в минуты затишья на передовой политрук разъяснял бойцам международную обстановку. Приводил примеры героизма наших бойцов, обрисовывал обстановку на фронтах. Разоблачал истинный облик фашизма. Беседуя с бойцами, он вникал в их заботы и мысли. Как живут семьи? О чем пишут? Довольны ли бойцы старшиной и поваром?

За постоянную заботу, за проникновенное, доходившее до сердца слово бойцы называли своего политрука отцом.

Ну а в бою Суцев действовал личным примером. Звезда на рукаве его гимнастерки, знак отличия политрука, всегда и во всех боях мелькала в первых рядах атакующих. Так было и в бою на серафимовичском плацдарме.

То было словно в песне: «бой тяжелый, как во сне». В дыму, пыли, грохоте выстрелов и разрывов никто не заметил, как упал политрук. Потом его искали. Использо-

ли все побоище до самых вражеских окопов. И просто ждали, надеясь, что жив он, отлежится в какой-нибудь лощинке и вернется к нам. Не хотели бойцы верить, что остались без отца, без храбрейшего человека, за которым бежать в атаку стало так привычно и надежно.

Пришлось поверить. Узнали следующее: Суцева тяжело ранили в бедро, он упал и потерял сознание. В толчее боя гитлеровцы заметили ненавистную им красную звезду на рукаве гимнастерки политрука, ухитрились унести его в свое расположение. Политрук Суцев умер не от раны. Гитлеровцы допрашивали его. Он не сказал ни слова. Нам в утешение враги вынесли истерзанное тело Суцева за передний край.

* * *

С такими вот смертями довелось нам столкнуться на войне. Но они нас не утравили. Мы по-прежнему были гуманны к поверженному, сдавшемуся в плен противнику. Таких конвоировали в тыл, а были они ранены — оказывали первую помощь, госпитализировали. Но уж в бою... да простится наша жесточенность!

В Сталинградской битве я участвовал в качестве командира группы разведки 21-й армии, которой командовал поначалу генерал А. И. Данилов, а затем генерал И. М. Чистяков. Моя должность давала возможность быть осведомленным о делах, действиях воинов, и память еще хранит множество эпизодов.

Смерть Лены Стемпковской отозвалась еще одной смертью, в далекой от фронта Средней Азии. Когда отец Лены получил похоронную, его разбил паралич, и вскоре Константин Максимович умер. Известие об этом окончательно ожесточило бойцов. Они говорили: «Нас пулями, пытками враг изводит, а стариков — горем!»

Взвод лейтенанта Тимофеева приблизился к хутору. Противник открыл огонь. Особенно донимали минометы. Пару из них, замаскированных за сарайчиками, накрыл меткий залп нашей батареи. А еще два, что были за хатой, артиллеристы не видели. Зато эти минометы хорошо разглядели бойцы Григорий Бершадский и Степан Качанов. Доложили командиру отделения сержанту Шейко:

— Законопатить бы им глотки, сержант!

— Законопатим,— согласился Шейко и, спросив у лейтенанта Тимофеева разрешения действовать, пополз к хутору. Бершадский и Качанов не отставали. До вражеской позиции оставалось метров двести, когда смельчаков заметили. Над ними засвистели пули. Рядом взорвались мины. Шейко ранило в руку, но он, презрев боль, дал очередь из ручного пулемета. Вражеский минометчик привстал, откинулся и повалился на спину.

— Николай, резани еще! — крикнул Бершадский. Шейко не ответил. Вражеская пуля попала ему в голову. Бершадский перехватил пулемет из рук убитого.

— Всех покошу, изверги!

Стрелять бывалый солдат умел. Две очереди — и обслуживать минометы стало некому. Гитлеровцы, видимо, решили захватить дерзких воинов живьем. Атаковали цепью с фронта. Падали под очередями. А другие зашли с тыла. Наши бойцы слишком поздно заметили их. Путь к своим был отрезан. Бойцы, не сговариваясь, выпустили последние патроны из пулемета и автомата, бросили в гитлеровцев гранаты. Последнюю оставили себе.

— Прощай, Степа!

— Прощай, Гриша!

Они обнялись, и, когда фашисты подбежали, Качанов, не выпуская из рук гранату, взорвал ее.

* * *

До боев командир отделения частенько говорил красноармейцу Стрельникову:

— Не наводи ты на меня тоску, держись бодрее. Стрельников, потупясь, виновато оправдывался:

— Таким меня мать родила. Не виноват я, товарищ командир.

Но вот первая атака...

Стрельников шустро вымахнул из окопа. Побежал впереди всех, лавируя и стреляя на ходу. Первым прыгнул в чужую траншею. Отбив винтовкой выпад фашистского солдата, нанес ему короткий укол, второго достал длинным. Двинул прикладом третьего, когда четвертый, верзила, на две головы выше Стрельникова, поймал его за горло. Не успел сдавить руки, как получил двумя ку-

лаками под дых, да так, что пополам сложился. Стрельников подхватил падающую винтовку гитлеровца и пригвоздил его ударом штыка к стене окопа.

— Ну и ну! — восхищался потом командир отделения. — Откуда такое взялось в тебе?

— Просто не нравится мне, что пришли сюда фашисты. Что издеваются над нашими людьми. Не успокоюсь, пока не догоню их до самого Берлина.

* * *

Тяжелый танк КВ ворвался в укрепрайон гитлеровцев возле Дмитриевки. На броне было десять десантников. Десант попал под перекрестный пулеметный огонь. Из десяти один Сююбаев остался. Танк утюжит окопы, бьет из пушки по амбразурам дотов, а дело десантника — отбить атаки вражеских гранатометчиков. Сююбаев строчил из автомата. И тут автомат замолк. Кончились патроны. Ударил по крышке люка прикладом:

— Гвардия, давай гранаты!

Идет танк, разит врагов оружием, давит гусеницами, а с борта еще и гранаты летят. Ранили Сююбаева в правую руку, у него и левая не слабей оказалась. Одного особо шустрого немца, что невесть откуда выскочил, Сююбаев, прыгнув с брони, сшиб ударом каски в лицо.

Потом офицер Кацнельсон, корреспондент армейской газеты «Боевой натиск», посвятил Исатаю Сююбаеву стихи, придав им стиль, свойственный акынам:

...«Слушай, танкисты, — кричит Исатай, —
Вышли патроны, гранаты давай!»
И полетели гранаты со свистом
Прямо на головы зверям-фашистам...

За тот бой Сююбаева наградили орденом Ленина.

* * *

Мы победили, вновь стали мирными людьми и не хотим, чтобы кто-либо будил в нас на свою голову былую боевую жестокость.

НЕ ТОЛЬКО ОРУЖИЕМ

В сентябре 1942 года на высоте 220 близ станции Клетской в траншее одного из подразделений нашего 3-го гвардейского кавалерийского корпуса проходило партсобрание. Принимали в члены Коммунистической партии. Вставать в полный рост вступающим не рекомендовалось — над траншеей посвистывали пули, вокруг слышались взрывы. Назвали очередного:

— Командир отделения Водзинский Доми~~ни~~к Иванович. Расскажите свою биографию.

Слегка приподнялся крепкий парень: взгляд острый, выражение лица смелое, кубанка набекрень — одним словом, типичный боец-кавалерист. И биография у него оказалась типичной. Родился в семье крестьян-бедняков, в селе Терешки Антоновского района, близ границы Польши с Украиной. Был комсомольцем, кандидатом в члены партии вступил на фронте. По национальности — поляк. В Красную Армию пришел добровольно, когда не было еще восемнадцати.

О деловых качествах Водзинского на том собрании не говорили, ибо все хорошо их знали.

С простреливаемой противником высоты Водзинский корректировал огонь наших минометчиков, и те уничтожили вражеский пулемет, несколько автомашин с боеприпасами.

Потом — выход на разведку. Доставлены точные данные об огневых точках неприятеля, а пробитая пулей пилотка Водзинского объясняла, что не просто было добыть те данные.

Нарушилась телефонная связь и... снова Водзинский! Теперь уже в качестве связного. Под огнем, ползком во ржи, бегом по оврагу, местами через расположение противника — в штаб части и обратно, к ведущим бой товарищам.

Таков был Водзинский в бою. А каков внутренний

* Добрушин Д. С. полковник, комиссар 3-го гвардейского кавалерийского корпуса.

мир этого, очень типичного для нашей яви человека?

Фронт — не только непрерывная стрельба и атаки. Это и марши с привалами, отходы на переформирование, долгие ночи в землянках в период затишья. А тогда — горячие споры и задушевные беседы, воспоминания и разговоры о будущем. И тогда же можешь увидеть иного человека с совершенно неожиданной стороны. В лихом рубаке вдруг проглянет мечтатель. За чьей-то грубоватой внешностью раскроется необычная нежность к матери, к невесте. Кто-то, никогда не говоривший об искусстве, возьмет карандаш, и несколько штрихов обнаружат руку довольно хорошего рисовальщика.

Однажды на привале у костра Доминик Водзинский прислушался к песне, что пели невдалеке, сказал:

— Кавказцы поют. И мне, поляку, на душе хорошо.

Так завязался разговор о том, что все истинно талантливое становится интернациональным. Бойцы вспоминали имена людей искусства. Доминик рассказал о Шопене:

— В нем все — интернациональное. Отец — француз-эмигрант. Мать — полячка. Начал учиться музыке у чеха. Покорил австрийцев в Вене. Дружил с Листом, Гейне, Бальзаком, влюбился в Жорж Санд. Родился в Польше, умер во Франции. В Варшаве ему стоит памятник, а музыку Шопена знает весь мир.

В другой раз Водзинский рассказал еще об одном знаменитом земляке — Ярославe Домбровском, сподвижнике Гарибальди, талантливом военачальнике Парижской Коммуны, смертельно раненном на ее баррикадах. Потом Доминик вспоминал знаменитых соотечественников — Коперника, Мицкевича, Огинского...

По молодости он не мог учиться в высшем учебном заведении. Значит, его познания были от живого, пытливого ума, от любознательности. Загубила ли война в нем это? Восемь раз был ранен Водзинский. Последний раз так, что никто не надеялся на его спасение. Бои, лишения, боль... есть от чего очерстветь. Но нет, не таковы были наши люди! После двух сложнейших операций, трех суток беспмятства Доминик первым делом попросил медсестру найти в его походном чемоданчике пластинку с вальсом Шопена. И не Доминика бодрили медсестры, а их, переживавших за его боль, бодрил он:

— Я еще станцюю с вами, мои дорогие, в честь Победы.

Он, отважный боец в войну, после войны занялся самым мирным, самым гуманным делом — стал учителем. Восстанавливал школу, учил детей, учился сам. Занял пост директора школы. Потом защитил кандидатскую, докторскую диссертации. В войну гвардии старшина, он ныне — доктор педагогических наук. В данное время Доминик Иванович Водзинский возглавляет кафедру педагогики и психологии Винницкого педагогического института.

* * *

Алексея Черныша, выпускника музыкального училища, призвали в Красную Армию в 1939 году и, естественно, определили в музвзвод трубачом. В красноармейской же самодеятельности он исполнял соло на скрипке. В то время 5-м кавалерийским корпусом командовал генерал Рокоссовский. Будущий маршал был настоящим ценителем музыки. Он, его жена и дочь бывали на всех концертах в Доме Красной Армии. После одного из концертов генерал подозвал меня и начальника ДКА.

— Товарищи политработники, а ведь Черныш определенно талантлив. Ему в консерватории учиться надо.

Мы были согласны и изъявили готовность оформить на Алексея соответствующие бумаги. Генерал обещал: — Подпишу и лично проверю ход документов.

Не получилось этого... Началась война.

Во время боев музыканты, оставив инструменты на попечение обозников, выполняли роль подносчиков патронов, санитаров, связных.

Не часто была у нас возможность проводить в последний путь погибших товарищей с оркестром. Но все же бывало и так. Одними из первых мы хоронили командира полка Мельникова, командира отделения Иванова...

Отгремели залпы, отпела медь оркестра, а мы все еще стояли недвижимо. Трудно смириться с мыслью, что тех, с кем еще сегодня перекуривал, перебрасывался словом, уже нет. Понимание того, что войны еще надолго, что не последних провожаем, угнетало. И тут мы услышали скрипку. Я не помню, что играл Алексей. Помню другое: трагически печальная мелодия перерос-

ла в героическую и непонятным образом вернула нас к простой мысли: чем лучше, чем яростней мы будем сражаться, тем быстрее разобьем врага и избавимся от необходимости почти каждодневно заниматься тяжелым делом, каким занимались сейчас.

Вскоре Алексей был ранен в голову. Я нашел время повидаться с ним.

— Ну, как? Не сильно задело?

— Сильно,— Алексей протянул мне разбитую скрипку.

— Я не про нее. Сам-то как?

— Заживет. А скрипка пропала...

Так среди прочих забот у нас появилась забота найти Алексею скрипку. Перейдя в наступление под Сталинградом, мы могли вручить Чернышу все, что угодно: хоть трофейный танк, хоть пушку, хоть шестиствольный миномет, а вот скрипки не попадалось.

Но однажды...

На рассвете ноябрьского утра вышли к хутору Евлампиевскому. Из головы колонны доложили:

— Какие-то черные точки на горизонте маячат!

Понесли нас кони по снегу к хутору. Вот так точки!.. По мере приближения они выросли в самолеты с подвешенными бомбами, в танки, автомашины. Удар наш был стремителен—из двадцати самолетов улетел лишь один. Вскоре мы имели от него неприятности. Он навел на нас группу «юнкерсов», и лишь быстрое рассредоточение избавило нас от потерь. После бомбежки стали внимательно знакомиться с трофеями. Нашли комплект музыкальных инструментов и среди них, наконец-то, скрипку. Я удивился: сколько, оказывается, людей помнили о ней. Зам. командира полка Коваленко, многие солдаты докладывали мне:

— Есть скрипка! — И искали Черныша.

Нашли, вручили ему инструмент. Алексей бережно открыл новенький футляр, обласкал скрипку рукой и взглядом:

— Товарищи, а ведь это работа итальянского мастера!

В тот же вечер в стареньком, холодном сельском клубе Алексей дал концерт. Звучали родные ему народные украинские мелодии, а потом — чардаш Монти, серенада Шуберта... Как, оказывается, стосковались бой-

цы по настоящей музыке, как понимали и любили ее!

Это было в дни Сталинградской битвы.

А в последний раз мы слушали Алексея Черныша на Эльбе. С нами были союзники-американцы. Один потом спросил:

— Почему ваш скрипач в солдатской форме?

— Он и есть солдат,— ответили мы.

Демобилизовавшись после Победы, Алексей Черныш закончил Львовскую консерваторию по классу скрипки. В семье музыканта родились три близнеца. Они тоже стали скрипачами. Дом заполнился музыкальными инструментами. Самое почетное место среди них занимает фронтовая скрипка.

В Волгоград приезжал Харьковский музыкальный ансамбль. В нем играли Олег и Игорь Черныши — сыновья солдата-ветерана Великой Отечественной войны.

И. К. Ребров,
майор-инженер в отставке*

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКИ

1

23 августа 1942 года на станции Причальной женщины с детьми, чемоданами, узлами, теснясь и толкаясь, спешили на железнодорожную переправу. Крики, лязг вагонов не могли заглушить грохота бомбежки в Сталинграде.

Под крутобережье латошинских дач редко забегал ветерок.

— Припекает как на сковороде! — злился начальник переправы Фетисов, вытирая загорелое лицо. Ему казалось, в городе бушует не бой, а извержение вулкана страшной силы — даже тут, за два десятка километров, вздрагивала земля.

В полсотне метров от Фетисова спешно грузили вагоны на длинный самоходный паром «Сталин». Второй, уже загруженный паром был готов к отправлению. Кроме вагонов, на палубах — беженцы, имущество эвакогоспиталя.

— Навязалось фашистское воронье на нашу голову! — окончательно разозлился Фетисов. Причин для злости хватало.

Не прорвав с ходу оборону Сталинграда с юга, гитлеровцы двинулись с северо-запада. Пробив концентрированным танковым ударом наши позиции на Дону у хутора Вертячего, они рванулись по коридору прорыва через разъезд Конный к Волге. Продвижение фашистов было настолько стремительным, что с часу на час танки могли появиться у Латошинки, где действовала самая мощная железнодорожная переправа на Волге, перевозящая до шестисот вагонов в сутки с различным грузом.

О вражеском прорыве Фетисов узнал от офицера связи 62-й армии. Его предупредили быть готовым к эвакуации переправы на левый берег и к уничтожению причалов, т. е. Фетисов получил право решить судьбу своего хозяйства самостоятельно. И все-таки он

* Ребров И. К. был инженер-майором, заместителем командира 13-й гвардейской танковой бригады.

не спешил воспользоваться этим правом. Переправу прикрывали с обеих берегов зенитные батареи 1077-го и 1078-го полков Сталинградского корпуса ПВО, а на высотах перед Латошинкой занимали позиции два арtdивизиона. «Не пробиться фашистам к реке,—старался успокоить себя Фетисов. Но тут же подумал другое:— Немцы нас не бомбят, значит, хотят захватить переправу исправной». Эту мысль подтвердил подбежавший молоденький красноармеец.

— Товарищ начальник,—заговорил он торопко и тревожно,—меня послал к вам лейтенант Баскаков. Передал: немецкие танки уже в двадцати километрах, их больше двухсот, много мотопехоты. Наступление прикрывает авиация. Лейтенант советует сейчас же увести паромы на тот берег. Если навалится пехота, вы не успеете уплыть.

Фетисов посмотрел на посыльного в упор.

— Заранее отступить готовитесь? На Баскакова не похоже.

— Отступать некуда, но немцы-то все ж пока сильнее.

— За предупреждение спасибо,—сказал Фетисов глухо.—Будем настороже.

К замполиту переправы, Малышкину подошел подполковник медицинской службы. Возбужденно объяснил:

— Я начальник эвакогоспиталя в Латошинке. Никак не найду Фетисова, а мне приказано переправить госпиталь. Раненых осталось немного — шестьдесят два человека.

— Сделаем,—ответил Малышкин.—Лежачих разместите в санитарных вагонах.

— Больше таких вагонов у меня нет,—с досадой сказал военврач.—Нам обещали плавучий госпиталь, пароход «Композитор Бородин», но он задерживается. Так куда раненых?

В самом деле, куда же? Не класть же их на железную палубу, на рельсы под вагоны?

— А вдруг «Бородин» не придет? — разволновался врач.

— Успокойтесь! Вон ваш пароход, жмет на всех парях,—показал Малышкин на Волгу.

— Теперь порядок! — обрадовался военврач.

Снизу, со стороны дымящего города, быстро приближался пароход с флагом Красного Креста. За ним шел бронекатер. Капитан «Композитора Бородина» выжимал из машины все, что она могла дать. Колеса судна торопливо перелопачивали серую воду фарватера.

— Рискованно бежит! — осудил Фетисов, подходя к Малышкину. — Вчера немцы спустили в Волгу мины. Пять из них наши тральщики выловили, а сколько осталось их в реке, неизвестно.

В этот момент высоко в небе появились две «рамы», словно коршуны, высматривающие добычу. По ним открыли стрельбу зенитки правого берега. «Фокке-вульфы» продолжали кружить над рекой и навели беду: внезапно из-за Латошинской высоты на пароход устремились два бомбардировщика и сыпанули бомбами. Над пароходом, закрыв его, взлетали султаны взрывов. На переправе стих гомон, все усталились на черное облако дыма.

За уходящими бомбардировщиками кинулась тройка наших истребителей. Фетисов не мог оторвать глаз от Волги. Не хотелось верить в случившееся. Но вот дым растаял, и на том месте, где был пароход, люди увидели только бронекатер. Он кружил по реке, видимо, спасал утопающих.

— О-о, бандиты! — застонал Малышкин. — Там ведь раненые. Какое изуверство!

Сейчас берег напоминал растревоженный муравейник: одни спешили устроиться на паромах, воспитатели детдома скликали к роднику своих питомцев, чтобы успеть их покормить перед отплытием.

Покруживший на реке бронекатер повернул к причалам. «Значит, кого-то спасли», — подумал Фетисов с некоторым облегчением и, увидев спешившего к нему начальника госпиталя, пошел навстречу. Военврач потребовал чуть ли не сквозь слезы:

— Настаиваю принять на паромы всех раненых. Теперь им не до удобств.

Фетисов невольно остановил взгляд на месте, где затонул пароход. «Сколько их там было? Раненых, но веривших, что смерть им теперь не грозит...» Сказал военврачу:

— Давайте быстрее всех больных на паромы. Тяжелораненых попробуйте разместить в каютах. Наш врач

вам поможет...— Потом Фетисов, посмотрев на военврача в упор, спросил:

— А вы не подумали, что на фарватере с нами может случиться то же, что с «Композитором Бородиным»? Мы, возможно, тронемся днем.

— Надо, чтобы с нами такого не повторилось,— строго сказал военврач.— Надеюсь на ваш опыт. И народ надеется!

«Надеется народ...» — Фетисов понимал свою ответственность. Пока людское скопище прикрывал с запада высокий крутойяр — еще ладно. Но если фашисты займут Латошинку? Они никого не пощадят. Выбравшись кое-как из-под бомбежки в городе, на Причальной люди чуть успокоились. Но гибель плавучего госпиталя вновь всем взвинтила нервы. Иные, устрасясь переправляться на столь заметных, огромных паромов, погребли на лодках. Но коварная быстрина сносила их вниз в полосу обстрела. Нашлись и более опасные паникеры. К Фетисову, прихрамывая, подошел худой долговязый военный в выцветшей гимнастерке с перевязанной головой.

— Почему не отправляешь паромы? — горланил он с явным намерением, чтобы его слышали другие.— Может, поджидаешь кого оттуда?.. — Он показал на запад. Его загорелое и небритое лицо покривила гримаса.— Я сразу тебя раскусил!..

На шум разом сгрудилась толпа, тревожно загудела.

— Чего молчишь?! — злобно наседал незнакомец и полез в карман за пистолетом.— Ну, говори, преда...

Ему помешал закончить слово внезапный удар по шее такой силы, что долговязый, закачавшись, выронил пистолет. В следующее мгновение двое военных, скрутив смутьяну руки, сорвали с его головы бинт, и Фетисов с удивлением увидел, что никакого ранения у незнакомца не было.

По толпе прокатился озлобленный гомон:

— Немецкий лазутчик! Провокатор! Бей гада камнями!

— Граждане, отступитесь! — прикрикнул лейтенант.— Я — из органов.

Толпа притихла, подалась назад.

— Шагайте, господин Зайчевский-Мюллер... — сказал лейтенант, подтолкнув пленника пистолетом в бок.—

Мы вас еще вчера поджидали. Опаздывать не годится...— усмехнулся он.— Нечестно служите фюреру.

— Врешь! Не могли вы этого знать...— огрызнулся павший духом Зайчевский.— Все хвалитесь, а драпаете за Волгу.

— Хватит!— повысил голос лейтенант.— Шагай на паром! Там тебя ждет не дождется твой бородатый компаньон.

«Выходит, вражеские соглядатаи уже здесь, на переправе...» Фетисов тут же призвал себя к спокойствию: на Причальной нашлось кому отрубить фашистские щупальца. Вспомнил также, что в прошлую ночь у Латошинки батарейцы лейтенанта Баскакова полностью уничтожили десант диверсантов.

Отойдя в сторону от суеты на причале, Иван Георгиевич зачерпнул горстью холодную родниковую воду и освежил лицо. Этот существующий и сейчас источник в старину считался священным — вода его даже в посуде долго остается свежей и вкусной.

Часы показывали четверть пятого. Тревожно взвыла сирена. В сторону левого берега стремительно неслись пять «юнкеров». Сегодня четвертый раз гитлеровцы пытались прорваться бомбить поезда в Заволжье. С обоих берегов загрохотали зенитные пушки, ударили пулеметы и с паромов. Ведущий бомбардировщик, сбросив шлейф дыма, рухнул в Волгу. Второй «юнкерс» река поглотила вместе с пламенем. Тройка налетчиков, сбросив бомбы куда попало, повернула на запад.

— Молодцы, зенитчики!— улыбнулся Фетисов.

За последние дни работники переправы впервые увидели улыбку на его осунувшемся лице. Это взбодрило. Капитан парома «Сталин» Самойлов доложил обстоятельно:

— По тревоге можем за четыре-пять минут оставить причал. Матросы проинструктированы. Машинисты сразу дадут дымовую завесу. У чалок дежурят. В Латошинке выставлен наблюдатель, ну а зенитчики всегда начеку. Помпы исправны, пожарники дежурят.

Фетисов взглянул на часы.

— Скорее бы ночь... Нависло над нами недоброе, товарищи. Надо вытерпеть, пережить.

Фетисова срочно позвали к причалу. У трапа его встретил знакомый майор, чекист, пригласил за собой

на паром. Протискиваясь средь людской тесноты, они вошли в каюту кочегаров, заполненную до отказа ранеными и густо пропахшую лекарствами. На носилках лежали тяжелораненые. Кто мог кое-как стоять, теснились у переборок. На палубе, прислонясь к тумбочке, сидел со связанными руками бородатый старик с широким, скуластым лицом.

— «Гость» от немцев,— кивнул майор на бородатого.— Целый день потратили на поимку этой сволочи. Их было трое. Одному удалось улизнуть, а второй вон тот,— показал он на сгорбившегося в углу верзилу в старой гимнастерке, которого Фетисов уже знал.— Перекрасился, негодяй, в раненого, а в вещевом мешке взрыватели и сигнальный фонарь, под мышкой пистолет.

Бородатый сверкнул на Фетисова яростными глазами, тяжело выдавил:

— Пришел вам конец! Драпаете, как крысы с тонущего корабля!

Масленщица Чурсина замахнулась на бородача тяжелым гаечным ключом.

— Не марай, тетя, руки,— удержал ее раненый красноармеец.

— Не замараю, у меня рукавицы.— Чурсина в гневе рассказала:

— Мы, ивановские бабы, враз его признали по свиначьей морде, паразита и кулачину.— И уже к нему: — Помнишь, Аким, Марью черненькую? Ту, что ты извел в девках, ту, что утопилась в речке Червленной? Продался чужеземцам, землю свою возвратить захотел? Вот тебе земляца,— сунула она кукиш под нос бородача.

Майор попросил Фетисова дать часа на два катер для отправки в тыл схваченных диверсантов.

— На катере мой походный штаб. Там знамя... Короче, катер не дам. Обвенчали бы вы этих мухоморов с камнями и за борт, в компанию к нырнувшим туда немецким «асам».

Взвыла сирена. Фетисов бросился из каюты и с замиранием сердца увидел, как в сторону переправы разворачиваются в воздухе десятка два бомбардировщиков. По «юнкерсам» застучали зенитки. Два самолета, точно спасаясь от своего пламени, рухнули на дальнюю песчаную косу, оставив после себя в воздухе несколько парашютов. Выбросившиеся летчики спускались в Волгу.

К ним направлялся бронекатер. Остальные самолеты обрушили свой удар на Латошинку. От бомб разлетались в щепы дачные постройки, недавно занимаемые госпиталем. Особенно люто бомбили западную высоту, где батареи лейтенанта Баскакова сбили в этот налет трех «юнкеров».

Над рекой плыла перемешанная с дымом пыльная мгла. Вой бомб, грохот пушек, взрывы — все слилось в общий адский гул. Где-то в задымленном саду кричали женщины.

Бомбежка прекратилась. Медленно рассеивался дым. Снова к паромам потянулись раненые, многим из которых еще не была оказана первая помощь.

Фетисов понимал, что после самолетов могут появиться и танки. Надо было уводить паромы, но как уведешь, когда прибывают и прибывают раненые? Его тревожила мысль о возможном появлении вражеской пехоты, это было для паромов опаснее танков. Раздумывая над этим, он невольно прислушался. Где-то за Латошинкой быстро оживал грохот пушек. Сплошной гул, как шум морского прибоя, то нарастал, то удалялся. «Время уходить», — подумал он, с сожалением посмотрев на станцию, где оставалось десятка три вагонов. Но тут же утешил себя: «Придем еще раз». И, довольный тем, что в случае выхода немцев на берег им останется голая станция, даже улыбнулся, вообразив их злую досаду.

— Дайте закурить, — послышался позади голос.

Фетисов обернулся. Возле него стоял голый по пояс красноармеец со свежезабинтованным плечом. В руке он держал немецкий автомат, за пояс засунута гимнастерка с темным кровавым пятном. Трудно было узнать в этом изнуренном парне того бодрого батарейца, что прибегал от лейтенанта Баскакова.

— Как же это тебя? Да в самое плечо.

— Если бы только меня... — проговорил упавшим голосом батареец и поник головой. — Нет больше ни наших ребят, ни орудий.

— Что мелешь?! — поразился Фетисов, подавшись назад. — Что с Баскаковым?

— Погиб и лейтенант...

— Та-а-ак! — протянул болезненно Фетисов. — Да как же вы не уберегли-то своего командира?!

— А как убережешь, если на батарею понеслось танков больше тридцати. Четырех мы подавили сразу, остальные мчатся и сыпят снарядами и пулями. Подбили еще три. Потом все как в тумане. Будто молотком ударило. В плечо. А тут бомбы завывли, загрохотали.

— Значит, накрыли всю батарею?!

— Наверно, всю. Остался я да Катя—наводчица седьмого орудия. Нас песком привалило, а то бы и мы...

Ошеломленный известием, Фетисов, как хмельной, побрел к причалу. Подбежал матрос, наблюдавший за латошинской высотой. Доложил, что дорогу на Сталинград пересекают немецкие танки.

— Сколько?

— Насчитал тридцать восемь. Что ж, выходит, впереди нас никакой обороны?

— Ах, беда-то какая!! — схватился Фетисов за голову.— Чего же молчит левый берег? Беги на паром. Передай капитану — срочно отходить. Всем на паромы! — крикнул он во весь голос, подавая руками сигнал экстренного отправления.

Потеряв всякую связь с управлением дороги, Фетисов не знал того, что немцы, прорвавшись в районе Латошинки к Волге, сразу же ударили по северной окраине Сталинграда в направлении тракторного завода. Таким образом, железнодорожная переправа оказалась отрезанной от северного крыла обороняющихся войск и уже не имела никакого значения для Сталинградского фронта.

Едва длинные тела паромов отделились от причала, как по ним из латошинского сада грянули выстрелы из танков, вышедших к береговому обрыву. В ответ открыли огонь пушки из Заволжья. Немцы, видно, стреляли наспех, бесприцельно, так как снаряды больше будоражили воду, нежели попадали в быстро уходявшие паромы. В один танк угодил наш снаряд. Задымив, танк сорвался с кручи, закувыркался к роднику, увлекая за собой деревья. Запылал кустарник.

Пальба между берегами усиливалась. Из труб паромов валил необычный густой дым завесы, закрывший плывущие суда.

Катер Фетисова шел с правого борта парома «Сталин». Иван Георгиевич, волнуясь, следил за судами. Где-то за нависшей черной пеленой натужно ревели

самолеты, били пушки, и казалось, будто вся дымовая шапка дрожит от снарядов и пуль. Вдруг катер обдало водой, и Фетисов едва не сорвался за борт. Рулевой, схватившись за грудь, рухнул на палубу. Фетисов бросился к штурвалу. Его опередил подоспевший моторист. Выровняв катер, он, пересиливая грохот пальбы, крикнул:

— Уйдите вниз, тут опасно!

Положив у борта безжизненное тело рулевого, Иван Георгиевич прошел на корму. «Что они движутся, как черепахи!» — возмутился он, поглядев на паромы. Возмутился зря. Суда с небывалым шумом рассекали потемневшие воды. На первом пароме взметнулось пламя, послышались женские крики. Но пожар так же быстро погас, как и вспыхнул.

— Нас просто не возьмешь! — обрадовался Фетисов и крикнул рулевому-мотористу: — Выходи вперед!

Миновали середину реки, обстрел стал слабеть, батарея левого берега удалось плотным огнем прикрыть переправу. Паром «Сталин» с ходу стал в стык заволжских железнодорожных путей. Началась поспешная выводка на них вагонов. На берег хлынули люди, среди них две пожилые женщины в белых халатах несли на носилках раненную в ногу роженицу. Рядом с ней, завернутый во что-то серое, попискивал ребенок. Фетисов отвел глаза. Ему было не по себе перед этой несчастной, так печально смотревшей куда-то в небо. В ее глазах был глубокий упрек. Может, сейчас ему так только казалось, но во взгляде всех женщин он видел непрощающий укор мужчинам за допущенное бедствие.

Рулевого хоронили вечером. Вместе с матросами Фетисов проводил его в последний путь.

Угасало солнце, и ярче увиделись пожары Сталинграда. Огромные красные всполохи далеко освещали реку. К Фетисову подошел Самойлов и доложил, что на пароме особых повреждений нет, что выгрузка закончена.

— Какие будут указания? — спросил он.

— Дать время командам поесть.

— А не лучше ли сразу отвести паромы в Щадринский затон. Там будем не так на виду. Тут ведь рядом.

— У тебя, Николай Яковлевич, есть что-нибудь перекусить? С утра во рту ни крошки, — сказал Фетисов,

будто пропустив мимо ушей предложение капитана.

— Сухой судак и сухари.

— Неси. И позови замполита. С нашими людьми благополучно?

— Легко ранены кочегар, поммех, и Малышкину малость зацепило голень. Ничего опасного.

— С этого бы и начинал доклад. Ладно, иди.

Вскоре Фетисов, Малышкин и оба капитана, расстелив бумагу на песке, стали ужинать. Жуя твердую, как дерево, рыбу, Фетисов посматривал в бинокль на правый берег, где наступила подозрительная тишина. Дымилась, догорая, дачные постройки, и никакого движения войск. Наверное, все силы прорыва немцы бросили на северную часть города, и им стало не до переправы.

— Придется еще разок сходить на тот берег,— сказал Фетисов.— Там остались вагоны с заводским оборудованием. Получатель надеется на нас, железнодорожников... Вот какие дела.

Капитаны переглянулись. Начальник переправы ставил очень рискованную задачу.

— Забрать вагоны, понятно, нужно,— согласился Самойлов.— Да вдруг нас там поджидают... Ведь приплывем на передовую. Паром-то не лодочка, сразу не увернешься. Разведку бы сделать.

— Сделаю разведку на катере,— Фетисов решительно встал.— А у вас тут чтобы было все наготове. Женщин из команды парома «Сталин» на время высадить на берег. Второму парому сейчас же отправляться в Щадринский затон и стать на якорь. Ясно? Вернусь через час, не больше.

Фетисову стали возражать. Не его, мол, дело заниматься разведкой, что «прощупать» правый берег сможет кто-нибудь и другой.

— Я поплыву на Причальную,— вызвался Малышкин.

— Сейчас настал такой момент, когда мне самому нужно узнать обстановку,— заявил Фетисов и, подтянув ремень, по-военному решительно зашагал к катеру.

— Иван Георгиевич прав,— сказал замполит.— Сейчас нельзя ни на грамм ошибиться. Пойдем, капитан, выселять женщин на берег. Уж их жизнью рисковать мы не можем.

С правого берега Фетисов привез беженцев и сообщение, что за Латошинским садом слышались лязг

тусениц и громкие, нервные команды. Но, стоят ли немецкие части в самой Латошинке, установить не удалось. Рассказав об этом, спросил о готовности парома к рейсу.

— Могу отчаливать,— бодро ответил Самойлов.— Вот только женщины... ни одна не сошла на берег. Я передал твой приказ, а наши бабоньки пошли на меня в атаку. Чурсина раскричалась как на собственного мужа: кто-де дал право считать женщин людьми второго сорта. Так что иди сам...

— Значит, не послушались? — усмехнулся Фетисов.— А еще называешься капитаном такого крупного судна. Ладно, быть по-ихнему. Быстро отходи на Причальную, и чтобы ни звука, ни огонька. Надо суметь выхватить груз из-под носа фашистов. К тому же там, под обрывом, человек сто беженцев, есть и раненые. Ждут нас как спасителей. Рискнем еще разок.

Под прикрытием ночи паром «Сталин» пристал к причалу правого берега. На латошинской возвышенности царила зловещая тишина. Толпа беженцев обрадованно бросилась к парому. Железнодорожники старались меньше шуметь с погрузкой вагонов, и это им в какой-то мере удавалось. Только постукивали лебедки подъемников. Фетисов был доволен. Пока все шло хорошо. Без команд, молчком люди старались сделать все, что нужно. Важность работы притупляла чувство страха за жизнь.

К Фетисову подошел Самойлов.

— Берем последний вагон. Остался паровоз, древняя «овечка», она не стоит того, чтобы с нею возиться.

— Паровоз взять,— сказал, словно отрезал, Фетисов.— С паромов хождение прекратить, дежурить у чалок с топорами.— Тут он прислушался.— Слышишь? Кажется, танки гремят.

Волнуясь, Фетисов зашагал по берегу. Внезапно яркий кинжал прожектора, скользнув по реке, задержался на верхней площадке парома, где стояли зенитные пулеметы. Затем луч высветил погруженные вагоны и толпу пассажиров. По прожектору застрочили с парома зенитки, и тотчас в ответ с вершины обрыва резанули очереди автоматов.— «Пехота!» — ужаснулся Фетисов и крикнул во весь голос:

— Руби чалки! Отходи!

— Отходи! — подхватил боцман.

Паром медленно отделился от причала. Самойлов сам стал у штурвала. Он слышал, как автоматная трескотня уже скатилась из сада на берег. В ответ с погрузочной фермы строчили оба пулемета. На левобережье замигали вспышки. Это начали бить по Латошинке наши дальнобойки. Погас прожектор. Сейчас безопасность людей зависела от скорости движения судна. Союзником был и ночной мрак. Самойлов требовал от машинистов самого полного хода, стучал по переговорному устройству, думая, что оно испортилось.

В рубку быстро вошел помощник капитана и доложил, что убита зенитчица, ранены врач и боцман. Есть жертвы и среди пассажиров. Перебит силовой кабель к водопомпам. Из продырявленного вагона течет масло.

— Спустишь в машинное. Проверь...—Самойлов не договорил. Рядом хрустнуло стекло. Помощник капитана схватился за ухо. Потом приложил к нему платок.

— Рассекло ухо! — проговорил он, крепко выругавшись. — Наверно, осколком стекла. Ну и заваруха, черт бы ее драл!

— Марш вниз! — бросил сердито Самойлов. — Выбрал место и время для доклада...

Поднималась луна. Бронзовый отсвет на реке позволял ориентироваться без сигналов бакенов. Когда завиднелось мутное очертание берега, Самойлов передал штурвал рулевому, спустился на палубу. В воздухе зловеще шипели снаряды. Наша артиллерия заметно подавила стрельбу немцев, и скоро над Волгой затихло, только шумела вода у винтов парома, да на палубе кто-то громко молил о помощи, потом и этот горестный голос затих. Паром приближался к восточному причалу.

Сойдя с катера на берег, Фетисов прилег на взгорке, глубоко, свободно вздохнул. Последний рейс удался. Спасены от фашистского надругательства две сотни человек, вывезены вагоны с оборудованием... Разом навалилась усталость, и, уронив голову на ладони, он уснул. Его растормошил Малышкин. Всходило солнце. В городе грохотало сражение. Фетисов сказал виновато:

— Не успел прилечь и уснул. Нехорошо получилось...

— Где будем рыть могилы?

Фетисов вздрогнул.

— Сколько?

— Четыре... Помощник машиниста, боцман и два матроса. Зенитницу увезли военные. По-моему, похоронить надо там, под вербой, где могила главного инженера и трех матросов. Поставим один памятник, как на братских.

Фетисов кивнул и устало побрел к причалу. Замполит заметил, как осунулся и постарел начальник переправы, и ему стало жалко этого волевого, всеми уважаемого человека.

Часа через два паром «Сталин» бросил якорь в Щадринском затоне, а к вечеру, замаскированные ветками, оба парома превратились в зеленые островки. Но маскировка переправцам помогла мало. На следующий день обстрел и бомбежка затона ожесточились. В затоне, рядом с паромами, скопилось много разных суденышек, и прилетающие с того берега снаряды почти каждый раз находили цель.

В первый же день на втором парома была повреждена погрузочная ферма, погиб зенитный расчет. Был разбит стоявший невдалеке дебаркадер. В каждый налет можно было ожидать прямого попадания бомб. Фетисов понял, что его судам здесь наверняка уготована гибель. Ночью, после тяжелой борьбы с пожарами, актив переправы собрался в тускло освещенной кают-компании парома «Сталин».

— У нас один вопрос: как сохранить паромы? — объявил угрюмо Фетисов. — Фашистов все равно прогонят, дело только во времени. Переправа понадобится Сталинграду. Мы обязаны сберечь суда, но как это сделать? Паромы стоят как под расстрелом. Такие громадины нигде не упрячешь. Надо как-то перехитрить немцев.

Речники еще не видели своего командира столь расстроенным. В каюте наступила тишина, только висевшие на стене большие круглые часы звучно отсчитывали секунды. Многие догадывались, что у Фетисова есть какой-то план. Не в его характере было собирать людей, не имея конкретных предложений.

— По-моему, гадать в наших условиях нечего, — заговорил помощник капитана второго парома. — Мы оказались взаперти... Остается только борьба с пожарами. Лишних людей с паромов убрать и договориться об

усилении зенитного прикрытия. Может, посчастливится сберечь суда до конца битвы.

— Предположим, зенитчики усилят прикрытие, а от орудийного обстрела паромы-то собой не закроешь,— заметил Самойлов.

Веское замечание Самойлова вызвало споры. Одни предлагали прорваться вниз к Астрахани, другие, хотя и не совсем твердо, видели успех дела в выводе паромов вверх по Волге. Третьи, отрицая то и другое, замечали, что если суда выйдут на фарватер, их тотчас разбомбят.

Фетисов внимательно всех выслушал и твердо сказал:

— Тогда слушайте меня. Приказываю: сейчас же приступить к демонтажу важного оборудования судов. Все механизмы машин законсервировать устойчивой смазкой. У кингстонов установить дежурство. Работы закончить за две ночи. Все. Приступайте!

По каюте прошел тихий шепот. Никто не встал.

— Затоплять?!—воскликнул капитан второго парома Иноземцев.— Вас, Иван Георгиевич, за такое самовольство по голове не погладят. Как вы решились?!

— Нужно будет, отвечу.

Встал Малышкин.

— Партийное бюро поддерживает решение начальника переправы. Только так мы сохраним суда.

Почти всю ночь матросы и механики снимали оборудование. Другая часть команд вместе с женщинами занимались консервацией машин. Этот огромный объем работ Фетисов думал выполнить за две ночи, но уже к утру работы, в основном, были завершены: больше двухсот человек трудились без передышки!

Свой план затопления Фетисов проверил в уме много раз. Паромы лягут на небольшой глубине. К спаду уровня реки обязательно прогонят немцев. Паромы окажутся на отмели, в них закроют кингстоны, выкачают воду. А потом половодье поднимет суда.

Как и предполагалось, с рассветом фашисты начали бомбить и обстреливать затон. Только теперь вперемежку с фугасками сыпались и зажигательные бомбы. После того как над затоном был сбит немецкий истребитель, налеты участились. В северной стороне затона запылал лесосклад, бомба разбила буксирный баркас,

на воде пылал мазут. Немцы сбрасывали в затон снаряды, которые не взрывались. Как потом выяснилось, это были магнитные мины.

Частые вспышки пожаров на паромках изводили людей. В полдень, когда на катер брали двух обожженных матросов, на пароме «Сталин» от зажигательной бомбы загорелся запас мазута. Огненный дождь полетел во все стороны. Водопомпы теперь не действовали, и огонь мог беспрепятственно проникнуть в машинное отделение. С замиранием дыхания Самойлов видел, как к самому сердцу судна подбирается пламя, остановить которое уже никто не мог. Волнуясь, капитан поглядывал в сторону Фетисова, стоявшего на берегу. Начальник переправы будто все еще не решался дать приказ о затоплении.

— Сгорят машины! — крикнул Самойлов с палубы парома. — Чего ждем?

Точно очнувшись, Фетисов хрипловато крикнул:

— Открыть кингстоны!

— Всем на берег, открыть кингстоны на паромках! — повторил Самойлов в рупор. — Катеру забрать людей!

Фетисов почувствовал, будто что-то сжимает ему голову. Он впервые в жизни сделал то, что было против души. Мучила мысль о возможном просчете. В эти минуты у него было такое чувство, будто и он сам вместе с паромками уходит в Волгу. Вытерев украдкой глаза, Иван Георгиевич пытался отвести взгляд от мучительного зрелища и не мог.

Рядом с Фетисовым, у хлюпающей воды, стояли без фуражек оба капитана. За ними, как на погребении, в молчании замерли люди, и никто из них не замечал начавшегося обстрела затона. Но вот легкая волна прокатилась по палубам, и тотчас река с жадностью поглотила паромы.

— Ох, горе-то какое!.. — вскрикнула масленщица Чурсина и, в отчаянии заголосив, присела беспомощно на песок. Женщины вытирали глаза, всхлипывали.

Фетисов обернулся, объявил:

— Всем двухдневный отдых, потом железнодорожники переправы будут работать на владимирской ветке астраханского отделения. Спасибо вам, мои друзья, за труд и смелость! Великое спасибо вам, женщины, за все! — И, поклонившись, медленно побрел вдоль берега

к полузатонувшей барже, где стоял его катер. Но потом, круто повернув от затона, поплелся по рыхлому песку в сторону Волги. Без паромов он казался сам себе одиноким, неприкаянным, которому стыдно ходить по горящей сталинградской земле.

На берегу присел на опрокинутую лодку со щербатым дном, снял ботинки. Ноги давно просили отдыха. Голова точно налилась свинцом. Пряталось солнце, и небо над Сталинградом все ярче озарялось пожарами, там по-прежнему гремел ожесточенный, несмолкающий бой.

Фетисов взглянул на Волгу и не поверил глазам: со стороны города плыл теплоход «Память Парижской Коммуны», за ним шли два пассажирских парохода: «Михаил Калинин» и «Иосиф Сталин», вдоль верхней палубы последнего различалась сделанная крупными буквами надпись: «Дети».

Едва суда поравнялись с Латошинкой, как по ним вразнобой стали бить пушки, и все же два судна, проскочив опасную зону, растаяли в наступающих сумерках. Не успел Иван Георгиевич восхититься смелостью капитанов, как третий пароход, похоже, зацепил за отмель или утонувший самолет и резко замедлил ход. В него сразу вцепились лучами прожекторы, из Латошинки ударили орудия. Вокруг белого, как лебедь, парохода, вскинулись высокие фонтаны. Река огласилась тревожными гудками бедствия. Наши батареи отозвались беглым огнем по правому берегу. Над пароходом поднялись языки пламени. Оборвался гудок, и Фетисов уловил такой пронзительный женский крик, что замерло сердце.

Снаряды, как на полигоне, долбили и долбили горящую цель. Пулемет обливал свинцом людей, барахтавшихся в воде у быстро оседавшего парохода.

«Ма-а-ма!» — слились в один призыв детские голоса. Нервы Фетисова не выдержали, в нем словно лопнула какая-то пружина. Он упал, закрыл руками уши, от ужаса перед своей беспомощностью хотелось зарыться в песок.

Невдалеке взорвался одиночный шальной снаряд. На Фетисова посыпался песочный дождь. Иван Георгиевич встал, отряхнулся. Оживший ветерок лениво гнал волны на косу, по небу рыскали лучи прожекторов.

Где-то в стороне пылающего города вырывались огненные языки «катюш».

Но вот до Фетисова долетел странный всплеск воды. Через некоторое время плеск повторился ближе, затем отчетливо донесся сиплый удушливый кашель. Очевидно, к берегу прибивался кто-то из пассажиров затонувшего парохода. Не задумываясь, Фетисов сбросил китель и кинулся в реку. Разглядел женщину, стоявшую по грудь в воде. Волна сбивала ее длинные волосы на голые плечи. Женщина, вскрикнув, попятилась. Ее окатила волна, и она опять закашлялась. Оказавшись в крепких руках Фетисова, попыталась вырваться и укусила его за плечо.

— Дура! За что? Да перестань же трепыхаться, скаженная! Волга пугливых любит...

— Русский! — обрадовалась незнакомка, сразу присмивев. — Думала, немец. Куда я выплыла?

Выйдя на берег, Фетисов посадил полураздетую ослабшую женщину у лодки, накинул на нее свой китель.

— Там остался мой Петенька, сыночек мой! — чуть опомнившись, схватила она за голову. — Не уберегла... Зачем вы меня вынесли? Мне бы заодно с ним, с Петенькой...

— Возьмите себя в руки, возможно, вашего сына подобрал катер, — сказал Фетисов, хотя мало верил в такое. Попросил:

— Пойдемте к нашим женщинам.

— Нет, нет. Я тут буду ждать. Петя хорошо плавает, сама учила. Проклятые детоубийцы! Они не имели права...

— Плохо вы знаете, что такое фашисты. Они способны на все и опаснее самых лютых зверей. Вам холодно? — спросил он для того, чтобы хоть на мгновение отвлечь ее от горя, но она сквозь слезы продолжала бормотать, словно думала вслух:

— Невообразимый ужас! Снарядом продырявило нижнюю палубу, где было полно детей и женщин. Хлынула вода. Дети кричат, плачут. Снаряды ломали пароход. Со всех сторон побежало пламя. Я выскочила на палубу, свалилась с Петенькой в реку и сразу потеряла его, мальчика моего. Боже, где он сейчас?! С ума сойду!

Утром узнали: из тысячи двухсот пассажиров парохода «Иосиф Сталин» военные катера спасли всего сто

пятьдесят человек. Капитан парохода Рачков погиб в первые минуты обстрела. Когда судно охватил пожар, матросы привязали убитого к дивану и опустили в реку.

Позже тело капитана было обнаружено ниже Сталинграда и захоронено в братской могиле.

* * *

После завершения Сталинградской битвы паромы подняли. Они переправляли военные грузы, потом мирные. Теперь в паромов нет. Поезда идут через мощную плотину ГЭС. Но память о трагических событиях на переправе, о подвиге ее скромных тружеников будет жить всегда.

2

Второго февраля 1943 года на северной окраине Сталинграда стих грохот битвы. Над Волгой и степью отдалось последнее эхо великого сражения. Над станцией Котлубань легла тишина, которая известила людей о большой победе. Она была непривычна и вызывала какое-то смутное беспокойство. Так и казалось: пушки вот-вот загрохочут снова.

— Наконец-то фашисты выдохлись,— проговорил Тимошенко, глядя в огонь.

Костер быстро разгорался, трещал. Падая, гасли на снегу искры. Порывы морозного ветра кружили снег на путях. Тимошенко смотрел на перемешанный с землей горящий мазут и думал о том, каких трудов станет людям в Сталинграде то, что разрушено войной. Правда, он еще не видел этих разрушений. Но что могло уцелеть в городе, где в течение нескольких месяцев грохотала великая битва. Было даже страшновато представить, каким стал Сталинград, как выглядит теперь станция, на которой он раньше работал...

По земле уже крались вечерние тени, а серый бесконечный поток побежденных все лился и лился из степей через переезд станции Котлубань. Брели пленные молча, низко понутив головы. Шли как преступники, идущие на суд. У обломанного шлагбаума — кучи оружия. Изредка слышались окрики конвоиров:

— Быстрее шевелись! Шнель, шнель!

Тимошенко бросал прощальные взгляды на эту степную станцию, куда занесла его война, и все, что видел: опрокинутые платформы, скелеты обгоревших вагонов, глубокие воронки, клочки потемневших бинтов — воскрешало в нем долгие дни и ночи непрерывного сражения. Сейчас ему просто не верилось, что станчонка, находящаяся рядом с передовыми позициями, могла устоять: от снарядов и бомб гнулись рельсы, в щепы разлетались шпалы, а через день-два непокорная Котлубань оживала заново. Ночами здесь под грохот близкого боя выгружались людское пополнение, боеприпасы, военная техника, обратно поезда везли раненых...

Ветер зло швырнул черным дымом. Тимошенко кашлянул, вновь ушел в воспоминания.

— Вы начальник станции Сталинград-первый? — вывел его из задумчивости женский голос.

Тимошенко кивнул, обернулся на него. Перед ним стояла девушка, годившаяся ему в дочери. На ней был дубленый полушубок, серая ушанка, за спиной автомат. Нежные черты лица. Глаза темные, как угольки.

— Я Вера Грачева. Послали к вам диспетчером, — доложила она.

— Диспетчером? — вскинулись белесые брови у Тимошенко. — Ты понимаешь, о чем говоришь? Мне самому впору подыскивать работу, от станции остались одни кучи да ямы. Вот в Арчеде есть вакантная должность диспетчера, поезжай поскорее туда. Это рядом, и станция почти не тронута войной. А у нас что... Нам сейчас нужны не графики движения поездов, а руки, понимаешь, крепкие руки, чтобы класть шпалы и орудовать ломом.

— А откуда вы, Федор Яковлевич, знаете, какие у меня руки? Скажу не таясь, правду, видно, говорят, что вы избегаете принимать женщин на работу. Вроде таким же были и до войны.

— Кто сказал? — нахмурился Тимошенко. — Чушь какая-то...

— Все железнодорожники говорят. Вон и Иван Георгиевич так сказал, — посмотрела она с ухмылкой в сторону старого путейца, возившегося с рюкзаком у костра.

— Ты уж, Яковлевич, того... принимай дивчину. Чай, она дочка погибшего машиниста-сталинградца. Грачева помнишь?

У Тимошенко словно запершило в горле. Он крякнул, покосился на девушку. «Вот чья она! А я-то позабыл, что у Грачева есть дочка».

— Сразу бы так и сказала,—проговорил он уже мягче, а про себя подумал: «Молода, да настырна. Из современных... Не пусти в двери—начнет колотить в окно». В то же время ему стало как-то не по себе оттого, что стал подзабывать семьи старых знакомых.

— Товарищ Тимошенко! Срочно к НЗ*,—раздался голос.

— Иду,—отозвался он с облегчением, хотя вызов столь большого начальника озадачил его. «Зачем я им понадобился?»—недоумевал Тимошенко, торопясь к вагону управления дороги. Тут он вспомнил о том, что был приказ отправить завтра утром первый пробный поезд из Котлубани в направлении Сталинграда до станции Гумрак. В приказе было расписано, кому чем заниматься, только о нем, Тимошенко, там ничего не говорилось. «Неужели пошлют работать в другое место? Только не это...»

Войдя в вагон, Тимошенко приостановился у двери, поправил ушанку. В вагоне неуютно, но тепло. Молодой курчавый референт что-то усердно выстукивал на машинке. За фанерной перегородкой радист настойчиво вызывал «Чайку». Знакомый Тимошенко начальник службы движения склонился над картой дорог.

Федору Яковлевичу показалось, что никто его здесь не ждал, все занимались своим делом и не обращали на него внимания. Немного нервничая, он кашлянул раз другой. Из аппаратной вышел НЗ с очень утомленным, но чисто выбритым лицом.

— Прибыл по вашему...—начал было Тимошенко.

— Ладно...—отмахнулся НЗ.—Вы знакомы с приказом об отправлении первого поезда на Гумрак?—спросил он.

— Да, знаком.

— Обстановка изменилась... Поезд отправится не завтра, а сегодня в девятнадцать ноль-ноль,—говорил он, точно чеканил слова.—Вы пойдете старшим группы впереди поезда. Навстречу, из Гумрака, в это же время выйдет ремонтно-восстановительная бригада. Ваша за-

* НЗ — заместитель начальника дороги.

дача визуально проверить пригодность пути. Все остальные вопросы решает начальник движения. Все ясно?

— Да.

— Выполняйте...

Некоторое время Тимошенко стоял ошеломленный. Он был готов к выполнению любого задания, но только не такого спешного, неожиданного... «Проверить визуально», то есть на глаз, путь, шагая ночью по степи, где еще блуждают шальные кучки гитлеровцев, где полно мин... Это же сверх возможного! А кто ответит, если сойдет с рельсов паровоз? Есть ли у кого глаза, которые бы заметили ночью незначительное сужение или расширение колеи?

— Федор Яковлевич, очнись,— позвал полушутливо начальник службы движения из своей комнатухи.— Заходи, угощу на дорожку чайком. Садись, говори и слушай.

— Что случилось? — нетерпеливо спросил Тимошенко.— Если не секрет, почему отменен приказ об отправлении поезда завтра, днем?

— Для тебя не секрет,— посерьезнел начальник службы.— Дело в том, что где-то поблизости усердно настукивает немецкий передатчик. Перехвачена шифровка. В ней даются точные координаты погрузки трех воинских эшелонов на перегоне за Котлубанью. Радиста, конечно, накроют, но мы обязаны срочно принять контрмеры — передвинуть эти поезда хотя бы километров на десять, чем спутаем карты гитлеровцев на случай задуманного воздушного налета. Теперь до тебя дошло?

Лицо Тимошенко посветлело. «Выходит, все не так просто, как мне казалось. Да, сражение еще не кончилось», — подумал он, теперь уже польщенный тем, что ему доверили столь серьезное дело, от которого, быть может, зависит жизнь многих военных, грузившихся в поезда для отправки на Южный фронт.

— Эшелоны пойдут через два часа,— продолжал начальник движения, раскуривая трубку.— Гитлеровцам и в голову не придет, что мы рискуем пропустить поезд по ветке, которая была в зоне сильных боев. Сейчас по полотну дороги пошли минеры и взвод автоматчиков. Но вы будьте осторожны, по степи бродят группы недобитых фашистов. Это зверье и сейчас на все готово. В эту ночь мы обязаны выполнить два важнейших дела:

пропустить военные эшелоны на Ростов и начать движение поездов на станцию Гумрак.

— Получается, что прежний приказ управления дороги...

— ...был объявлен для отвода слишком «любопытных глаз»,— закончил мысль Тимошенко начальник движения.

— А вдруг сойдет паровоз?

— Если бы не это «вдруг», то тебя бы не посылали. Досадно, что у нас сейчас в обрез людей, да и ремонтные средства подойдут сюда только завтра. Придется поверить костылям шпал.. Авось не подведут...

Тимошенко встал, подтянул ремень.

— Подбери кого-нибудь себе в помощь, возьмите фонари. За тобой, как проба, двинется наш коротенький поезд. За ним в интервалах пять-десять минут тихого хода потянутся воинские эшелоны. А дальше, из Гумрака, военные покатят самостоятельно на Ростов, к фронту. Ты же после того поспешай на свою станцию и впрягайся как следует. Сейчас городу железная дорога нужна, как воздух.

— А люди? — буркнул Тимошенко.

— Будут, если сам беспокоишься. Да, вот еще что,— вспомнил начальник службы.— К тебе приходила черненькая дивчина? Она упросила подвезти ее в Гумрак в вагоне управления. О завтрашнем рабочем поезде и слушать не хочет. Так что имей в виду. Сам посуди, где ей здесь ночевать? Девушка уже работала диспетчером на строительстве ветки Саратов — Иловля, а теперь возвращается в родной город. Разве такое не похвально для комсомолки? Я буду на паровозе,— продолжал он.— Главное, Федор Яковлевич, в пути не торопись. Но к утру надо одолеть эти тяжелые два десятка километров. О сомнительных местах полотна будем решать вместе. У меня такое чувство, что все получится ладно — насыпь здесь давнишняя, прочная. С нами возвращается в Сталинград толковый мастер дистанции пути, Гринюк. На этом перегоне он знает каждую шпалу. Вот бы кого тебе в помощники, да беда в том, что он стар и слабоват для такого похода. Ладно, иди готовься. Времени остается совсем мало.

...Бесилась метель. Непроглядная тьма накрыла степь. Ледяные снежинки покалывали лица. За спиной у Тимо-

шенко автомат, в руке фонарь. Рядом с ним, изредка покашливая, шагал путеец Георгиц — так привыкли называть Гринюка, пожилого, неразговорчивого, но добродушного человека. Вера шла немного позади. Она так же, как и мужчины, посвечивала фонарем на рельсы. За первопроходцами, метрах в ста, тащился паровоз.

Ветер все озлоблялся, и скоро вокруг завывало на все голоса. Через насыпь белым потоком гнало снег, мороз обжигал щеки. Идти становилось все труднее. Тимошенко посоветовал Вере отправиться в вагон. Она отказалась. Тогда он решил припугнуть девушку:

— Обморозишься и навсегда испортишь лицо. Идет сиверко. Тут скоро так закружит, что всем чертям будет тошно.

— Ну и пусть им тошно. А я хочу своими ногами пройти по освобожденной земле. Слишком долго ждали это счастье.

— Гм... Вообще-то резонно. Ладно, шагай. Приблизительно через полкилометра будем на освобожденной земле, но там уж убирайся в вагон.

Он еще хотел что-то сказать, но тут его внимание было отвлечено лежавшими на полотне дороги автоматами и ранцами. На бровке валялся пулемет, за ним, на откосе полотна, перед опрокинутой пушкой намело сугроб, из которого торчали ботинки и трепыхавшаяся на ветру пола шинели. Через несколько шагов свет фонаря пал на двух мертвецов, лежавших между рельсами.

— Шла бы ты, дочка, в поезд, — сказал Георгиц Вере. — Не бабское это дело. Уходи...

Поставив фонари, мужчины столкнули с полотна дороги закоченевшие трупы и двинулись дальше.

Вера содрогалась от того, что увидела, и только шипящий позади паровоз придавал ей некую бодрость. Резкий порыв ветра чуть было не сшиб ее с ног. Мириады снежинок плясали перед ней в узких полосах света, мороз все злее обжигал лоб, щеки. Втайне она сожалела, что не пошла в вагон, но отступать от своего прежнего решения было не в ее натуре, и она шла, проклиная метель, фашистов и войну. Вдруг ей почудилось, будто впереди замаячила человеческая фигура. Рука невольно подняла фонарь, и они увидели шагающего навстречу немца в короткой шинели. Голова его пряталась в тряпье.

— Стой! — крикнул Тимошенко, взяв автомат на изготовку. — Стой, буду стрелять!

Однако человек с заложенными в карманы руками все приближался. Медленно ступая, он как-то странно, как деревяшками, хлопал ногами. Тимошенко повторил предупреждение, но и теперь немец продолжал идти по воле ветра.

— Должно, заблудился, — сказал старый путеец и, подойдя к гитлеровцу, остановил его прикладом автомата, строго прикрикнул:

— Назад, болван! Угодишь под паровоз!

Глаза солдата смотрели тупо, бессмысленно, на носу отсвечивали коварные блески инея. Не зная, как объяснить немцу, куда ему нужно идти, Георгич повернул его за плечи и проговорил:

— Назад, туда, к Сталинграду. Вот ведь совсем ошалел фриц. Шагай быстрее, не то капут, мороз! Понимаешь? — подталкивал он немца. И тот, едва сопротивляясь ветру, медленно побрел обратно.

— Он же замерзает! — встревожилась Вера. — Я отведу его в поезд.

Внезапно ее слова заглушила стрельба автоматов.

— Ложись на откос! — крикнул Тимошенко.

Били откуда-то со стороны лесопосадки. Покуда Тимошенко раздумывал, как незаметно подать паровозу сигнал остановки, стрельба стихла. А через несколько минут появился начальник движения. Он пояснил, что боевое охранение, которое движется по обеим сторонам военных поездов, наскочило на группу гитлеровцев и рассеяло их от дороги.

— Вы спокойно продолжайте свое дело, — посоветовал начальник движения. — У нас такая охрана, что любое нападение не опасно. Только что сообщили по радио — дорога от Гумрака до Сальска уже налажена. Так что, товарищи, за дело. Мы тоже следим за каждым метром хода паровоза. Пока все идет хорошо...

Когда паровоз дал гудок, бригада Тимошенко двинулась дальше, навстречу пурге, Федор Яковлевич очень волновался за продвижение первого поезда, за которым где-то в метели тянулись воинские эшелоны. Он то и дело оборачивался, прислушиваясь к плохо уловимому шипению локомотива. Георгич все покашливал и не поддерживал разговор. Даже на вопросы отвечал нео-

хотно. Неожиданно их фонари осветили изуродованный скелет обгоревшего вагона, стоявшего на пути. «Вот так сюрприз! Откуда ты взялся на перегоне?» — встревожился Тимошенко, понимая, что опрокинуть вагон под откос было под силу только трактору.

Обошли вагон, взглянули под низ. Буксы были негодны, одна вообще щерилась трещинами, и ось держалась в ней каким-то чудом.

На их сигнал подошли начальник службы движения и машинист.

— От первого же толчка паровоза вагон рухнет, — безнадежно махнул варежкой машинист. — Вот и застряли... Теперь ни назад, ни вперед. Словом, приехали.

— Что будем делать? — спросил Тимошенко. — Георгич, как ты думаешь? Да пророни хоть сейчас слово...

— Выбора-то у нас никакого нет, — подал, наконец, свой хриплый голос путеец. — Известно, хороший игрок всегда ходит. Хоть шестеркой, а ходит. Надобно толкать паровозом. За нами ведь движутся военные: врага победили, а с вагоном уж справятся.

«Ишь ты. А я-то считал, что мысли у тебя совсем притупились», — довольно подумал Тимошенко и добрее взглянул в посиневшее, неподвижное лицо своего помощника.

— Ладно. Быть по-твоему, — махнул он решительно рукой машинисту. — Давай! Только осторожнее.

Притаив дыхание, железнодорожники ждали решающей минуты. И вот паровоз почти беззвучно нажал буфера. Что-то хрустнуло, лязгнуло. Вагон вздрогнул, заскрипел, как старая, давно не смазанная телега, тронулся по рельсам.

— Пошел, дьявол, пошел!.. — вскричал обрадованно Тимошенко. — Крепись теперь, старина! Крепись, молодец, до разъезда, а там на покой.

— Федор Яковлевич, а мы уже на земле, где были немцы, — подсказал путеец тихо. — Грачева в вагон так и не пошла. Ну и девка!.. Вся в своего папаню.

Он запнулся. Вера была за его спиной и, конечно, все слышала. Но она перемолчала.

Чем дальше они удалялись от Котлубани, тем чаще попадались на глаза умолкшие вблизи насыпи танки, пушки, грузовики. Где-то в стороне приглушенно застучал автомат и сразу стих. Вера прислушалась. В лесопо-

садке, как и прежде, напевал ветер, позади шипел паровоз. Потом в небе послышалось гудение, оно быстро приближалось. На паровозе погас прожектор, донеслись гудки остановки.

— Опять непрошенные гости...— недовольно заметил Тимошенко, прислушиваясь к гулу.— Злобствует фашист за разгром под Сталинградом. В ту ночь нанесли визит и в эту не забывают. Значит, и вправду засекли место погрузки воинских поездов за Котлубанью. Слышите, кажется, кружат над нами, гады! Ну-ка, марш с насыпи!

Беспокойство Федора Яковлевича оказалось излишним: бомбардировщики ушли дальше, в сторону Котлубани, и скоро оттуда долетели приглушенные взрывы.

— Вот вам, шиш! — крикнул злорадно Тимошенко.— Георгиц, уверяю, фрицы бомбят то место, где грузились военные. Пусть бомбят пустое поле хоть до утра. Вон, гляди, с паровоза уже сигналият. Давай ответ — «начать движение».

И снова замелькали тусклые огоньки фонарей на полотне дороги. Так тянулись долгие часы. К полночи паровоз уже толкал впереди себя пять полуразрушенных вагонов. Тимошенко успокаивал себя мыслью, что на Конном разъезде оставит их, и продвижение пойдет быстрее. Но каково было его огорчение, когда первый путь разъезда оказался изуродованным бомбами. Правда, по другому пути можно было рискнуть пропустить поезд, но это не позволяло паровозу освободиться от балласта.

Пока паровозная бригада вместе с Тимошенко и Георгичем ремонтировала стрелочный перевод, Вера ушла греться на паровоз. В будке было чадно, но тепло, хотя и сквозило в щели дверок. Распахнув полушубок и глядя в шумящую топку, вспомнила отца. Он не раз катал ее на паровозе. Так же, как и здесь, там пахло углем, так же шипела машина. Только в той будке было куда поуютнее, да и паровоз у отца был побольше.

Несмотря на горе, принесенное войной — у нее убили отца, — девушка не роптала на свою судьбу. Наоборот, она считала себя счастливой оттого, что не осталась в стороне от битвы за свой город. А впереди — его возрождение...

— Федор Яковлевич, мне померещился впереди

огонек,— воскликнула Вера и прибавила шаг.— Покажется и исчезнет, как светофор.

— Я тоже заметил,— отозвался Тимошенко.— Видать, кроме нас, полуночников, тут есть еще живые люди. А светилось близко, разве в такую пургу далеко проглянешь. Может, это те ремонтники, что должны идти нам навстречу? Чувствуете, становится будто теплее. Наверное, спадет мороз. У нас, на Волге за этим дело не станет... Георгич, ты что все молчишь да молчишь? Иль нездоровится?

— Думаю... С собой разговариваю,— подал нехотя голос путеец.— Радость и горе перепутались. Факт, фашистов погнали, тут хоть песню пой, а вот глянем на город, и слеза побежит. Как жить-то будем, Яковлевич? Чай, от домов да хаток одни бугорки остались, а может, и того нету.

— Рано кручинишься. Твоя хата должна уцелеть, стоит-то она внизу.

— Ладно, поглядим. А еще лезет в голову думка о пирожках, тех горячих пирожках с мясом, какими меня угощала моя Настя по воскресеньям,— причмокнул старый путеец.— Жили-то как ладно... Думали, не будет конца счастью...

Георгич так надолго и сильно закашлялся, что Тимошенко, покачав сочувственно головой, не стал больше вызывать его на беседу. К тому же внимание всех было приковано к поблескивающему впереди огоньку. И вот перед путниками открылся веселый костер. Напротив него, между рельсами, лежал телеграфный столб вместе с проводами. За столбом поперек полотна дороги распласталась гусеница танка. Сам же «разутый» танк лежал под откосом вверх брюхом, подмяв под себя ствол пушки.

— Рельсы раздвинуты...— объявил Георгич таким тоном, словно его обворовали.— Тут одним нам неладить. Вишь, костыли как снесло. Эти шпалы-то моя бригада заменяла. Делали на совесть, накрепко. Ишь, подлюги, как раскромсали!

— Дай поезду красный и ждите меня,— сказал Тимошенко.

Взяв на изготовку автомат, он осторожно, окольным путем направился к костру, рядом с которым стоял еще один наполовину занесенный снегом танк с перебитым

стволом пушки. В затишье от этого танка перед огнем приплясывало десятка два гитлеровцев.

Тимошенко пригнулся за танком, стал наблюдать. Фашисты были без оружия — видимо, пленные. Они тоже заметили его и, прекратив «пляску», испуганно уставились на него, зашептались.

— Кто там? — прозвучал молодой голос от костра. — Приземляйся погреться, а спиртус есть — гостем будешь. Попируем до утра, а там веселее станет.

Только сейчас Тимошенко разглядел сидящего у огня человека в шубе-бекеше. На его коленях лежал трофейный автомат. Незнакомец помешивал прутиком зерна кукурузы на раскаленном железном листе.

— Ты конвоир? — спросил Тимошенко.

— Я такой же конвоир, как ты продавец птиц. Эти «наполеоны», — кивнул он в сторону пленных, — сами навязались, чтобы я взял их в плен и отвел, куда следует.

— Вот что, молодец, — оборвал его Тимошенко. — Давай-ка своих «наполеонов» на ремонт пути. Дело не терпит.

— Эй, вы, завоеватели! Марш работать, — показал парень автоматом в сторону полотна дороги, где уже шумел паровоз и звенел металл. — Арбайт, понимаешь. Шнель арбайт! Хватит бездельничать, попортили — исправляйте.

Пленные сразу смекнули, чего от них хотят, и поспешили за Тимошенко на насыпь дороги, где Георгиц и машинист отмеряли на шпалах место укладки рельсов. Дело закипело. Через некоторое время у пленных нашелся свой старший, худой бородатый верзила. Чувствовалось, что он старался не за страх, а сознавал всю важность ремонта пути. Он безмерно суетился, не давал покоя своим подчиненным, строго покрикивал на них.

Неожиданно ветер принес со стороны Гумрака все нарастающий шум мотора и грохот колес. Скоро из темноты вынырнул мотовоз. Тимошенко так обрадовался, что, не удержавшись, расцеловал шагнувшего к нему первым парня, оказавшегося мастером участка путевой ремонтно-восстановительной колонны. Мастер сообщил, что путь к Гумраку годен для проезда и что там ждут первый поезд.

Внимательно осмотрев повреждение пути, мастер уверенно сказал:

— Исправим. Не так уж велика беда. Возьмем штурмом. Своих отправляй в поезд, на отдых.

И ремонтники начали штурмовать. Вспыхнули короткие огни электросварки, загремел подъемный кран.

...Мотовоз страшно грохотал, и Вере казалось, что машина подскакивает на стыках рельсов. Серел рассвет. Пурга почти улеглась. Тимошенко до слез напрягал глаза. Сидел он вплотную с Георгием на платформе мотовоза, быстро катившего впереди поезда. Ему не терпелось скорее увидеть станцию Гумрак. Вот уже стали проясняться уцелевшие кое-где деревья лесопосадки. На белесом поле вырисовывались заснеженные танки, самолеты, пушки. Не верилось, что эта, недавно грозившая Сталинграду, военная техника теперь мертва. За опрокинутым семафором раскрылся неузнаваемый, печальный вид станции. Война тут дочиста сравняла все с землей.

У Георгия навернулись слезы. Он украдкой вытер глаза.

— Ты что?! — заметил осудительно Тимошенко. — Едем-то не на похороны, а домой.

— Глаза малость запорошило... — Старику хотелось разом выдохнуть все, что так нетерпимо давило на сердце, но он не мог.

Приютившись в уголке теплой кабины мотовоза, Вера в полудреме думала о том, что сегодня она будет дома. «Ну, пусть окна, двери сгорели, пусть дыра какая в стене. На нижнем этаже квартиры должны хоть кое-как уцелеть. Перебьюсь до весны, а там поправим, и маму привезу». Как бы ни был разрушен город, но для нее он жил, существовал. Сейчас она испытывала прилив радости, той радости, какая бывает у людей при возвращении на родину. Радовало и то, что самое тяжкое испытание уже миновало — смерть больше не кружилась над сталинградской землей. Припомнилась ее бывшая уютная квартирка с окном на Волгу, мягкая чистенькая постель, казавшаяся теперь неповторимым блаженством, которого она тогда почти не замечала. «Да, не понять счастья, не испытыв горя», — вспомнила она чьи-то слова.

Вера неохотно расставалась с уютной кабиной маши-

ны. Искренне сочувствуя девушке, шофер пояснил, что ему приказано забрать рабочих, крепеж рельсов и быстро катить обратно на разъезд Конный. Сладко позевывая в варежку, девушка осмотрелась. Вместо поселка Гумрак — ямы, траншеи, приземистые дзоты. По всему ближнему полю расселились в беспорядке искореженные самолеты, танки и другие военные машины, о которых она не имела понятия. Не поддавалось представлению, какая тут потребовалась противоборствующая сила, чтобы заставить умолкнуть такую громаду военной техники.

— Справедливый суд сотворился... — изрек сам себе Георгич. — Вон как правда все обернула.

Бродили пленные. Они сносили в кучи останки своих погибших соотечественников. Около разбитой водонапорной башни дымила полевая кухня. Несколько железнодорожников громыхали кувалдами на путях. Два немецких танка, бешено ревя моторами, стаскивали с путей изуродованные самолеты. Где-то в серой дали бушующий пожар бросал в небо громадные черные султаны.

Георгич задумчиво поковыривал палочкой темный снег. По его худому лицу бежала улыбка.

— Ты что, Иван Георгиевич? Тут вроде не до смеха, — недоуменно заметил Тимошенко.

— А чего бы и не посмеяться, коли есть чему. Бывает же так, что беда приносит счастье. Вот гляжу на умерший вокзал и, по правде сказать, радуюсь, что наконец-то не стало пожирателя денег. Сам прикинь: каждый год ухлопывали уйму денег на ремонт стародавнего строения. Клали эту ветку при царе Александре какие-то иностранные компаньоны. Денежку загребли за кирпичные вокзалы, а построили деревянные из дешевенького леса купца Максимова. Вот все, значаца, и гнило. На те рубли, что слопал вокзал за свою жизнь, можно было поставить два, а то и более первостатейных кирпичных...

— Пойду к начальству на доклад, — перебил старика Тимошенко. — Ждите меня вон в той землянке, — показал он на дымок, валивший из трубы, которая торчала на заснеженном взлобке. — Если через два часа не вернусь — пробирайтесь с Грачевой в город, на станцию Сталинград-1. Туда уже пошли начальник депо Но-

сов и вагонники во главе с Лосевым. Да, чуть не забыл: тебе, Вера, придется пока заворачивать кадрами. Звони во все колокола, и люди чтобы были, ясно?

— Вполне.

— А ты, Георгич, за дивчиной приглядывай, слабенькая она.

— Известно, пригляжу. Слышь, Яковлевич, а Вера как гвардеец. Моя женка такая же везучая, ей-ей. И откуда у них столько силы?!

Сон валил «гвардейца» с ног. Ночной переход давал себя знать, но Вера старалась держаться бодро. Она шагала впереди путейца к землянке, оказавшейся глубоким блиндажом, который одно время занимал штаб генерала Паулюса. Сейчас это единственное в Гумраке убежище служило местом обогрева людей, работающих на холоде. В одном углу теснилось несколько пленных. Они часто сменялись с теми, кто занимался захоронением. Остальную часть блиндажа занимали красноармейцы комендатуры.

Георгичу и Вере было разрешено поджидать здесь Тимошенко. Но он не пришел.

...С затаенным дыханием Вера и Георгич смотрели с кургана на Сталинград. Точно подстреленная исполинская птица, распластав беспомощно длинные крылья, лежал перед ними вдоль широкой реки притихший разрушенный город. Он ждал их рук.

В небесах

П. П. Сученинов,
полковник запаса*

КАЧИНЦЫ

В 1910 году на реке Каче, близ Севастополя, была основана школа летчиков. В 1941 году, когда нависла угроза фашистского вторжения в Крым, старейшее авиационное училище России перевели в поселок Красный Кут Саратовской области. Ныне ордена Ленина Краснознаменное Качинское училище находится в городе-герое Волгограде.

Но не одной географией связано училище с нашим городом. Многие его выпускники защищали небо Сталинграда в дни жесточайшей битвы. Этот факт широко известен. А вот о том, что в воздушных боях приняли участие летчики-инструкторы самого училища, знают немногие. О них и будет рассказ.

Осенью 1941 года в Качу прислали новые самолеты: учебный двухместный Як-7у и одноместный боевой истребитель Як-1. Эти машины соответствовали всем требованиям современного боя. Летчики-инструкторы, быстро освоив новую технику, стали обучать на ней курсантов. Стоит ли объяснять, что у инструктора, обучающего нескольких курсантов, налет, практика растут стремительно? К лету 1942 года многие летчики-инструкторы овладели пилотажем настолько, что, как принято говорить в авиации, могли буквально играть самолетами в воздухе.

* Сученинов П. П. был сержантом, авиационным механиком.

Война тем временем приблизилась к Волге. Фашистские самолеты все чаще залетали в Заволжье. Ведь здесь накапливались наши войска, создавались полевые аэродромы, сюда эвакуировали население, раненых. По железной дороге двигались эшелоны с техникой и нефтью. Как и в первые дни войны в Крыму, качинцы вновь стали непосредственными участниками боевых действий. Им выделили две зоны противовоздушной обороны. В них вошли северные подступы к Сталинграду, южные районы Саратова, железнодорожный мост через Волгу и железная дорога на участках Урбах — Красный Кут — Эльтон.

Создали специальную боевую группу. Ее возглавил один из лучших командиров авиаотряда Анистратов. Он еще в 1936 году был награжден орденом «Знак почета» за успешную подготовку летчиков. Анистратов подобрал в группу летчиков, которые прошли стажировку на фронте и имели отличную летно-тактическую подготовку. Они ежедневно тренировались в ведении воздушного боя, в стрельбе и высшем пилотаже. Был составлен график боевого дежурства. Экипажи вели барражирование и самостоятельный поиск целей.

В период Сталинградской битвы в зонах ПВО Качинской школы вражеские самолеты появлялись 800 раз. Конечно же, не все они были сбиты, но задание их бывало сорвано каждый раз! Фашистам ни разу не удалось осуществить прицельного бомбометания по железнодорожным станциям Красный Кут и Урбах. Исторически известно, что фашистам не удалось разведать накопления наших войск и определить направления ударов по окружению противника. Это значит, что наряду с другими способами разведки, фашистов постигала неудача и в разведке воздушной. Здесь сыграла немалую роль боевая группа из летчиков-инструкторов Качинской школы.

На рассвете 11 сентября 1942 года на боевое дежурство заступили летчики-инструкторы: ведущим — старший сержант Гудков, ведомым — старший сержант Шлыков. Через полчаса Гудков увидел зеленую ракету над КП — сигнал на запуск. Запустили моторы, ожило радио — земля передала:

— Вам взлет, курс сто восемьдесят.

Набирая высоту, устремились «яки» на юг. Под

крыльями подернутая дымкой-гарью степь. Земля передала:

— Впереди над вами Ю-88.

Гудков сориентировался по местности. Под ними была Палласовка, дальше, на ниточке железной дороги — станция Джаныбек. Что может делать одиночный самолет противника, летящий вдоль железной дороги на большой высоте? Ясно — не бомбить он пришел. Фотографировать. Он — разведчик, и отпустить его к своим — преступление! Гудков и Шлыков вывели обороты моторов на полную мощность. Остроносые «яки» вынесли летчиков на высоту трех тысяч метров. Дымка размылась, и в чистом небе летчики увидели плывущий над ними двухмоторный «юнкерс». «Успеть бы незамеченными наскрести его высоту», — подумал Гудков.

Но стрелки бомбардировщика вглядывались в воздушное пространство зорко. Гудков, еще не приблизившись на дистанцию огня, увидел: задвигались турельные установки на «юнкерсе», крылья его накренились, моторы закоптили сильнее, и враг заскользил в разворот на запад. Гудков дал очередь с дальней дистанции. Пусть не попадут пули крупнокалиберного пулемета в цель, но их трассирующий рой заставит врага нервничать, вилять. И тогда истребители подойдут на дистанцию действительного огня. Но летчик Ю-88 оказался не из нервных. Он развил максимальную скорость, а стрелки его стали огрызаться. Дымные щупальца трассирующих очередей замелькали в опасной близости к атакующим истребителям. Наткнуться на максимальной скорости на летящий в лоб металл — перспектива не из приятных. Гудков дал еще несколько очередей, надеясь хотя бы подбить один из моторов, деморализовать на секунду вражеских стрелков. Увлекся, не рассчитал боезапас. Пулеметы смолкли. А впереди показалась Волга. Еще минута, и враг ускользнет! Гудков передал Шлыкову:

— Постреливай по нему. Отвлекай!

А сам плавно отдал ручку управления от себя. «Як» пошел в пикирование. Двинулась навстречу земля, напруглась от нарастающей скорости вся ладная конструкция самолета. Гудков как бы поднырнул под «юнкерс». Фашист завилал. «Ага! Потерял меня из виду. Заметался. А теперь мы так!»

Гудков вывел машину из пикирования, вздыбил на «горку». Тяжкая перегрузка прижала летчика к сиденью, кровь отлила от головы, в глазах потемнело, но не настолько, чтобы потерять из вида ненавистный самолет с черными крестами. Сказалась упорная тренировка в высшем пилотаже. «Як», израсходовавший большую часть горючего, весь боезапас, был легким и возносился вверх на хорошей скорости...

Конечно же, таран надо бы произвести не так. Цапнуть бы кончиком винта по хвостовому оперению, срезать его, избегая столкновения с главной массой самолета противника. Были же такие классические тараны, когда таранивший истребитель возвращался со слегка погнутым винтом.

Но у Гудкова не оставалось ни секунды на какие-либо ухищрения. Он встал перед случаем, когда раздумывать о сбережении своей машины было нельзя. Что там машины? Себя к ней в придачу был готов отдать летчик. Не по хвосту ударил. А врубился винтом в середину фюзеляжа. Хруст, треск, рывок... И Гудков потерял сознание.

Очнувшись он от упругой струи, что била в лицо, теребила каждую складку одежды. Он падал вниз лицом. Навстречу вспухала, покачиваясь, степь. Летчик лихорадочно нашарил кольцо парашюта. Вот оно, красненькое, чтобы легче разглядеть. Рванул его со всей силой. Парашют раскрылся.

«Жив!» — понял Гудков и осмотрелся. В стороне опускались еще два парашютиста... «Все ясно! — возликовал летчик. — Развалил я его!» Потом осмыслил свое удивительное спасение. Вспомнил, что еще до встречи с «юнкерсом» ему пришлось открыть фонарь кабины: остекление забрызгалось маслом, и это ухудшило обзор. Сила же удара при таране оказалась такова, что не выдержали привязные ремни и летчик был выброшен из разваливающейся машины.

Едва Гудков приземлился, к нему подкатил грузовик. Из него выскочили наши солдаты и старший лейтенант. Летчик предъявил документы. Забрав его, грузовик помчался к приземлившимся немцам — летчику и стрелку. Они сдались без сопротивления. У стрелка были сломаны обе ноги. Подъехали к обломкам «юнкерса». В них нашли тела штурмана и второго стрелка. Они были уби-

ты еще там, в воздухе, в момент таранного удара. Тут Гудков ощутил, как нестерпимо болят ушибы. Его отвезли в госпиталь.

Гудков в госпитале не задержался. В школе его бой был изучен. Надо сказать, что к этому времени не всякий таран вызывал полное одобрение. Все-таки это есть преднамеренное столкновение, и риск — потерять свою машину, погибнуть самому — чрезвычайно велик. Всегда ли такая цена победы будет оправдана? Но действия старшего сержанта Гудкова в данном случае признали правильными. Летчика-инструктора наградили орденом Боевого Красного Знамени. Впоследствии Гудков стал настоящим асом. Сбил еще девятнадцать фашистских самолетов и был удостоен высокого звания Героя Советского Союза.

В сентябре же 1942 года из качинцев была создана еще одна боевая группа. На ее вооружении находилось восемнадцать самолетов Як-1. Командовал группой майор Гайдамака. Инженером группы стал преподаватель цикла авиатехники Должанский. Им приказали прикрывать Камышин, переправу через Волгу в районе Дубовки и железную дорогу на участке Сталинград — Поворино.

За три недели качинцы сделали 250 боевых вылетов на разведку, патрулирование и поиск воздушного противника.

18 сентября 1942 года у летчика-инструктора старшины Сергея Танова повторилось то, что было у Гудкова. Снова был перехвачен разведчик. А на разведку посылают особо опытные экипажи. Вражеские стрелки своевременно заметили наших перехватчиков. «Юнкерс» взял курс на запад. Огонь стрелков даже на большой дистанции был опасен. Тогда Танов пошел на таран соколиным ударом сверху. На большой скорости врезался «Як» в крыло бомбардировщика. Обломки двух самолетов смешались еще в воздухе. Никто не выпрыгнул из разбитых самолетов с парашютом. Погиб и Сергей Танов.

...Каждый год в училище приходят юноши, готовые встать на защиту родного неба. Они узнают, что летчики-инструкторы в годы войны показали пример мужества и самоотверженности.

КОМЭСК

Фронтовой аэродром с аэродромом мирного времени общего имеет мало. Разве лишь когда фронт стабилизируется, летное поле обрастет землянками и примет относительно обжитой вид. В знойные июльские дни 1942 года фронт перед лавиной фашистских танков откатывался на восток. Аэродромы обживать было некогда. Они представляли собой ровное поле — лишь бы взлететь да сесть. Таким был и аэродром, с которого вылетал со своей эскадрильей старший лейтенант Иван Пстыго. С запада поле огораживала пожухлая от зноя лесопосадка. По траве прошел пар, и струи от самолетных винтов вздымали с земли серо-черную пыль. В ней под палящим солнцем копошились у самолетов техники, механики, оружейники, мотористы. Заправляли баки горючим, подвешивали бомбы и эрэсы, подводили к затворам автоматических пушек и пулеметов тяжелые патронные ленты. Ремонтники привычно и умело латали пробойны. Разгоряченные боем летчики, прилетов, покидали кабины, вытирали пот с лица и спешили в сторону перекурить.

Ивану Пстыго вручили письмо. Разом забыв о жаре, о только что пережитом в небе, летчик отошел к лесопосадке, раскрыл треугольный конверт. Мать писала, что отец и два брата уже на фронте. Всех метет война — отец-то не молод... Ивана охватило беспокойство за близких людей. Вспомнилась далекая Башкирия, куда когда-то в поисках лучшей доли привез семью из Белоруссии крестьянин-бедняк — отец Ивана. Вспомнил и себя: зимой в школе крестьянской молодежи, пастушонком — в летние каникулы. Тогда-то он и увидел впервые самолет и бежал, бежал по пастбищу, запрокинув лицо к небу, пока стрекочущий аппарат не скрылся за лесом. Дома огорошил всех заявлением:

* Янчук А. М. был помощником командующего по воздушно-стрелковой службе 8-й воздушной армии.

— Буду летчиком!

Братья и сестры пришли в восторг. Мать испугалась:

— И думать не смей! Разобьешься.

Отец же отнесся к делу серьезно.

— Почетная профессия. Только не простая. Учиться надо много. Одолеешь ли?

— Одолею!

Отец помолчал, потом разрешил глухо, но весомо:

— Добро!

Так с отцовского благословения пошел в 1936 году Иван Пстыго в училище летчиков. В 1940 году в Энгельсе закончил его. В училищной газете появилась заметка выпускника. Он писал: «Боевые выучку и знания, которые получил в училище, я с любовью применю в будущей практической работе... За дело партии Ленина, за Родину отдам все свои силы и, если потребуется — жизнь».

Сейчас можно смело сказать, что отец благословил Ивана не зря, и обещание выпускника оказалось не пустым. С первых дней войны Иван Пстыго на скоростном бомбардировщике Су-2 делал по три-четыре боевых вылета в день. Бомбил вражеские колонны. В августе 1941 года начальник политотдела полка вручил летчику партийный билет.

Коммунист Пстыго успешно переучился с Су-2 на Ил-2. Самолет-штурмовик характерен тем, что в каждом вылете вступает с врагом в огневое соприкосновение на малой высоте. Нервы у летчика должны быть особо крепкими. Он ведет машину не только через дымные шапки разрывов зенитных снарядов, но и через рой трассирующих пуль из всех видов стрелкового оружия. Иван Пстыго стал отличным летчиком-штурмовиком. Подтверждают это частые упоминания в документах 8-й воздушной армии, во фронтовых газетах: «Будь так же дерзок, отважен, смел, как летчик Пстыго», «Действуй так, как беззаветно храбро ведет борьбу с немецко-фашистскими захватчиками летчик Пстыго!»

...Письмо матери, пробудившее воспоминания, прочитано. Пстыго свернул листок с дорогими строчками, спрятал в карман гимнастерки и осмотрелся. На западе, за лесопосадкой, горизонт все гуще затягивала пылевая мгла. Сквозь нее косо поднимались столбы черного дыма. Летчик прислушался: фронт гремел явно сильнее,

чем это было утром. «Прут, сволочи. Когда только выдохнутся?»

Запыхавшийся сержант доложил:

— Товарищ старший лейтенант, вас вызывает командир полка.

Летчик побежал на КП аэродрома. Командир показал на карте:

— По этой дороге идет колонна танков и автомашин с пехотой. Простурмовать!

Через считанные секунды восьмерка «илов» была в воздухе. Над ними появилось восемь истребителей прикрытия. Их вел Михаил Баранов, молодой, но уже прославленный многими победами летчик. Позади остались переправы через Дон. Навстречу по дороге двигалась темная лента вражеской колонны. Противник был готов к встрече с штурмовиками. Сверху на них кинулись «мессершмитты», снизу протянулись трассы «эрликонов», перед «илами» полыхнули частые разрывы зенитных снарядов. С «мессерами» сцепились истребители группы Баранова, а через заградительный огонь штурмовикам предстояло пробиваться самим. Пстыго, показывая пример ведомым, поднырнул под разрывы, спикировал вдоль колонны. На выходе из пикирования летчик сбросил бомбы. Восемь «илов» — восемь серий стокилограммовых бомб. Колонна обозначилась пунктиром ярких костров. Зенитный огонь поутих — «илы», развернувшись на обратный курс, спикировали еще раз. Теперь вели огонь из пушек и пулеметов по машинам, по разбегающимся пехотинцам. После третьего захода два «ила» получили повреждения и вышли из боя. За ними кинулась пара «мессеров». Но истребитель из группы Баранова стремительной атакой сверху сбил одного противника, второго прогнал.

Пстыго, выйдя из последней атаки, собрал группу, повел ее на свой аэродром. Оглянулся: колонна противника приостановилась, во многих местах из нее вырастали столбы черного дыма. Удар врага на наши переправы был значительно ослаблен. Командир полка объявил летчикам эскадрильи благодарность. О подвиге Ивана Пстыго написала газета «Красная Звезда».

В начале августа 1942 года с южного направления на Сталинград повела наступление 4-я танковая армия гитлеровцев. Она двигалась при мощной поддержке

авиации, которая производила до 700 самолето-вылетов в день.

Единственным в то время быстрым и надежным средством разведки у нашего командования фронта была авиация. Чтобы определить пути движения главных сил противника из района Котельниково, 4 августа пяти Ил-2 под командованием старшего лейтенанта Пстыго и одиннадцати истребителей прикрытия поставили задачу: произвести разведку, а также нанести удар по разведанным целям в районах Верхне-Курмоярский, Котельниково, Аксай.

Случилось непредвиденное. Выйдя в заданный район, сопровождающие истребители вынуждены были ввязаться в бой с истребителями противника и потеряли штурмовиков, оставив их без прикрытия. Но Пстыго ободрил своих ведомых:

— Не падать духом. Вперед!

— Вижу на дороге столбы пыли! — воскликнул один из летчиков.

Штурмовики обнаружили по дорогам, идущим на Аксай, Абганерово, Плодовитое, колонны танков, автомашин, увидели скопления войск в балках и населенных пунктах. И подвергли их атакам.

Разведку сделали, но на пятерку «илов» навалилось 20 истребителей противника. Разведчики приняли бой. Вели его, стараясь оттянуться в глубь своей территории.

Штурмовики, замкнув круг, ожесточенно отстреливались. Пстыго сбил два Ме-109, они упали в расположении наших войск.

Пользуясь численным превосходством, фашистские стервятники продолжали непрерывно атаковать разведчиков. Отбиваясь от наседавшего врага, самолеты ведомых один за другим пошли на вынужденную посадку. В тяжелом бою вся пятерка «илов» была сбита. Последней пошла на снижение неуправляемая машина ведущего. Пстыго мастерски приземлил израненный самолет.

«Теперь,— торопил себя летчик,— скорей! Доставить донесение». Карта с пометкой целей, свежая память помогут сделать это в деталях. Где бегом, где шагом, преодолевая усталость, Пстыго достиг дороги, а затем, поторапливая шофера попутной автомашины, добрался до ближайшего аэродрома. Отсюда старшего лейтенанта отправили на самолете в штаб.

Разведчик вовремя доложил командованию очень важные данные о противнике. Вскоре по наступающей группировке врага наши войска нанесли контрудар и приостановили ее наступление.

А в боевом донесении штурмовой части в высший штаб говорилось: «Пятерка штурмовиков в неравном бою погибла смертью храбрых».

Тяжело переживал это известие личный состав. Но к исходу дня Пстыго попал в крепкие объятия друзей-однополчан. А через день все с радостью встретили еще троих летчиков пятерки. Не вернулся с боевого задания один.

За подвиги на подступах к Сталинграду командир эскадрильи был удостоен ордена Красного Знамени. Наградами были отмечены и его подчиненные.

Днем и ночью гремела Сталинградская битва. Кровавое зарево окрасило половину неба. Подлетая к городу, летчики еще издали чувствовали горьковатый запах дыма, видели руины зданий, обгоревшие деревья, и в их сердцах kloкотала ненависть к гитлеровским разрушителям и убийцам.

Над Волгой даже самую маленькую группу штурмовиков встречал адский заградительный огонь сотен орудий, на них сваливались с высоты стаи фашистских стервятников. Но штурмовики, презирая смерть, свято выполняли приказ Родины: «Ни шагу назад!» Они пересекали Волгу, пробивались сквозь огонь и обрушивались на цели.

...В тесном блиндаже командир полка майор Болдырихин поставил летчикам боевую задачу:

— Бить точнее. Там наши от немцев местами через ширину улицы, а то и через стену дома сидят.

И не по картам, а по плану города указал цель командир. Один из пилотов заметил:

— Я знаю это место. Тут был гастроном.

— А рядом с ним аптека,— напомнил Пстыго.

В лабиринте городских кварталов ведущий нашел нужную улицу. Штурмовики встали в круг. Мощные взрывы слились в сплошной пром. Затем самолеты рассредоточились и с пикирования прочесали из пушек и пулеметов гнездовья живой вражеской силы. По шесть заходов сделал каждый самолет.

Так действовал Иван Пстыго в Сталинграде. Молодые

пилоты, прибывшие на пополнение и хотя бы раз слетавшие с ним на боевое задание, с глубоким уважением смотрели на своего командира.

...Возвратившись с боевого задания, ведущий восьмерки штурмовиков приложил руку к полинявшей от знойного солнца пилотке, доложил командиру полка:

— Товарищ майор! Старший лейтенант Пстыго...

— Отставить! — прервал майор. — Вы не старший лейтенант, а капитан. Поздравляю!

Оказалось, командующий армией Хрюкин наблюдал за действиями восьмерки штурмовиков, и, едва «илы» закончили бой, он сообщил в полк о присвоении ведущему очередного звания.

«Много лет прошло с тех пор, но не могу без волнения вспомнить тот эпизод, — скажет после войны Иван Иванович Пстыго. — Такое отношение к нам командующего вдохновляло нас, нам хотелось выполнять свое дело еще лучше».

Капитан Пстыго был летчиком «всепогодным». Когда метеорологические условия не позволяли летать группой, он летал на свободную «охоту» один или с ведомым, выискивал и уничтожал наземные цели. В одном из таких полетов, обнаружив скопление более трехсот автомашин противника, штурмовал их до полного израсходования боеприпасов, уничтожил 15 автомашин и несколько десятков гитлеровцев.

Оборона Сталинграда совпала с исторической датой — 25-й годовщиной Великого Октября. Как повелось, в день великого праздника весь советский народ подводил итоги своих дел.

В 226-й авиадивизии полковника Горлаченко на первое место в предоктябрьском соревновании вышел 504-й полк майора Ф. З. Болдырихина. В отчете о боевой работе за июнь в числе первых указана фамилия И. И. Пстыго. Мастером ювелирных дел назвали его за поразительную точность поиска в развалинах Сталинграда и уничтожения штабов, узлов связи, отдельных особо важных огневых точек, наблюдательных пунктов. Каким-то удивительным чутьем угадывал пилот признаки хитро замаскированных противником целей. Полк и дивизия получили наименование «гвардейских», а пяти летчикам присвоено высокое звание Героя Советского Союза. В этом немалая заслуга и летчика Пстыго. На его бое-

вом счету только в Сталинградской битве десятки уничтоженных танков, автомашин, орудий, сотни гитлеровцев.

Будучи командиром эскадрильи, помощником командира дивизии, корпуса, командиром полка, Иван Пстыго совершил 95 боевых вылетов. Пожалуй, немногим командирам довелось сделать так много боевых вылетов на штурмовике.

Великую Отечественную войну И. И. Пстыго закончил в Берлине. Полк за боевые отличия стал именоваться «Витебским» и был награжден орденом Красного Знамени. Личная доблесть Ивана Ивановича отмечена орденом Ленина, семью орденами Красного Знамени, орденами Александра Невского, Отечественной войны I степени, «Красная Звезда» и двенадцатью медалями.

После войны И. И. Пстыго окончил Военную Академию Генерального штаба. Занимал высокие командные должности в авиации. Ныне маршал авиации И. И. Пстыго, заслуженный летчик СССР, продолжает служить в Военно-Воздушных Силах Советской Армии.

«За личное мужество и отвагу, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в годы Великой Отечественной войны, большой вклад в подготовку и повышение боевой готовности войск в послевоенный период, освоение сложной боевой техники и в связи с шестидесятилетием со дня рождения» маршалу авиации Пстыго Ивану Ивановичу Указом Президиума Верховного Совета СССР от 7 апреля 1978 года присвоено звание Героя Советского Союза.

ЗА УПАВШИМИ САМОЛЕТАМИ

Мне, технику, полюбились наши Ил-2. Мощные машины, живучие. Когда получал задание вывести с места вынужденной посадки подбитую машину, то выполнял это со всем старанием. И старание такое оказывалось не напрасным, ибо удивительно крепкой была конструкция «ила». Броневая скорлупа не только защищала самолет от пуль и осколков — она «работала» как одно целое с конструкцией самолета, продолжала ее. Поэтому, как бы сильно ни был подбит самолет — обшивка ободрана, трубопроводы, тяги управления перебиты и т. д. — основной каркас зачастую оставался целым. На нем наращивали обшивку, под ней делали новую проводку, меняли на самолете винт, мотор — и машина вновь была готова к бою.

Под Сталинградом один из летчиков нашего полка посадил подбитый самолет на нейтральную полосу. Прилетевшие товарищи показали место вынужденной посадки на карте. Создали группу для эвакуации самолета, меня назначили старшим. Захватив трос, мы выехали. Разыскали нужный участок фронта, представились командиру наземной части. Вскоре увидели свой Ил-2. Он лежал с убранными шасси на ровной площадке между нами и немцами. До наступления темноты забрать самолет было невозможно. Пехотинцы пытались пробраться к самолету, чтобы спасти летчика, но сильный пулеметный огонь не дал этого сделать.

Со мной был документ, в котором содержалось требование оказывать нам помощь. Я попросил у командира части тягач и добавочный буксировочный трос. Когда стемнело, мы отправились к самолету. Первым делом заглянул в кабину. Летчика в ней не оказалось. Опустив фонарик в глубь кабины, посветил: следов крови не увидел. Куда же он девался? Потом узнали: летчик, выскользнув из самолета, пополз вдоль нейтральной поло-

* Гаршенин М. П. был авиационным техником-лейтенантом в авиаполку 8-й воздушной армии.

сы, вжимаясь в каждую бороздку. Ни наши, ни немцы его не заметили. Вышел он к передовой много дальше того места, куда прибыли мы. Этой радости мы в тот час еще не знали.

...Сделали под колеса подкопы на такую глубину, чтобы при выпуске шасси они встали на дно. Срезали стенки подкопа в направлении движения самолета. Осталось выпустить шасси. Я бросил лопату, подошел к крылу самолета, и тут с немецкой стороны взлетела осветительная ракета. Тотчас затарахтел пулемет. Услышав жужжание пуль, я не поспешил в щель. Авиаторы знакомы с бомбежкой, опасаются осколков бомб, а стрелковое оружие мне не показалось особо опасным. Сейчас с запоздалым страхом вспоминаю тот момент — убить тогда меня могли запросто. А может быть, конечно, немцы тогда и прекратили стрельбу так быстро потому, что в неверном свете ракеты не засекли неподвижную фигурку человека и подумали, что у самолета по-прежнему никого нет.

Земля была неимоверно твердая, работая лопатой, я устал и еле влез в кабину. Открыл клапан воздушного баллона, перевел кран выпуска шасси, и они вышли, лязгнув замками. Механики зацепили крючья за буксировочные кольца шасси. Тягач тронулся, тросы загудели, как струны, и колеса самолета выкатились из щелей. Когда нас отбуксировали в тыл, мы поставили хвост самолета в кузов нашей машины и, поблагодарив пехотинцев, двинулись на аэродром. Затемненные фары едва освещали путь, и, чтобы не завалиться в воронку, каких по степи было много, впереди машины, сменяясь, бежал кто-нибудь из механиков. Как бы там ни было, самолет в строй мы вернули.

В те дни я стал коммунистом, и товарищи избрали меня парторгом эскадрильи. Это обязало глубже вникать не только в свои технические дела, но и в дела всего личного состава. Я знал, как ведут бои наши летчики. Знал, что они подходят к делу творчески, меняют тактику в зависимости от конкретных условий боя и, конечно же, знал, какой опасности ежедневно подвергаются. Тут уж нам, техникам, надо было трудиться со всей отдачей.

Однажды летчики сообщили, что сразу два наших самолета совершили вынужденные посадки на песчаный

остров вблизи Сталинграда. Мне предстояло ехать к самолетам. Со мной отправились мотористы Фоменко и Головин. Помчались на машине к Волге. Мне уже доводилось бывать в тех местах, запомнился густой лес. Когда же приехали, никакого леса не было — одни пенки и целый подземный город из блиндажей. В глубоких капонирах прятались пушки. Их выкатывали по настилу, давали несколько залпов и вновь скатывали вниз.

Командир дивизиона сказал, что лодок у него нет, и предупредил:

— На острове повнимательней. Фрицы, случается, туда тоже навёдываются.

Долго шагали мы вдоль берега, пока не нашли уютную лодчонку. Привели ее к месту намеченной переправы бечевой. Весло сделали из доски. Задача поначалу стояла простая: проверить состояние самолетов и прикинуть способы их эвакуации с острова. Такое я мог сделать и один. Помня предупреждение командира дивизиона о возможной встрече там с немцами, взял автомат и с наступлением сумерек погреб через протоку. Вытащил лодку на берег и пошагал вглубь острова. Шагах в двухстах от воды наткнулся на глубоко закопавшийся в песок истребитель Як-1. А вскоре нашел и два «ила». По голубой окраске коков у винтов сразу же убедился, что это самолеты нашего полка. Определил, что ремонту они подлежат и что если командование добудет подходящее плавсредство, то машины эти вернутся в боевой строй.

Стало совсем темно, когда я отправился в обратный путь. Стараясь разглядеть лодку, лег на песок и увидел фигуру медленно бредущего человека. Когда до него осталось метров двадцать, навел автомат и крикнул:

— Стой! Хенде хох!

Человек остановился и, помедлив, отозвался:

— Свой я, свой. Летчик...

Подойдя поближе, я осветил его фонариком. На ремне у него висел шлемофон, в руке пистолет, а лицо распухло и блестело от ожога, к тому же он был ранен. Летчик рассказал, что вел к Сталинграду шестерку «яков», и его сбили в бою с «фоккерами». Оказалось, что их полк базируется на одном аэродроме с нами. Сбили летчика днем, а до вечера отлеживался в кустарнике. Он очень обрадовался, что у меня есть лодка.

Вдвоем мы быстро ее разыскали. У артиллеристов летчику оказали медицинскую помощь. Потом командир полка истребителей объявил нам благодарность за содействие летчику.

В одной из поездок за сбитыми самолетами мне довелось увидеть результаты действий наших штурмовиков. На склоне высоты под Сталинградом в большом саду стояли в шахматном порядке десятка три обгоревших немецких танков. От дороги это было близко, мы остановили машину и пошли посмотреть на следы побоища. В спинных панцирях сгоревших машин мы увидели одинаковые, оплавленные по краям отверстия. Такие отверстия делают ПТАБы — противотанковые авиационные бомбы. Они маленькие, но грозные, так как снаряжены термитом. Группа штурмовиков высыпает их сотнями.

Я подумал, сколь слаженно научились воевать наши люди: кто-то разведкал, что в саду сосредоточились танки противника, ведущий точно вывел самолеты на цель, и летчики дружно нанесли неотвратимо меткий удар. Три десятка уничтоженных танков — солидная помощь нашей матушке-пехоте!

В тот раз мы доставили еще два подбитых самолета, и вскоре, отремонтированные, они встали в боевой строй полка.

И на воде

Л. И. Сыркин,
капитан 2-го ранга запаса*

МОРЯКИ

1

Бронекатер № 13 вел лейтенант Ващенко. От августовского зноя стальной корпус раскалился, и в отсеках, похожих на железные ящики, нечем было дышать. Душно артиллеристам Крюкову, Васильеву, Курову. Все задраено наглухо, корабль в боевой готовности, комендоры застыли у орудия. В моторном отделении, где мерно гудит тысячесильный двигатель, температура еще выше, чем у артиллеристов — мотор что раскаленная печь. Но внимательно следят за работой двигателя старшины-мотористы Лазо и Сенник.

«Тринадцатый» идет в группе бронекатеров капитан-лейтенанта С. П. Лысенко. Задача — поддерживать артиллерийским огнем обороняющиеся на волжском берегу в районе Латошинка — Рынок наши части.

Когда на Волге начался ледоход, многие корабли флотилии вынуждены были уйти на зимовку в районы Астрахани и Гурьева. Для обеспечения переправ войск Сталинградского фронта и их артиллерийской поддержки была сформирована Сталинградская группа кораблей Волжской флотилии в составе двух дивизионов бронекатеров, двух канонерских лодок и дивизиона тральщикова. В числе группы был и бронекатер № 13.

Боевые действия группы кораблей усложнились. Ле-

* Сыркин Л. И. был старшим лейтенантом, помощником командира канонерской лодки.

доход, а местами ледостав гасили скорость, сковывали маневр, вражеские артобстрелы и налеты авиации стали для кораблей еще опасней. Летом катерники изнывали от жары, теперь негде было обогреться: обледенелые стальные корпуса отдавали невыносимым холодом.

В хмурый ноябрьский вечер по Волге с шумом и треском, наползая на отмели, подминая под себя мелкие льдинки, неудержимо двигались огромные ледяные крыги. А на бронекатер № 13 потоком шли бойцы. Поднимаясь на палубу, многие из них с опаской поглядывали на взбудораженную льдом реку. Но, встречая спокойные лица моряков, доверчиво занимали указанные места.

Даже в самых благоприятных условиях плавания бронекатер мог принять не более сорока бойцов, а сейчас командир, лейтенант С. З. Ващенко, насчитал их за полторы сотни, да еще боезапаса несколько тонн. Корабль глубоко осел в воду. Бойцы забили все помещения и палубу, мешая использовать вооружение катера. Но правый берег, озаренный отсветами орудийной стрельбы, всполохами взрывов, в мареве дыма, едкий запах которого ветер доносил на катер, ждал подкрепления. И катер, раздвигая льдины, ломая и подминая их под себя, устремился вперед.

Над Волгой нависла крошечная тьма, надежно укрывшая катер от врага. Вдруг рокот мотора смолк, корабль, шурша корпусом о льдины, продвинулся по инерции и встал, подчинившись напору льдин. Командир еще по прежним рейсам знал, что случилось с двигателем — ледяным крошевом забился кингстон охлаждения двигателя. И потому лишь спросил по переговорной трубе старшину группы мотористов Лазо:

— Надолго?

— Двигатель перегрелся, охлаждение не поступает, принимаем срочные меры, — ответил тот.

Старшина I статьи — моторист Сеник, схватив ведро, ловко выскользнул из люка моторного отделения. Протиснувшись между бойцами, зачерпнул ледяную воду и подал через люк. Лазо с помощью мотористов обкладывал раскаленный двигатель мокрой ветошью и поливал ее водой. Пар густыми клубами вырывался через люк, как из парной, обдавая жаром лицо Сеника. Очистили кингстон, запустили остывший двигатель; он,

мерно зарокотав, устремил бронекатер дальше. Потом кингстон снова забило льдом, и все повторилось.

«Тринадцатый» почти пересек реку, когда мотор заглох в третий раз. В это время над палубой раздался свист, и шальной фашистский снаряд почти рядом рванул ледяную массу. Еще снаряд и еще. Враг не мог видеть затемненный берегом корабль. Бил наугад, полагая, что ночью наши корабли подойдут с подкреплением. Близость разрывов была случайной, но легче от этого никому не стало. Мотористы, прочищая кингстоны и охлаждая двигатель, слышали грохот рвущихся вокруг катера снарядов. Пересиливая нервную напряженность, Сенник пошутил:

— Фрицы так лед расколошматят, что нам легче будет пробиться к берегу.

Тут Лазо запустил двигатель, катер рванулся вперед и тотчас, заглушая рокот мотора, лязгнула раздраемая обшивка: зажигательный снаряд разорвался в моторном отсеке. Воздушная волна отбросила людей к борту. Языки пламени поползли по окрашенным переборкам и обшивке, потянулись к брезенту, накрывавшему световой люк.

Первым пришел в себя Сенник.

— Выключай двигатель! — крикнул он стоявшему у мотора Лазо.

— Всем из моторного отсека! Задраить люки! — раздался сверху приказ командира корабля.

— Разрешите остаться в отсеке и потушить пожар, не то мотор выйдет из строя! — выкрикнул из объятых пламенем отсека Сенник.

— Задохнетесь! — встревожился командир.

— Я в противогазе, — возразил старшина.

— Действуйте!

К люку устремились Лазо и мотористы, но командир остановил их:

— Всем не рисковать!

Сенник надел противогаз — в рундучке моторного отсека их было несколько. Крышка люка щелкнула задрайкой, и старшина один на один остался с огнем. Он облизывал мокрую одежду, обжигал тело. В противогазе было тяжело дышать. Но пущены в ход огнетушитель, мокрая ветошь, песок. Огонь отступил, послышался ритмичный рокот двигателя. Командир поспешил

в боевую рубку, а мотористы бросились отдраивать моторный люк. Из отсека хлынули на мотористов густые клубы дыма и пара, а следом, в обгоревшей одежде и прокопченном противогазе, появился Сенник.

— Принимайте вахту, все в порядке! — коротко бросил он.

Ломая и расталкивая льдины, под летящими над головами снарядами «тринадцатый» пробирался туда, где на крутояре правого берега Волги проступали из мглы руины Сталинграда...

«Тринадцатый» в жарких боях пронес гвардейское знамя от Сталинграда по Черному и Азовскому морям, по Днепру и Висле до Одера и участвовал в боях за Берлин.

2

В самом начале войны Пинская военная флотилия, в которой проходил службу капитан-лейтенант Степан Петрович Лысенко, вступила в бой. Более месяца корабли флотилии помогали огнем нашим войскам на Припяти, Березине и Днепре. Корабли капитан-лейтенанта Лысенко появлялись там, где враг их не ждал. От маленьких юрких броненосцев вражеские войска несли большие потери.

20 августа 1941 года противник занял правый берег Днепра от Черкасс до Херсона. Флотилия, прикрывавшая переправы под Каневым, оказалась отрезанной от Киева. Но там, на правобережье Днепра наши войска еще держали обширный укрепленный район. Катерам приказали помочь Киеву. Километров двести вверх по Днепру пробивались они сквозь вражеский огонь. Потом стойко сражались за столицу советской Украины.

Прикрыв огнем отход нашей 37-й армии, днепровцы взорвали корабли и создали отряд моряков. Он сражался в составе окруженных сухопутных частей. Многие моряки погибли, остальные прорвались из окружения.

Одна группа моряков во главе с Лысенко пыталась соединиться с нашими отходящими войсками. Не раз схватывалась с вражескими гарнизонами. Лысенко был тяжело ранен. Наступили холода, кончились боеприпасы. Тогда моряки влились в партизанский отряд и активно участвовали в боях с карателями, выполняли диверсионные задания.

Прошла зима. Лысенко поправился, и моряки решили пробиваться к Волге, чтобы на боевых кораблях встретить врага, рвущегося к Сталинграду.

На одном из участков Донского фронта перед нашими бойцами предстала изнуренная, в изодранной форме, горстка моряков. Когда в штабе части потребовали документы, моряк-командир достал из-под тельняшки аккуратно сложенный военно-морской флаг, пробитый осколками и пулями, опаленный огнем.

Командующий Волжской флотилией контр-адмирал Рогачев радушно встретил боевых товарищей. Командуя в начале войны Пинской флотилией, он испытал жестокие бои на Днестре и под Киевом. Раненым его вывезли моряки из окружения.

Капитан-лейтенант Лысенко принял дивизион бронекатеров Волжской флотилии, на одном из кораблей которого развевался флаг, доставленный моряками-днепровцами. Корабли дивизиона конвоировали суда и караваны, идущие по Волге с нефтепродуктами и военными грузами, отражая яростные атаки вражеской авиации.

В конце августа механизированные части врага провались к Сталинграду на участке Рынок — Латошинка. К месту прорыва были переброшены наши войска, с ними батальон моряков. Для поддержки создали северную группу кораблей Волжской флотилии под командованием Лысенко.

В тяжелый для нашей пехоты момент вражеской атаки на широкий волжский плес из тесной Ахтубы стремительно вырвались бронекатера лейтенантов Будько, Гламаздина, Барботько, Воробьева, Карпинюка и дружно ударили из орудий по вражеским танкам и боевым порядкам. Канонерские лодки «Усыскин» и «Чапаев» из устья Ахтубы вступили в артиллерийскую дуэль с батареями врага.

Лысенко на флагманском катере был в самом пекле боя. Вражеские снаряды рвались вокруг, били по корпусу и надстройкам, но корабли вели огонь. Враг, понеся большие потери, перешел к обороне. За дерзкую и решительную атаку командующий фронтом генерал-полковник Еременко объявил морякам благодарность.

Противник, наращивая силы, пытался занять северную окраину города, которую обороняли части 124-й стрелковой бригады полковника Горохова. Корабли Лы-

сенко разделили со стрелками все трудности до конца боев за Сталинград.

Степан Петрович был ненамного старше своих подчиненных, однако боевой опыт, личная отвага, по-отечески чуткое и заботливое отношение к людям выделяли его в число особо уважаемых командиров.

Однажды, сидя в своей маленькой каюте, флагман подсчитал, что с начала боевых действий его группы на каждого моряка приходится по 10 уничтоженных фашистов, на каждый катер — по танку, а на два катера — по вражеской батарее. Сказал комиссару:

— Начальство говорит — неплохо, а я думаю, маловато.

...В каюту вошел молодой матрос Коротков, его по-мальчишески безусое лицо выражало странную острешенность. Он подал командиру письмо. В нем рассказывалось о зверствах фашистов в оккупированном селе. От рук палачей погибли престарелые родители Короткова. Сестра сумела вырваться и уйти к партизанам. Она-то и написала брату о страшном горе. По истертому конверту, множеству надписей командир определил, что письмо прошло долгий окольный путь.

«Чем облегчить тяжкое горе молодого моряка?» — думал Степан Петрович. Несколько секунд молчали оба — матрос и командир, потом Лысенко ласково посмотрел в глаза Короткову и, как младшего брата, крепко обнял.

— Крепись! За зверство будем бить врага еще крепче. Письмо прочтем всем морякам. Пусть знают, с кем ведем смертельный бой.

Вечером состоялось открытое партийное собрание. На нем приняли в члены партии боцмана бронекатера № 34 Красавина; одна из рекомендаций отважному воину была написана Лысенко. Потом комиссар Журавков зачитал письмо Короткова.

Выступление Лысенко было коротким:

— Что мы ответим партизанам-односельчанам нашего боевого товарища? — спросил он. И сам сказал: — Сегодня мы идем в бой, результат его и будет нашим ответом на письмо.

Враг стремился быстрее разгромить части полковника Горохова, захватить тракторный завод, где все еще строили и ремонтировали танки. Корабли Лысенко не-

медленно пришли на помощь армейским частям, батальонам рабочих. Канонерские лодки «Усыскин» и «Чапаев» ударили из орудий по наступающим вражеским порядкам. Чтобы лучше использовать артиллерию и крупнокалиберные пулеметы, Лысенко повел корабли к правому берегу. Враг перенес на них огонь, но они, ловко уклоняясь от огня, подошли к самому берегу и ввели в дело пулеметы. Пулеметчик бронекатера комсомолец Кузнецов метко разил врагов. Осколок снаряда вывел пулемет из строя. Кузнецов схватился за автомат. Его примеру последовали другие матросы. Врага отбросили в степь, тракторный продолжал работать.

В полученной на имя Лысенко радиограмме армейское командование выражало особую благодарность морякам за эффективную огневую поддержку.

Однажды капитану 3-го ранга Лысенко приказали выслать бронекатер для командующего фронтом генерал-полковника Еременко, чтобы переправить его на правый берег. Лысенко направил катер под командованием смелого лейтенанта Воробьева. Приняв на борт членов Военного совета во главе с командующим фронтом, бронекатер рванулся на простор Волги. Противник немедленно открыл артиллерийский огонь, а на стрежне реки катер атаковали вражеские самолеты. Моряки самоотверженно отбивали атаки авиации, Воробьев умело уводил корабль из-под артиллерийских и бомбовых ударов. Оставляя бронекатер, командующий спросил Воробьева:

— Ваш командир — Лысенко?

— Так точно!

— Боевой у вас экипаж, — заключил командующий.

В конце октября враг большими силами давил на группу войск полковника Горохова. В помощь гороховцам решили высадить десант из состава стрелковой дивизии.

30 октября, глубокой ночью, из Щадринского затона вышли четыре бронекатера с ротой автоматчиков. Вслед за ними на других судах двигались остальные десантники первого эшелона. Кораблям удалось высадить лишь часть десанта. Они оказались перед плотной вражеской обороной. Два дня бронекатера пытались высадить подкрепление передовому отряду, прижатому врагом к берегу, но безуспешно.

Вечером 1 ноября бронекатера № 34 и 23 еще раз направились к Латошинке, на головном шел Лысенко. Противник обнаружил катера на подходе и открыл огонь. Корабли вступили с врагом в бой, но силы были не равны. В боевую рубку бронекатера № 34 попал вражеский снаряд. Лысенко и командир отряда катеров старший лейтенант Мороз получили тяжелые ранения, командир бронекатера лейтенант Гламаздин погиб. Рулевое управление было повреждено, и катер течением снесло на мель. Но корабль продолжал бой.

Боцман Красавин, которого Лысенко недавно рекомендовал в члены партии, под огнем врага пытался устранить повреждение рулевого устройства и силами моряков снять катер с мели, но был убит при арт-обстреле.

К бронекатеру с левого берега подошел наш полуглиссер. Его команда под огнем противника сняла с бронекатера раненых моряков. В пятиместный полуглиссер сумели разместить тринадцать человек. Командир полуглиссера Любимов, раненный при подходе к бронекатеру, буквально висел на узком планшире полуглиссера, рискуя упасть в ледяную воду.

Полуглиссер достиг Щадринского затона. Здесь, в землянке, Лысенко, не приходя в сознание, умер.

Посвященная Лысенко листовка политотдела Волжской флотилии гласила:

«...Долг перед Родиной товарищ Лысенко выполнил до конца, честно и самоотверженно отдав свою кровь, каплю за каплей, своему народу, Родине. Он приумножил боевую славу военных моряков Волжской флотилии.

Советские моряки! Родина, партия никогда не забудут мужественный образ командира-большевика...».

3

Когда полуглиссер увез с сидящего на мели бронекатера умирающего капитана 3-го ранга Лысенко, за командира остался старшина Иван Решетняк.

Наступило пасмурное утро. Холодный ветер вздувал водяную пыль, и палуба покрывалась ледяной коркой. Из хмари временами проглядывалась близкая Латошинка. В команде катера оставалось несколько человек, но они готовы были сражаться до последнего.

Из тумана вынырнула лодка. Решетняк ударил по ней из пулемета. Фашисты поспешно скрылись в тумане. Видать, не ожидали, что на бронекатере кто-то остался.

Тот день трудно было отличить от вечера. С утра сыпали то ледяной дождь, то снег. Берега Волги едва просматривались. От стылой воды поднимался ледяной пар, он укрывал от вражеских глаз непокорный корабль.

Прошел день, экипаж маленького броненосца готовился к ночи — враг мог предпринять новую вылазку, и не одной лодкой. Решетняк связался по радиации с командованием, получил указание готовить к эвакуации раненых, технику, вооружение и документы.

Всю ночь не смыкали глаз моряки, до боли в висках всматривались в темноту, прислушивались к завыванию ветра, улавливая еле слышные звуки и шорохи. Перед утром подошли наши шлюпки. Приняли раненых, погрузили часть демонтированных механизмов и вооружения. Молча вслед уходящим товарищам смотрели три моряка — они оставались на катере.

Наступивший день не повторил вчерашний: из-за облаков выглянуло солнце, и бронекатер стал виден с артиллерийских позиций противника. Из штаба моряков по радиации передали, что, если противник начнет обстрел бронекатера, корабли откроют ответный огонь, а Решетняку следует его корректировать.

Немцы вскоре начали обстрел. Снаряд попал в носовой отсек, хлынула вода, катер еще плотнее сел на грунт. Решетняк хотел поставить дымовую завесу, но тут же решил: «Создадим видимость, что на судне нет людей». А со стороны Щадринского затона вырвался огневой шквал. В Латошинке, вблизи вражеских батарей, взметнулись огненно-серые столбы. Решетняк передал: перенести огонь левее. Еще дали залпы наши корабли, и противник прекратил огонь. «Теперь жди очередную вылазку на лодках», — подумал Решетняк.

Перед вечером неожиданно послышался гул бомбардировщика, он уверенно шел на неподвижный бронекатер. Навстречу врагу понеслись последние снаряды из последнего орудия и пулеметные очереди. Бомбардировщик, поспешно сбросив бомбы, удалился.

Наступила еще одна ночь. Связь с командованием

прекратилась, рация вышла из строя, боезапаса почти не оставалось, негде было обсушиться и обогреться, моряки окончательно продрогли. Плескалась о борт катера медленно несущая стеклянные льдинки волжская вода, они как бы прощально шуршали о стальной корпус, вызывая щемящую тоску. Сон валил моряков с ног. Вдруг ветер донес до чуткого слуха радиста тихие всплески.

— К бою! — скомандовал старшина. Сверху по течению бежали шлюпки. — Кто идет? — крикнул Решетняк, готовый открыть огонь из пулемета.

— Свои! — отозвался знакомый голос.

Старшина получил приказ — оставить бронекатер, сняв оружие, уничтожив все, что могло пригодиться врагу.

Даже когда корабль превращался в пустую полуразбитую коробку, тяжело с ним расставаться настоящему моряку. Чтобы легче было подавить готовые прорваться слезы, Решетняк, прежде чем спрыгнуть в шлюпку, прогрозил увесистым кулаком:

— За катер, гады, будет вам особый счет!

Моряк слово сдержит. Через бои на Днестре, Дунае прошел он с честью. Доказательством этому многие награды на груди. Среди них самая дорогая — орден Ленина за мужество в боях под Сталинградом.

4

В далеком от низовья Волги городе Котельнич Кировской области десятиклассница Агния Шабалина услышала страшное слово — война! Мужчины пошли на фронт, их места занимали юноши, девушки, женщины, старики. Агния, которая раньше так хотела поступить в институт, стала учеником-мотористом электроподстанции судоремонтного завода. Здесь она встретила Дусю Пархачеву. Хотя Агния была моложе ее, девушки сдружились. Имеющая опыт моториста Дуся старательно обучала юную подругу.

Весной, когда в затоне растаял лед и суда направили в рейсы, у берега осиротело застыл небольшой буксирный теплоход № 12. Начальнику отдела кадров не пришлось долго уговаривать девушек, они быстро согласились поработать навигацию на теплоходе. Кроме Дуси

и Агнии, в состав экипажа вошли получивший инвалидность после ранения на фронте мужчина и подросток. Навигацию проработали дружно. Наступила зима — занялись ремонтом судов.

Война отозвалась в Котельничах. Шабалины получили извещение о гибели в бою старшего сына Александра, а вскоре при бомбежке эшелона погибла старшая дочь Мария. Не было вестей с фронта от второго сына Алексея.

Часто Дуся и Агния, уединившись, обсуждали, как им попасть на фронт, хотя бы медсестрами. В военкомате их и слушать не хотели — завод работал для фронта.

Ранней весной 1943 года буксирный теплоход № 12 вместе с другими судами был срочно направлен на Волгу за Дубовку. Экипажи сдавали суда военным морякам и возвращались на свои предприятия. Но некоторых речников зачисляли в штаты военных судов. Дуся и Агния настойчиво упрасивали членов комиссии зачислить их на военную службу, но комиссия была неумолима. Все будущие тральщики укомплектовали экипажами, а 12-й пока еще оставался на попечении Евдокии и Агнии.

Наконец девушек вызвали в штаб бригады траления. Их ожидал радостный сюрприз. Теплоход № 12, возведенный в ранг тральщика № 611, укомплектовали экипажем. В него вошли одни девушки. Командиром назначили Антонину Куприянову, которой было девятнадцать лет. Она с детства плавала с отцом на судах, несла с ним и его товарищами вахту. После школы Тоня собиралась поступить в институт водного транспорта, да война помешала. Отца призвали на военную службу, а Тоня работала на буксирном пароходе рулевым.

Командиром отделения мотористов назначили Дусю Пархачеву, мотористом — Агнию Шабалину. На палубе тральщика установили новенький, отливающий синевой крупнокалиберный пулемет. На корму взгромодили бомбосбрасыватели, начиненные глубинными бомбами. Окрашенный в светло-серый цвет теплоход обрел боевой вид. На его мачте взвились вымпел и военноморской флаг.

С утра и до позднего вечера Дуся и Агния не поднимались из машинного отделения. С помощью специа-

листов-механиков ремонтировали главный двигатель — дизель «ЧТЗ», вспомогательные механизмы. Ночи тоже проходили беспокойно, враг систематически бомбил Камышин — базу бригады тральщиков. Теперь и пулемет, из которого отчаянно стреляли прошедшие подготовку пулеметчица Вера Чапова и минер Аня Тарасова, часто включался в бой кораблей с вражеской авиацией.

В мае тральщики перебазировались в район севернее Сталинграда. Вновь вступившие в соединение корабли спешно отрабатывали задачи по подготовке к боевому тралению.

Малейшие промахи и ошибки девичьего экипажа нередко становились достоянием острословов и шутников. Обидно было девушкам выслушивать это.

Шло время. Старание, упорство и чисто женская аккуратность не замедлили сказаться: тральщик одним из первых был готов к боевой работе.

Однажды при налете авиации зажигательные бомбы попали на баржу с дизельным топливом. На палубе баржи стояли бочки с бензином, керосином и смазкой. Вспыхнул пожар. Девушки, обливая одежду водой из пожарных шлангов, сталкивали в воду горящие бочки. Баржа была спасена.

Под вечер моряки собрались на комсомольское собрание. С высокого берега широко виделась Волга. От базы на выполнение задания отошел тральщик, моряки махали товарищам бескозырками. Вдруг огромный столб встал над водой, громовой раскат обрушился на берег. Все в ужасе замерли. Когда водяной столб осел, на месте, где только что был корабль, сиротливо плавали обломки.

Вместо собрания провели митинг, на нем выступила и Тоня Куприянова. Она сказала:

— Враг не запугает нас ни бомбежками, ни минными взрывами, экипаж тральщика шестьсот одиннадцать готов хоть сейчас выйти на траление.

Речь Антонины несколько ободрила девчат, но до конца тревогу не рассеяла. Утром им предстоял выход на первое боевое траление.

Не один день тральщик девушек с трал-баржей, оборудованной электромагнитным и гидроакустическим устройствами, утюжил район Волги между населенными пунктами Быковы Хутора и Луговая Пролейка. На траль-

щике был офицер дивизиона тральщиков, но управляла кораблем командир — старшина 2-й статьи Антонина Куприянова.

Найти и подорвать мину девушкам не удалось ни в первый, ни в последующие несколько дней. Было обидно. На других тральщиках, обслуживаемых мужчинами, красовались звезды с вписанными в них цифрами о количестве подорванных мин.

И вновь тральщик бороздил водную гладь. Сделал несколько галсов над местом, где фашисты сбросили мину. Приближался вечер, решили сделать последний галс и возвращаться на базу. Вдруг раздался громовой взрыв. Тральщик содрогнулся так, что показалось, он развалится на части. Мотор заглох. Через пазы обшивки хлынула вода, быстро заполняя корпус.

— Аварийная тревога! — подала команду Куприянова. Девушки бросились по отсекам катера. Водоотливными помпами, ведрами откачивали хлынувшую воду, заделывали паклей, клиньями трещины. Но воды в корпусе не уменьшалось. В машинном отделении ее было чуть не до пояса. Антонина и Дуся на ощупь искали пробойну. Нашли, остановили течь. Потом долго не могли запустить побывавший в воде двигатель.

С берега видели всполох взрыва, слышали его грохот. Выслали катер. Но он не нашел тральщика в крошечной темноте. Девчат едва не посчитали погибшими. На заре они вернулись на базу, ведя на буксире полуразбитую трал-баржу.

Девушки служили на корабле до тех пор, пока на Волге не осталось ни одной мины. После этого опасного, чисто мужского дела девчата вернулись к мирному труду. Их новые товарищи по работе даже не знают, что они были военными моряками. Поэтому нелегко было разыскать их. Вот состав команды тральщика: Антонина Куприянова, Тамара Декалина, Евдокия Пархачева, Агния Шабалина, Вера Чапова, Анна Тарасова, Вера Ухлова.

5

В революцию мичман Борис Владимирович Хорошин встал в ряды активных борцов за власть Советов. Участвовал в «ледовом походе» кораблей Балтфлота из Гельсингфорса в Кронштадт. Тогда революционные

моряки спасли двести одиннадцать кораблей от захвата немецкими оккупантами.

В 1918 году Хорошхин командовал артиллерией Северо-Двинской флотилии, затем стал ее командующим. За бой под Котласом, в котором были потоплены вражеский монитор и вооруженный пароход, Хорошхина удостоили ордена Красного Знамени под номером пятнадцать.

В 1920 году за организацию боевых действий Усть-Днепровской флотилии, личную храбрость и мужество в боях Хорошхин первым из моряков награждается вторым орденом Красного Знамени.

В 1941 году Краснознаменный Балтийский флот в числе первых соединений вступил в войну. Тогда капитан 1-го ранга Хорошхин возглавлял ОВР (охрану водного района) Главной базы флота. В сложных боевых условиях корабли под его командованием ставили мины, высаживали десант в Рижском заливе. За выполнение этих заданий Борис Владимирович в июле 1941 года награждается еще одним орденом Красного Знамени.

Вскоре Хорошхин командует Ладожской флотилией. Ей удалось вырвать из окружения немецко-фашистских войск в районе Сортавалы три наших пехотных дивизии. Потом флотилия эвакуировала тысячи жителей из осажденного Ленинграда.

Когда огненный смерч неся к Сталинграду, когда Волга имела решающее значение в разгоревшейся битве, партия направила адмирала Хорошхина на Волгу и поручила ему командование отдельной бригадой траления с одновременным исполнением обязанностей заместителя командующего флотилией.

Из-за обострения обстановки на южном крыле фронта в навигацию 1942 года значительно возросли перевозки на Волге. Фашистская авиация стала наносить массированные удары по нефтехранилищам Сталинграда, Астрахани, Саратова, интенсивно бомбить порты, караваны судов, минировать Волгу.

В опасные в минном отношении районы направляли опытных офицеров, которые принимали энергичные меры по рассредоточению судов, изысканию обходных фарватеров, налаживанию непрерывного движения.

Враг действовал активно, почти каждый день Хорошхин получал сведения о гибели наших транспортных су-

дов. Однажды адмирал стал свидетелем того, как на mine подорвался пароход. Погибла часть экипажа, утонул груз. Адмирал остро переживал случившееся и поклялся сделать все, чтобы как можно быстрее отвести минную опасность.

Адмирал знал цену каждому экипажу, каждому судну и по ночам, когда его товарищи спали коротким и тревожным сном, мысленно расставлял их так, чтобы ни один час боевого времени не пропадал впустую. Но сил явно не хватало. «Надо подключить к делу не только волжских бакенщиков, но и жителей прибрежных населенных пунктов»,— решил он. Не теряя ни минуты, он связался с руководителями Сталинградского технического участка пути. Разослал по прибрежным населенным пунктам своих представителей, чтобы привлечь граждан к наблюдению за действиями вражеской авиации у реки.

Теперь, хотя вражеская авиация продолжала интенсивные налеты, большинство сброшенных мин засекалось и места их постановки обозначались специальными знаками.

Тральщики бригады усиленно «пахали» Волгу. Находили мины. Но возникла новая трудность: обезвредить мины оказалось очень сложным и опасным делом. Даже такому опытному моряку, как Хорошхин, пришлось поломать голову над тем, почему мины не взрываются при воздействии на них электромагнитных и гидроакустических тралов даже после того, как тральщики протянут их над минами по нескольку раз. Приказ адмирала о необходимости раскрыть секрет устройства и принцип действия вражеских минных взрывателей передали всем морякам флотилии.

Однажды старшина поста СНиС (служба наблюдения и связи) Башмаков в темную ночь услышал над Волгой гул самолета. Едва развиднелось, на пост прибежали колхозники и рассказали, что в их село упала бомба и не разорвалась. Башмаков пошел с колхозниками. В одном из дворов лежало огромное, обтекаемой формы металлическое чудовище, а рядом парашют. «Магнитная мина!»— определил бывалый моряк, изучавший в свое время минное оружие. Тут ему послышалось, будто в mine что-то тикает. «На замедленное действие поставлена»,— подумал Башмаков.— Ждать минеров...

а вдруг взорвется? Снесет всю деревню». А тут еще вспомнил, что минеры ищут секрет. Осторожно действуя штыком как отверткой, он отвернул винты и снял взрывное устройство. Вскоре из бригады приехали минеры, распотрошили мину и увезли в штаб флотилии.

Изучив принцип действия механизмов мины, моряки изменили способ и порядок траления. Оно стало результативней.

Хорошихин появлялся на самых ответственных и опасных участках. Так было и 1 августа 1942 года. В районе населенного пункта Никольское ввиду минной опасности остановились караваны судов. Адмирал немедленно с двумя бронекатерами направился к месту скопления судов...

Те, кто имеет дело с минами, на воде ли, на земле, никогда полностью не застрахованы от рокового исхода своих действий. С кораблей видели, как на том месте, где был бронекатер № 22, который нес флаг адмирала, взметнулся к небу белый водяной столб. Когда он рассыпался, катера не было.

6

Названия судов, бороздящих волжские воды, привлекают внимание. Всем хочется знать тех, чье имя носит теплоход. Взять хотя бы путейский теплоход «Бакенщик Михайлов». Кто он, чем знаменит Михайлов?

Иван Васильевич Михайлов работал бакенщиком Купеватского переката. Жена Мария Петровна была помощником. Любовно, по-хозяйски содержали они один из самых сложных навигационных участков на Волге. Не было случаев, чтобы из-за плохого состояния обслуживаемой ими обстановки задержалось судно.

Когда война ворвалась на Нижнюю Волгу, речники, путейцы вместе с моряками Волжской военной флотилии скрытно от врага обставляли судовую ход, находили на случай минирования основного фарватера запасные пути для судов. Своевременно обнаруживали мины, вместе с военными моряками обезвреживали их.

Труднопроходимый для судов даже в мирное время Купеватский перекат с его извилистым, изменчивым судовым ходом фашисты старались совершенно закрыть. Они бомбили суда и караваны, минировали фарватеры. Иван Васильевич почти не покидал поста. Часто

в беспросветной ночной мгле, в шторм, дождь он поднимался на ходовой мостик проходящего судна, и опытные капитаны диву давались, как находит безопасный путь молодой бакенщик?

Однажды, обнаружив сброшенные мины, Михайлов вместе с Харьковым вышли на лодке, взяв с собой специальные плавучие знаки для обозначения мин. Вражеские самолеты-миноносцы, снизившись, обстреляли смельчаков. Они легли на дно лодки, притворившись убитыми. Пробитая лодка наполнялась холодной водой, но шевелиться было нельзя. Как только затих гул самолетов, раненый Михайлов и его товарищ отлили из лодки воду и обозначили места падения мин.

Около десятка мин обнаружили бакенщики поста и вместе с военными моряками обезвредили их.

...Ночь на 21 сентября 1942 года выдалась на редкость темной, беззвездной; вода, небо и берег слились воедино. «В такую ночь противник обязательно попытается минировать участок», — подумал Михайлов и остался на посту. Приближалось утро, а продрогшие от холода бакенщики не сомкнули глаз. И вот над водой послышался гул самолетов. Бакенщики бросились к незамысловатым приспособлениям, ими же изготовленным для засечки места падения мин. Над рекой появились темные силуэты двух самолетов. Первый сбросил груз, который повис на куполе парашюта. Сомнения не было — мина. Бакенщики засекли точку падения. Вот и вторая ноша плюхнулась в воду. Засекли и ее. Немедленно закрыли на реке ход и сообщили о минах командиру дивизиона тральщиков.

Сентябрьский день вставал солнечный, лишь по высокому небу плыли белесые облачка. К бакенному посту подошли тральщики военной флотилии. Чтобы точнее указать место падения мин, Иван Михайлов и Леонид Харьков пошли на траление вместе с моряками.

Одна из вражеских мин, несмотря на размагниченный корпус тральщика, взорвалась...

7

За два года войны авиация врага сбросила в русло Волги, в основном на участках Горный Балыклей — Ерзовка, Райгород — Черный Яр сотни мин. За навигацию

1943 года моряки Волжской флотилии большинство их уничтожили. Но часть их лежала на дне, и минная опасность еще оставалась.

Было нелегко уничтожить мины, места падения которых моряки флотилии знали. Но еще труднее было обезвреживать судоходные пути там, где точное местонахождение мин не известно. Однако отважные моряки продолжали уничтожать мину за миной. В июне 1944 весь участок Волги от Астрахани до Саратова был очищен. Лишь чуть выше Черного Яра оставалась еще не найденная, таящая смертельную опасность мина. Там караваны судов проходили с особой осторожностью: было бы обидно стать жертвой войны, когда она перенеслась на территорию противника.

Чтобы отыскать и обезвредить злосчастные мины, моряки порой прибегали ко всяким ухищрениям. Были случаи, когда, опустившись по горло в воду, смельчаки осторожно ощупывали ногами дно реки.

И эту, последнюю мину, искали долго. Некоторые уже стали сомневаться в ее существовании, но донесение о сброшенной здесь мине командование флотилией игнорировать не имело права.

Была ночь, когда флагманского минера старшего лейтенанта Аркадия Яковлевича Кукуя срочно вызвали в штаб базы. Командир капитан 1-го ранга Смирнов сказал:

— В районе Черного Яра рыбаки обнаружили предмет, похожий на мину.

Несмотря на вероятную встречу с опасностью, Аркадию Яковлевичу хотелось, чтобы найденный предмет оказался именно миной, которую так долго разыскивали — ведь она была последней миной на Волге. Моряку не спалось тогда до утра.

К месту подошли, когда занялся июньский день. На отмели, недалеко от судового хода возвышался темный предмет. Вблизи людей не было. Движение судов через этот участок путейцы временно закрыли. Тральщик встал подальше от опасной находки. Идти к ней вызвались несколько моряков. Кукуй запретил сопровождать его. Осторожно подошел к предмету. Это была огромная магнитно-акустическая мина-бомба с семисоткилограммовым зарядом. Ее надо было очистить от песка и ила, чтобы добраться до взрывателя. Инстру-

менты применять опасно, и Кукуй отгребал песок руками. Вот и взрыватель, он в боевом состоянии. Одно неосторожное движение — и взрыв...

Минер неторопливо прикрепил к минному взрывателю подрывной патрон, вставил запал бикфордова шнура, встал, осмотрелся вокруг. В ожидании взрыва, который уничтожит последнюю опасность на нижней Волге, безмолвно стояли караваны судов, покачивался тральщик, на его палубе столпились моряки. Военно-морской флаг колыхался на гафеле, как бы ободряя минера.

Кукуй поджег бикфордов шнур. Убедившись, что он горит, отбежал и укрылся в загодя намеченной ложбине на берегу. Шли секунды, минуты, стало казаться — время остановилось. Неужели осечка?

И тут раздался громовой взрыв...

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	3
---------------------------	---

На земле

А. М. Овчаров. Танкисты	4
В. М. Ионов. По-гвардейски	12
Г. А. Батаев. Артиллеристы	41
П. А. Беляков. В прицеле «Бурый медведь»	20
А. О. Борух. Саперы	54
Н. Н. Закамский, В. О. Круглов. Курсанты	72
В. И. Вознюк. Залпы «катюш»	80
А. П. Дудкин. Разведчики	86
В. Г. Гомазков. За край родной	94
Ф. С. Грузинский. Ожесточенность	100
Д. С. Добрушин. Не только оружием	105
И. К. Ребров. Железнодорожники	110

В небесах

П. П. Сученинов. Качинцы	141
А. М. Янчук. Комэск	146
М. П. Гаршенин. За упавшими самолетами	153

И на воде

Л. И. Сыркин. Моряки	157
--------------------------------	-----

КАК ВМЕСТЕ СРАЖАЛИСЬ

Литературная обработка Л. П. Колесникова

Редактор В. С. Мельников

Художник В. В. Сонин

Худож. редактор В. Э. Коваль

Техн. редактор А. Г. Илларионова

Корректоры Л. А. Лукина, Т. У. Климова

ИБ № 228

Сдано в набор 17.11.78 г. Подписано к печати 26.03.79 г.
НМ 01350 Формат 84×108^{1/32} Бумага тип № 3 Гарнитура ли-
тературная Высокая печать Физ. печ. л. 5,5 Печ. л. усл. 9,24.
Уч.-изд. л. 9,1 Тираж 10 000 Заказ 312 Цена 25 коп.

Нижне-Волжское книжное издательство
400004, Волгоград, ул. Невская, 6
Типография издательства «Волгоградская правда»
Волгоград, Привокзальная площадь

Сканирование - Беспалов, Николаева
DjVu-кодирование - Беспалов

The background of the cover is a vibrant red. It is decorated with several broad, dark red, expressive brushstrokes that sweep across the upper half of the page. The lower half of the cover is marked by numerous fine, light-colored scratches and scuffs, giving it a worn, vintage appearance.

**КАК
ВМЕСТЕ
СРАЖАЛИСЬ**